

УДК 820
ББК 84(7Сое)
К38

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Загадки древних цивилизаций»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Киддер Дж.Э.

К38 Япония до буддизма. Острова, заселенные бо-
гами / Пер. с англ. О.И. Миловой. — М.: ЗАО
Центрполиграф, 2003. — 286 с. — (Загадки древ-
них цивилизаций).

ISBN 5-9524-0452-9

Археологические исследования к्यёкемёдингов (раковинных куч),
могильных курганов и анализ древних японских хроник позволяют
восстановить структуру и быт японского общества в периоды Дзёмон
и Яёй. Книга знакомит с ремеслами и архитектурой, верованиями и
обрядами древних японцев и представляет плеяду императоров добуд-
дийского периода и пантеон богов, возглавляемый богиней солнца
Аматэрасу.

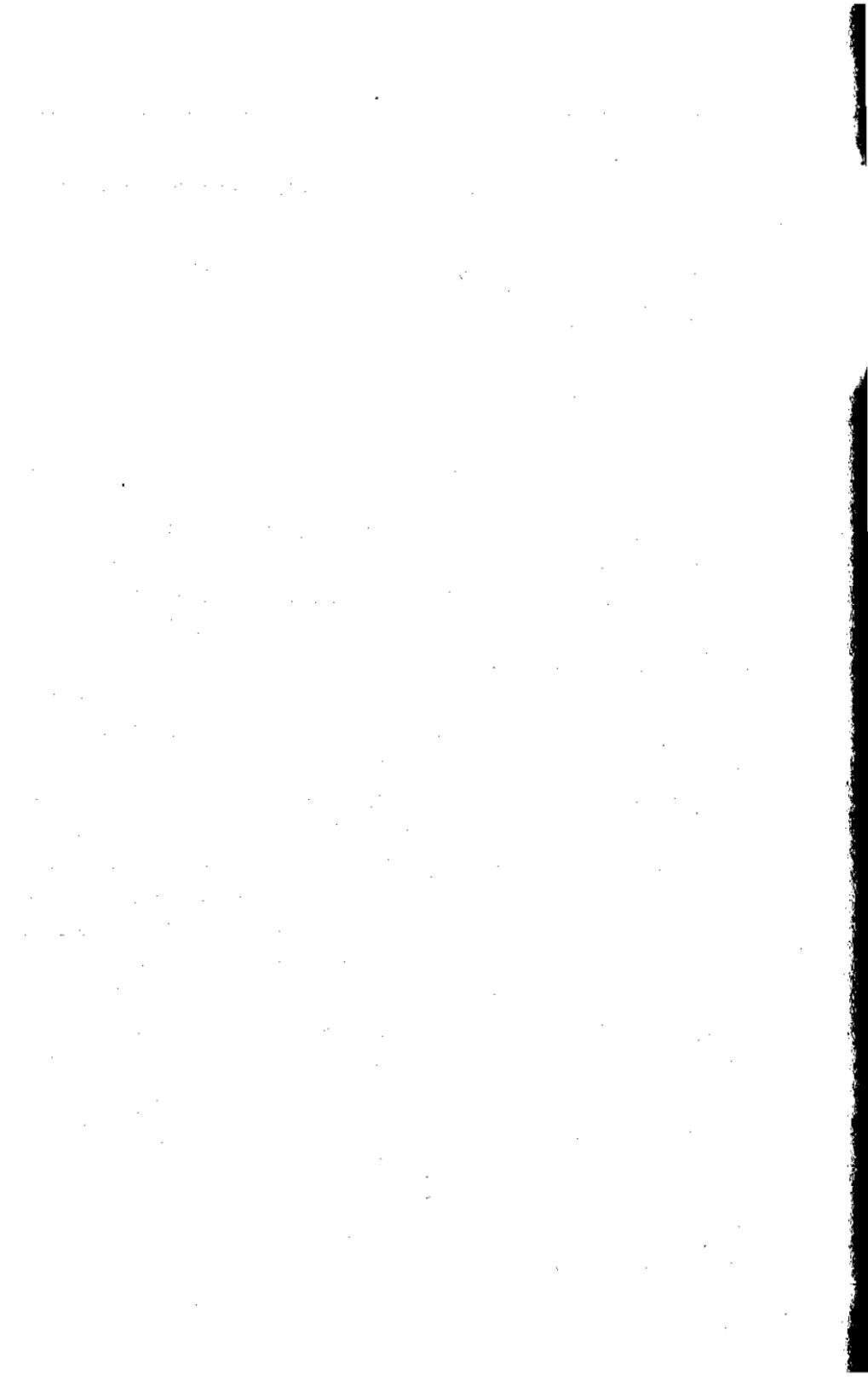
УДК 820
ББК 84(7Сое)

© Перевод, ЗАО «Центрполи-
граф», 2003
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполи-
граф», 2003

ISBN 5-9524-0452-9

ЯПОНИЯ ДО БУДДИЗМА

Острова, заселенные богами

ВВЕДЕНИЕ

Изящной аркой, образованной четырьмя крупными и многими сотнями небольших кусочков суши, вдоль восточного побережья азиатского континента протянулись Японские острова. Почти все они находятся в зоне умеренного климата, однако так было не всегда — в те или иные времена Японии также принадлежали расположенные к северу от нее Южные Курильские острова и часть Сахалина южнее пятидесятой параллели, а с противоположной стороны — острова Рюкю и остров Формоза. Хотя эти удаленные точки оказались под властью острова Хонсю не так давно, тем не менее уже в ранний доисторический период эти регионы имели много общего. Период каменного века оставил след на территории протяженностью почти 3600 километров — от острова Хоккайдо на севере до острова Окинава на юге. Появление технологии изготовления изделий из бронзы породило особую культуру (которая, правда, сама далеко не всегда использовала этот сплав); вскоре она вышла за пределы Кюсю, однако дальше Окинавы продвинуться не смогла; на севере эта культура распространилась вплоть до южных районов Токио. Позднее, вprotoисторический период, с усилением политической влас-

ти правителей равнины Ямато произошло дальнейшее сокращение границ и установление сфер суверенитета, которому было суждено оставаться фактически без изменений в течение многих столетий. На протяжении нескольких столетий, пока сохранялись эти границы, различия между жившими по обе их стороны людьми — как во внешнем облике, так и в культуре — резко увеличились. Этот регионprotoисторической и исторической Японии включает в себя острова Кюсю, Сикоку и часть острова Хонсю, лежащую ниже тридцать девятой параллели.

У регионов Японии существуют различные названия, поэтому нам представляется целесообразным давать в книге те, которые используются в настоящий момент и лучше всего знакомы западному читателю. Мы осознаем, что такой подход может вызвать град критики со стороны определенных археологических кругов. Северо-восток острова Хонсю традиционно называют Тохоку, а восток — Хокурику. На равнине Канто, немалую часть которой занимает префектура Токио, также находятся префектуры Тиба, Ибараки, Сайтама, Канагава, а также Тотиги, Гумма и несколько районов префектуры Яманаси. На карте равнина имеет причудливую форму: длинные узкие участки низменностей чередуются с отрогами горных хребтов. Тосан (восточные горы) — это гористая часть центра Хонсю, на отдельных участках она совпадает с Тюбу (средняя часть), которая расположена почти четко с севера на юг. От префектуры Нагано до префектуры Сидзуока протянулась территория, которую часто называют Синсю. Токайдо, через который проходит знаменитая дорога из Киото в Токио, кстати поименованная в честь этого региона, — это узкая полоса восточного побережья, соединяющая равнины Ямато

и Канто. В основном это гористая местность, и ее деление на 53 участка, известных в эпоху Эдо как почтовые станции, дает представление о том, сколько времени до появления современных видов транспорта занимал путь из одного города в другой. Поскольку регион равнины Канто включает в себя северную часть региона Токай, то использование названия «Токай» представляется наиболее удачным для местности, расположенной между Канто на севере и Кансаем на юге и включающей в себя префектуры Сидзуока, Айти и залив Исе. Район Киото—Осака известен под целым рядом имен — в зависимости от периода времени и от того, в связи с какими событиями он упоминался. Его историческое название — Го-Кинай (5 провинций): Ямасиро, Ямато, Кавати, Сеттсу и Идзуми; географически он находится в Кансае, к западу от гор, относительно которых Канто лежит на востоке. Иногда, в более узком значении, используется другое название — Кинки. В этом случае подразумевается, что данный регион включает в себя и находящийся к югу полуостров Кии. На юге острова Хонсю находится Тюгоку (средние провинции). С внешней стороны расположен Саниндо (земля в тени гор); на побережье Внутреннего Японского моря — Саниодо (земля перед горами). Такие регионы, как острова Сикоку (4 провинции) и Кюсю (9 провинций), с общего согласия сохранили уже существующие названия.

Широкомасштабные археологические исследования начались в Японии в те времена, когда страна все еще была разделена на 66 провинций (*куни*), хотя их число варьируется в зависимости от того, какую дату считают началом исследований. В период реставрации Мэйдзи была введена система префектур, однако прежде, чем она была полностью

реализована и появились нынешние 46 префектур, прошло определенное время. Накопившиеся за полвека находки, археологические отчеты и каталоги имеют привязку к прежним провинциям. Нововведения проходили тяжело, система провинций с трудом уступала свои позиции, а к проблемам археологов добавились еще трудности с перевозкой находок, ведь границы старых провинций и новых префектур часто не совпадали. Используемый ныне метод определения и выделения земельных участков требует постоянного обращения к архивным данным, поскольку в связи с ростом городов места раскопок зачастую оказываются в городской черте или же на территории других населенных пунктов. Ввиду того, что в Японии, по приблизительным оценкам, около 100 тысяч археологических памятников (то есть три четверти от всего количества) находится на территории, составляющей менее 368 тысяч квадратных километров, археологи были вынуждены выработать особую методику идентификации этих памятников, при этом принимая во внимание то, что многие из них расположены буквально в нескольких сотнях метров друг от друга. Поэтому при наименовании местонахождения всех памятников указываются префектура (*кэн*), уезд (*гун*), деревня (*мура*), а также слова, конкретизирующие близость к какому-то месту (*Адза*, *Оадза* и т. д.). В определенных случаях, где это необходимо, вместо области указывается город (*си*), а в нем — квартал (*ку*). Для археологических исследований в самой Японии все это, безусловно, имеет особую важность, однако для западного читателя, не имеющего подробных карт на японском языке, и в такой, как эта, книге подобная информация представляется несущественной.

Не стоит объяснять, что открытие такого значительного количества археологических памятников и описание даже небольшой их части говорит о напряженной работе археологов в течение многих десятилетий. Безусловно, ученые регулярно публиковали отчеты о результатах своих исследований, а в последние годы число таких публикаций особенно возросло. В увидевшем недавно (1958 год) свет полном перечне археологических памятников периода каменного века (включая открытия 1955 года) перечислено 3869 единиц. Многие из наиболее крупных памятников — такие, как занимающие общую площадь более 4 тысяч квадратных метров раковинные кучи (къёккенмёдинги), — настолько часто и основательно перекапывались, что в них, как, например, в раковинных кучах Омори, наверное, уже не осталось ни одной раковины. Понятно, что такие памятники стали предметом исследования в целом ряде научных трактатов.

Можно часто услышать, что толчок развитию современной археологии в Японии дал профессор Эдвард С. Морс, первым понявший, что наличие раковинных куч говорит о том, что на Японских островах в неолите жили люди. В 1879 году С. Морс приступил к раскопкам къёккенмёдингов Омори, расположенных вдоль линии железной дороги, связывающей Йокогаму с Токио. Его вышедшая на английском языке работа «Раковинные кучи Омори» открыла длинную череду публикаций о доисторических археологических памятниках. По мере того как обнаруживались все новые и новые памятники, относящиеся к данному периоду, постепенно начало складываться представление об этой культуре. В Токийском университете изучение антропологии шло под руководством Сёгоро Цубои, а другой выдающийся ученый,

Рюдзо Тории, посвятил себя исследованию проблем антропологии и этнологии в доисторические времена и в культуре айнов. В 1929 году Касива Ояма основал Институт доисторического периода и занимался раскопками памятников неолита в течение пятнадцати лет, вплоть до закрытия института во время войны. Многие ученые-археологи, чьи имена вписаны золотом в историю археологии Японии, выросли в академической атмосфере этого учебного заведения и были воспитаны на его изданиях — таких, как «*Shizengaku Zasshi*».

Однако подлинное понимание хронологии каменного века, основанное на типологии керамики, появилось в 1937 году — тогда, когда Сугао Яманучи выделил пять классов, которые подразделялись на четко определенные и последовательно сменявшие друг друга типы. С этого времени при датировке находок периода неолита ученые с успехом пользовались системой С. Яманучи. Этот период получил название Дзёмон — от названия техники украшения керамики шнуроным орнаментом. Особенно много памятников этого периода находится в северной части Хонсю, на равнине Канто, где была обнаружена почти тысяча раковинных куч, а также в центральных горах. Наличие сравнительно тонкого культурного слоя в южной части островов, возможно, объясняется более ранним переходом этих регионов к использованию бронзы и железа и более важным значением, которое имели эти периоды для местного населения.

В 1884 году в Яёмати, находящемся в Токийском районе Хонго, была обнаружена керамика еще одного типа. Эти изделия, изготовленные на гончарном круге и почти всегда лишенные каких бы то ни было декоративных украшений, были обнаружены в археологических ассоциациях с керамикой брон-

зового века. Данная находка дала толчок началу исследований, которые помогли определить характерные черты керамики данного периода, носящего название Яёй. Для получения информации об этом времени было необходимо провести раскопки ряда объектов, зачастую расположенных на достаточно удаленных друг от друга участках. Работы велись в деревнях, на остатках древних рисовых полей, кладбищ и в местах обнаружения кладов. К счастью, многие находки были сделаны в 30-х годах XX века и позже — тогда, когда археологи уже взяли на вооружение более современные научные методы. При таких широкомасштабных исследованиях особо эффективным оказалось умение японских ученых работать единой командой. Отчеты о результатах раскопок публиковались Комиссией по охране культурных ценностей при правительстве страны.

Исследования железного века и доисторического периода в определенном смысле были сопряжены с различными сложностями. Возможно, это объяснялось сакральным характером хроник, повествовавших о жизни императорского двора в течение этих веков, а также отсутствием необходимости или желания вникать в суть этих записей. К 1920 году Ко-саки Хамада из университета города Киото, используя сравнительный анализ материалов дальневосточных культур, вывел замкнутые на изучении местной культуры археологические исследования на международный уровень. В эти годы начались первые систематические изучения сотен могильных курганов — наглядных свидетельств жизни привилегированных классов раннего периода истории страны. Данные работы проводились учеными из Киото под руководством Сүёдзи Умехары. Итогом четырех десятилетий активных исследований Умехары стало

появление сотни книг, посвященных археологии Дальнего Востока, и в девять раз большего числа статей. Правительства префектур со своей стороны спонсировали изучение и раскопки находящихся на их территории захоронений и других памятников древности. Сейчас все крупные университеты имеют отделения археологии, где работают квалифицированные преподаватели. Они проводят раскопки на регулярной основе, кроме того, к ним обращаются и со случайными находками. Археологические памятники охраняются государством — это ученые считают очень важным, однако полностью проблему вандализма так и не удалось решить. Как и во многих других странах, в Японии бурные темпы послевоенного строительства негативно отразились на сохранности археологических памятников, и вопрос их спасения по-прежнему стоит очень остро.

Наличие гор — это самая яркая географическая характеристика Японии. В стране три основные горные системы: Сахалинская гряда начинается на острове Хоккайдо, проходит через остров Хонсю, как своего рода позвоночный столб этого острова, переходит в высокие центральные горы в районе Нагано, огибает префектуру Сидзуока восточнее города Нагоя. Другая горная цепь пересекает острова Кюсю и Сикоку, проходит южнее Осаки и Киото и почти смыкается с Сахалинской грядой в районе Нагано и Сидзуоки. Примерно под прямым углом к ним, фактически деля Японию пополам, протянулась горная система Фудзи. Полуострова Ису и Ното, соответственно на востоке и на западе, являются конечными точками этой системы, которую часто называют японскими Альпами. Наверное, не стоит напоминать, что многие горные системы по-прежнему имеют действующие вулканы.

Наличие аммонитов и других ископаемых указывает на то, что в палеозойскую эру территорию большинства районов Японии покрывало море. Вероятно, этот период отличался наиболее активной вулканической деятельностью, в результате которой к концу палеозойской эры над поверхностью моря поднялись большие участки земли и начали формироваться горные системы. Хотя подъем и опускание суши с тех пор не прекращалось, в мезозойскую эру Японские острова, вероятно, составляли единое целое с континентом — с Корейским полуостровом, Маньчжурией и южными дальневосточными районами России. Некоторые факты указывают на то, что с юга Япония имела сухопутную границу с Филиппинскими островами и Явой. В миоцене и плиоцене кайнозойской эры вновь началось опускание суши — судя по всему, оно произошло в результате двух крупных тектонических сдвигов. Случающиеся время от времени находки останков ископаемых животных, главным образом семейств слонов и оленей, говорят о том, что формирование суши в те времена происходило совсем не так, как сейчас. Большие участки центральных и северо-западных районов острова Хоккайдо, западной части острова Хонсю и полуостровов восточного побережья, скорее всего, были под водой. В плейстоцене эти участки постепенно заполнялись отложениями и поднимались над поверхностью моря, в настоящее время этот процесс по-прежнему продолжается. Если он будет идти и дальше, то обширные охотничьи угодья первых млекопитающих когда-нибудь могут вновь оказаться на суше. Например, со дна Внутреннего Японского моря сети рыбаков неоднократно приносили остатки ископаемых слонов. Кости этих животных были также обнаружены в самых разных районах страны —

в таких удаленных друг от друга префектурах, как Аомори, Тотиги, Токио, Вакаяма и Хиого. Животный мир плиоцене и более поздних периодов, кроме жирафа, включал в себя следующие, достаточно широко распространенные и на континенте виды семейства слонов: *Stegodon orientalis*, *Stegodon sinensis*, *Parelephas protomammoneus*, *Elephas trogontheri*, *Elephas namadicus*, *Elephas indicus*. Арктический покрытый щерстью мамонт (*Elephas primigenius*) пришел сюда из Сибири во второй половине плиоцене; его ископаемые останки были обнаружены на Сахалине и Хоккайдо, на Хонсю они пока не встречались — вероятно, климат более южных островов был для него слишком жарким. Если теплый климат подходил для слонов, то обильные дожди создавали максимально благоприятные условия для растительности, которая была необычайно богатой. Наверное, именно буйная растительность вынудила человека в поисках наиболее подходящих для жизни мест выбраться из глубины леса на его опушку и на морское побережье. Если в палеолите на территории Японии людей было настолько много, что следы их жизнедеятельности достаточно заметны, то сейчас эти следы, вероятно, находятся на дне нынешних морей. Чтобы жить на Японских островах, люди должны были переселиться туда во времена, когда еще был возможен переход по сухе. С другой стороны, путешествие людей неолита на своих выдолбленных из стволов деревьев лодках в любом случае проходило бы вблизи берега, независимо от того, перебрались они на эти острова с более южных островов, с Корейского полуострова или же с Сахалина и Хоккайдо.

Глава I

ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ

В 1949 году в местечке Ивадзуку, префектура Гумма, из слоя, оказавшегося ниже того, в котором на равнине Канто обычно находили керамику, были извлечены каменные орудия труда. Это открытие ознаменовало собой начало поисков остатков культуры палеолита в Японии. Но еще до этого некоторые ученые были убеждены в том, что на территории Японии можно обнаружить материальные свидетельства древнего каменного века. Тем не менее, найденные на тот момент разрозненные предметы, зачастую достаточно спорного происхождения, не могли служить убедительными доказательствами справедливости этой точки зрения, поэтому их значение было признано далеко не сразу.

И геологи и археологи не всегда соглашаются с палеолитической датировкой, а привычные для многих термины «некерамический» и «докерамический», похоже, устраивали всех. Возможно, геологи хотели получить более надежное подтверждение тому, что найденные предметы действительно относятся к плейстоцену, или, например, обнаружить их в комплексе с окаменелостями животного происхождения данного периода. Однако и с технологической, и с экономической точек зрения такие «докерамические» находки, как правило, квалифицировались как палеолитические. По крайней мере,

именно по этим критериям период самого раннего Дзёмон относят к мезолиту. Археологические памятники эпохи Дзёмон настолько часто буквально изобилуют фрагментами керамических изделий, что в том случае, когда найденная керамика не соседствует с каменными орудиями труда, сразу же, что вполне закономерно, возникает вопрос датировки этого памятника. Сами предметы из камня не могут дать исчерпывающего ответа просто потому, что не существует резкой разницы между артефактами, характерными для предшествовавшего эпохе Дзёмон периода истории и для первых периодов этой эпохи. Поэтому особую важность приобретает геологический контекст находки. Более того, учитывая, насколько велико искушение отнести любое найденное поселение, орудие труда, похожее на палеолитические, к периоду до эпохи Дзёмон, беглый просмотр самого свежего списка обнаруженных в поселениях каменного века артефактов (эта работа 1928 года так и не была закончена из-за невозможности каталогизировать такой большой объем находок, сделанных за небольшой промежуток времени) покажет наличие артефактов из камня лишь в нескольких сотнях из примерно 10 тысяч зарегистрированных поселений.

Вопрос датировки находок на равнине Канто, без сомнения, напрямую связан с тем, как шло формирование верхних горизонтов этой равнины. Суглинки равнины покрывает слой гумуса толщиной от 10 до 60 сантиметров. Суглинки перемежаются со слоями принесенного ветром вулканического пепла, причем его толщина различна и в некоторых местах достигает почти двух метров. Различие в мощности слоев пепла объясняется расстоянием от источника извержения: так, Фудзияма «ответственна»

за отложения в юго-западной части равнины, а горы Асама, Акаги и Харуна — в ее западной части. До недавнего времени считалось, что к моменту формирования суглинков Япония уже стала группой островов. Материальные свидетельства эпохи Дзёмон почти всегда обнаруживаются в самом верхнем тонком слое почвы, и поэтому, когда в суглинках равнины Канто находят керамику определенных типов, ее, согласно логике, относят к наиболее ранним периодам. Естественно, это означает, что объектов, представляющих интерес для археологии, на значительной глубине просто нет. Это подтверждается и результатами многочисленных раскопок глубоких слоев, в которых таких объектов встречается значительно меньше, чем у поверхности земли.

После того как в Ивадзуку в достаточно глубоком слое суглинка были найдены каменные орудия труда, геологи по-иному взглянули на проблему суглинков равнины Канто. Был определен их возраст — поздний или, возможно, средний плейстоцен — другими словами, они сформировались еще до того, как острова отделились от континента. Если это действительно так, то, возможно, изготавлили каменных орудий труда из Ивадзуку добрались до острова Хонсю по суше.

Два слоя суглинков в Ивадзуку содержат фрагменты каменных изделий. Подстилающий слой темно-коричневой глины залегает на глубине в среднем около двух метров от поверхности земли. Именно в этом слое были обнаружены два ручных рубила с заизубренными краями (зарегистрированы как Ивадзуку-I) (рис. 1, а). Иногда их еще называют отщепами. Там же были найдены два скребка и несколько пластин — кремневых отщепов с параллельными краями. Все изделия в основном из глинистого

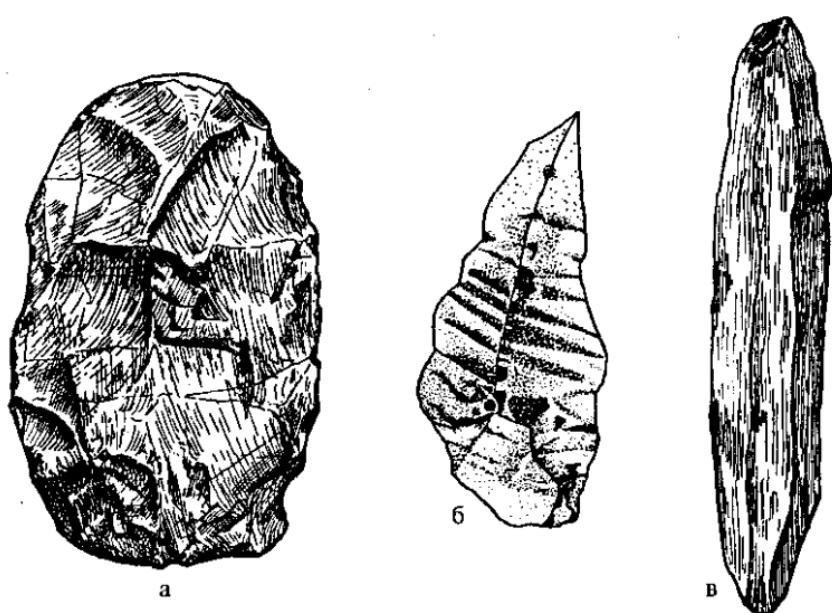

Рис. 1. Каменные орудия труда докерамических периодов: а — Ивадзуку, префектура Гумма, высота 8 см; б — Такей, префектура Гумма; в — Санва, префектура Хоккайдо, высота 15,5 см

сланца. В Ивадзуку-II, нижнем слое желто-коричневого песчаного горизонта Адзами, расположенным сверху, встречаются небольшие скребки с заостренными передней и боковой частями, выброшенные неудачно обработанные пластины, осколки и заготовки-нуклеусы. В основном они сделаны из бледно-голубого агата, значительная их часть — из обсидиана, а некоторые — из глинистого сланца и андезита. Ивадзуку-III пока остается загадкой из-за того, что перед началом кропотливых археологических работ с площадки было удалено значительное количество каменных орудий. Однако можно предположить, что на данном уровне находилось множество небольших орудий типа скребков, микролитов по форме. Керамика Инаридаи — один из са-

мых ранних типов керамики эпохи Дзёмон — была обнаружена на склоне горы в слое, который, как сложилось впечатление, находился ближе к поверхности, чем тот, в котором были найдены каменные орудия.

Теперь, когда многочисленные поселения этого типа получили название «докерамических», можно ожидать, что наконец-то будут решены вопросы классификации. Существует огромное количество разновидностей орудий труда, большую часть из них составляют орудия из кусков породы и заостренные пластины. Японские археологи выделяют три основные разновидности орудий труда: ручные рубила, острия и пластины. Ручные рубила находят, как правило, вдоль побережья Внутреннего Японского моря, в западной части равнины Канто, а также в южной, восточной и северной частях острова Хоккайдо. Острия чаще всего встречаются в регионе Внутреннего Японского моря и в центральных горах. Впервые они были обнаружены в Тохоку — в местечке Амако, префектура Ямагата, в 1957 году. В таких северных районах, как остров Хоккайдо, их встречается очень мало. Там преобладают пластины — например, на острове Хоккайдо они были найдены более чем в 10 поселениях. Кроме того, пластины были обнаружены на юге Тохоку и в Тосане, а также в одном поселении на побережье Внутреннего Японского моря.

В Такее (Ниисато), префектура Гумма, и Моро (Итабаси), префектура Токио, были найдены острия заточенные пластины из обсидиана, ретушированные только с одной стороны (рис. 1, б). Орудия Тяусуямы тоже сделаны из обсидиана — как правило, это пластины или скребки из отщепов в основном с одним оббитым рабочим краем. Недалеко от этого места, в Уэнодайре, в городе Сува, префекту-

ра Нагано, обнаружены наконечники в форме лаврового листа, отщепы и пластины также из имеющегося в тех местах в больших количествах вулканического стекла. Отщепы больше распространены в центральных горах; в местечке Ябудзука, расположенному неподалеку от Ивадзуку и в Ядегаве (Маки), префектура Нагано, были обнаружены нуклеусы и острые тонкие отщепы.

Хотя многое из перечисленного выше найдено прямо на поверхности земли, больше доверия внушают предметы, добытые учеными в результате систематических археологических раскопок. Так, в Тарукиси, недалеко от города Хакодате на юге острова Хоккайдо, примерно на полметровой глубине были обнаружены внушительных размеров пластины, скребки с заостренными боковыми и передними краями, нуклеусы и отщепы. Некоторые аккуратно обработанные пластины из глинистого сланца в длину превышали 20 сантиметров (рис. 1, в).

Дж. Марингер, занимаясь выявлением типологического сходства более широкого характера, при исследовании орудий труда из Гонгенъямы, расположенной около города Иседзаки, префектура Гумма, обнаружил, что ранние и средние культурные слои этого поселения содержат орудия труда, сходные с существовавшей на острове Ява в нижнем палеолите индустрией Патытаны. Орудия для рубки и отщепы, как складывается впечатление, выполнены в технике Леваллуа, а пластины и нуклеусы для них в определенной степени напоминают яванские.

Учитывая данное переплетение типов, а также исходя из принципа геологической стратиграфии, С. Сугихара предлагает следующую периодизацию (при этом вместо термина «культура» он использует более широкое японское понятие *бунка*):

ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ

Геологический пласт	Основные типы	Название культуры
Желто-коричневые глины суглинков равнины Канто	Развитая культура острый	Культура Уэнодайра
	Ранние периоды культуры острый	Культура Такей-II
	Развитая культура пластин	Культура Тяусуяма
	Культура пластин разнообразных типов	Культура Моро
	Культура ножей с заостренным концом	Культура Ивадзуку-II
	Ранние периоды культуры пластин	Культура Такей-I
Темно-коричневые глины суглинков равнины Канто	Культура ручных рубил	Культура Ивадзуку-I

Вопрос о том, действительно ли появление острый предшествовало появлению керамики, до сих пор остается открытым. Найдки в поселении Монотоки, префектура Ниигата, вызвали дискуссию по этой проблеме, что, в свою очередь, подтолкнуло ученых к более интенсивным действиям по датировке острый. Геологические пласти не так легко разделить между собой, поэтому проблема заключается в том, чтобы определить, какому пласту принадлежит находящаяся неподалеку от острый керамика — выше того, где обнаружены острия, или в том же слое. Конечно, после раскопок большого числа поселений, где керамика будет однозначно вертикально представлена в комплексе с каменной индустрией, проблема решится сама собой ко всеобщему удовлетворению. Однако, учитывая то, что культур-

ный слой поселений неглубок, а подвижки земной коры — достаточно частое явление, вряд ли можно будет с полной уверенностью увязать одни артефакты с другими. В качестве аргумента, подтверждающего любую из противоположных точек зрения, можно привести в пример бесчисленное количество случаев с керамикой в поселениях эпохи Дзёмон: за тысячи лет разнообразные типы керамики Дзёмон полностью перемешались между собой. Возможно, наиболее примечательным примером можно считать раскопки, проведенные университетом Нагои в пещере Кюго, префектура Гифу. В результате изысканий было выделено десять видов керамики — от самого раннего до самого позднего, причем по времени их разделяло, как минимум, четыре тысячелетия, а найдены они были в пласте толщиной чуть более 60 сантиметров. При этом существенных стратиграфических различий в самом пласте не наблюдалось. Дело в том, что в пещере люди жили как в эпоху Дзёмон, так и в эпоху Яёй. Поэтому ретушированные пластины могут свидетельствовать как о том, что пещера была убежищем для человека «до-керамического» периода, так и о том, что культура «керамики» и культура «докерамического» типа какое-то время сосуществовали.

В то время как единого мнения по поводу терминологии пока нет, большинство ученых при характеристике микролитических индустрий и керамики ранних периодов отдает предпочтение использованию термина «мезолитический». Бессспорно, в данном случае налицо определенные временные накладки, ведь керамика и микролиты периода раннего Дзёмон находят рядом в одних и тех же поселениях, например в Тадо, в городе Йокосука. Однако эпоха Дзёмон сама по себе не является границей между

мезолитом и неолитом, хотя следут отметить, что принято считать термины «Дзёмон» и «неолит» синонимами. И действительно, со временем эти два понятия становятся все более близкими.

Раскопки на острове Иидзима, префектура Кагава, находящемся во Внутреннем Японском море напротив города Тамано, префектура Окаяма, выявили довольно разнообразную индустрию: здесь были обнаружены очень небольшие по размеру отщепы с паралельными краями — иногда не более 1,5 сантиметра в длину, ретушированные острия с двусторонней заточкой и нуклеусы. Нельзя сказать с полной уверенностью, что они точно принадлежат к «докерамическому» периоду, так как многие из наконечников метательных орудий мало чем отличаются от аналогичных образцов эпохи Дзёмон. Форма данных острый разнообразна, но большая их часть — это изделия практически правильной треугольной формы с вогнутым основанием.

В целом эпоху Дзёмон на протяжении основной части его существования можно назвать поздним неолитом; на юге Японии она даже захватывает бронзовый и железный век. В этот период существовали лишь зачатки самых примитивных форм сельского хозяйства, а одомашнивание животных едва ли имело место до последнего тысячелетия рассматриваемого нами этапа развития территории. Жизнь людей в составе небольших родовых групп проходила рядом с раковинными кучами на побережье моря или по берегам рек; ее основными чертами были совершенствование приемов собирательства и охоты, а также взаимной защиты соплеменников. Таким образом, это не были сельскохозяйственные общины в полном смысле этого слова.

Глава 2

НЕОЛИТ

Деление эпохи Дзёмон на периоды было произведено в соответствии с типами керамики, которые С. Яманучи соотносит с пятью стадиями эволюции гончарного мастерства. Эти периоды довольно продолжительны и потому не требуют наличия специальных знаний типологии керамики и вполне могут быть указаны в тех случаях, когда сложно отнести предмет к какому-то конкретному типу. Тем не менее, временные рамки достаточно узки для того, чтобы определить возраст рассматриваемого материала в пределах тысячи лет (что для датировки в пределах эпохи Дзёмон зачастую имеет принципиальное значение). Японские названия этих периодов эпохи Дзёмон — Со-ки, Дзен-ки, Чу-ки, Ко-ки и Бан-ки — едва ли можно буквально перевести на менее образный английский язык, поэтому в английском языке им соответствуют: самый ранний Дзёмон, ранний Дзёмон, средний Дзёмон, поздний Дзёмон и самый поздний Дзёмон. Дж. Грут назвал их несколько по-другому:proto Дзёмон, ранний Дзёмон, средний Дзёмон, поздний Дзёмон и заключительный Дзёмон. Эти периодизации признаны всеми учеными, однако в первую очередь они применимы к археологическим находкам на острове Хонсю. Специалисты, работающие на островах Кюсю и Хоккайдо, придерживаются собственной термино-

логии: ранний, средний и поздний Дзёмон для острова Кюсю, а для острова Хоккайдо после ранних периодов — Дзенхоку (ранний северный) и Кохоку (поздний северный) — они используются наряду с местными названиями поселений, где были найдены артефакты. В последнее время археологи, специализирующиеся на раскопках на острове Хонсю, по примеру своих коллег тоже стали все чаще добавлять названия поселений к изготовленным на острове Хоккайдо артефактам. Недостаток данной тенденции в том, что другие острова как бы изолируются от Хонсю, хотя, по крайней мере на протяжении определенных этапов эпохи Дзёмон, развитие этих регионов нельзя рассматривать в отрыве друг от друга.

Деление эпохи Дзёмон на пять периодов объясняется таким ходом развития различных регионов Японии, при котором каждый из них последовательно пережил все стадии эволюции — о чем, кстати, свидетельствует и керамика, производившаяся в каждый из этих периодов. Это деление облегчило решение проблем взаимосвязей в каком-либо конкретном географическом регионе, которое свелось в основном к определению хронологической последовательности событий. Данная система деления хороша главным образом тем, что она дает возможность использовать удобную терминологию; однако идеализм этой системы едва ли компенсирует недостаток реализма. В настоящее время эту точку зрения разделяют почти все ученые, занимающиеся эпохой Дзёмон. Тем не менее — по крайней мере в том, что касается ранних периодов — существуют достоверные свидетельства того, что благодаря концентрации определенных типов в небольших ограниченных местностях происходили и параллельные эво-

люции этих типов. Поскольку точная и последовательная система хронологии требует наличия точной терминологии, мы дадим характеристику доисторической эпохи Дзёмон с помощью приведенной ниже краткой системы хронологизации. Используемые в ней названия взяты главным образом по аналогии с типами керамики, последовательно существовавшими на равнине Канто, — это объясняется тем, что данные типы керамики известны всем специалистам. Однако использование этих названий ни в коем случае не основывается на нашей убежденности в том, что развитие всех регионов Японии было одновременным. В данном случае они лишь обозначают уровень прогресса.

САМЫЙ РАННИЙ ДЗЁМОН	Инаридаи—Тадо Каяма	около 4500—3700 гг. до н. э.
РАННИЙ ДЗЁМОН	Ханадзуми Секияма—Курохама Мороиско	около 3700—3000 гг. до н. э.
СРЕДНИЙ ДЗЁМОН	Кацусака Убаяма	около 3000—2000 гг. до н. э.
ПОЗДНИЙ ДЗЁМОН	Хоринути Касори	около 2000—1000 гг. до н. э.
САМЫЙ ПОЗДНИЙ ДЗЁМОН	Ангё	около 1000—250 гг. до н. э. (в Южной Японии)

Для тех, кому ближе понятие троицы, самый ранний и ранний Дзёмон становятся просто ранним Дзёмоном, средний Дзёмон остается без изменений, а поздний и самый поздний Дзёмон превращаются просто в поздний Дзёмон. Без сомнений, приведенная датировка достаточно условна, и круглые цифры используются лишь для удобства.

Человек эпохи Дзёмон жил на побережье моря, он питался тем, что добывал собирательством на суше, а также моллюсками. В ранние периоды Дзёмон он отдавал предпочтение морским моллюскам, в изобилии населявшим мелководье, а с течением времени он перешел на более доступный на тот момент вид пищи — пресноводных моллюсков. В то время как люди ранних периодов эпохи Дзёмон добывали морских моллюсков, жители горных местностей, предпочитавшие общинный способ существования, занимались собиранием фруктов, орехов, ягод и съедобных кореньев.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Раковинные кучи, или к्यёккенмёдинги (по моему мнению, второе название — кучи хозяйственных и пищевых отбросов — применительно к Японии более точно отражает ситуацию), в наши дни никогда не встречаются выше поверхности земли. Наиболее значительные скопления к्यёккенмёдингов расположены вокруг защищенных от холодных ветров и течений небольших бухт и заливов восточного побережья. Омывающие их берега теплые морские течения создавали благоприятные условия для моллюсков, и люди эпохи Дзёмон быстро обнаружили места обитания крупных колоний этих животных. По последним данным, всего было найдено около 2 тысяч раковинных куч. Больше всего их на побережье Токийского залива и по берегам рек равнинны Канто, немногим меньше — в заливах Мацусима и Исиномаки в префектуре Тохоку, заливе Ацуми в префектурах Сидзуока и Айти, заливе Кодзима во Внутреннем Японском море, расположенным меж-

ду префектурами Окайма и Кагава. Довольно много таких памятников в Хиросимском заливе и в заливах западного побережья Кюсю, а также в заливах Ариаке и Симабаре префектуры Кумамото. Однако этими скоплениями дело не ограничивается, их можно встретить даже на западном побережье острова Хонсю и вдоль всей извилистой береговой линии острова Хоккайдо. Часто рядом встречается сразу по несколько раковинных куч: например, в Камихонго в префектуре Тиба совсем рядом друг с другом найдено по разным подсчетам 9 или более куч. Следует отметить, что в къёккенмёдингах Камихонго попалась керамика Убаяма (средний период эпохи Дзёмон), из чего можно сделать вывод, что кучи относятся к тому же времени.

Равнина Канто поднималась на протяжении почти всей эпохи Дзёмон и в последующие столетия, поэтому на отдельных, достаточно обширных участках между кучами и морем почти нет следов жизнедеятельности доисторического человека. В верхних слоях некоторых къёккенмёдингов раковины пресноводных моллюсков преобладают над раковинами морских. Это свидетельствует о том, что люди, которые продолжали жить в этих местах, лишились возможности употреблять в пищу морских моллюсков и что наиболее доступной для них пищей стали речные. Именно этот факт, а также подъем отдельных участков суши и объясняют неудачи по установлению хронологии событий и определению примерного времени образования раковинных куч равнины Канто. К. Ояме удалось разработать метод датировки, основывающийся на предположении о том, что наиболее удаленные от моря къёккенмёдинги и состоящие главным образом из раковин морских моллюсков по возрасту старше, чем кучи, находя-

шиеся ближе к современной береговой линии и состоящие в основном из раковин пресноводных моллюсков. Этот метод помогает определить приблизительный возраст раковинных куч в группе. В то время как этот метод с успехом может быть применим к археологическим памятникам равнины Канто, топография которой часто менялась из-за того, что протекавшие по ней реки меняли свои русла, а океан отступал, во всех других районах Японии использование этого метода не представляется возможным. Благодаря тому что была определена хронология типов керамики, у археологов больше нет необходимости прибегать к столь сложным способам датировки. Результаты исследования Н. Сакадзумэ, изучившего 541 раковинную кучу на равнине Канто, свидетельствуют о том, что во многих небольших кучах встречается только один тип керамики, в крупных — и это вполне логично — 3 и более типов. Например, в Андзикидайре обнаружено 3 типа керамики, в Касори — 4, в Убаяме — 4, в Омори — 5, в Нацусиме — 5, в Симпукудзи — 6 и в Йосии — 9.

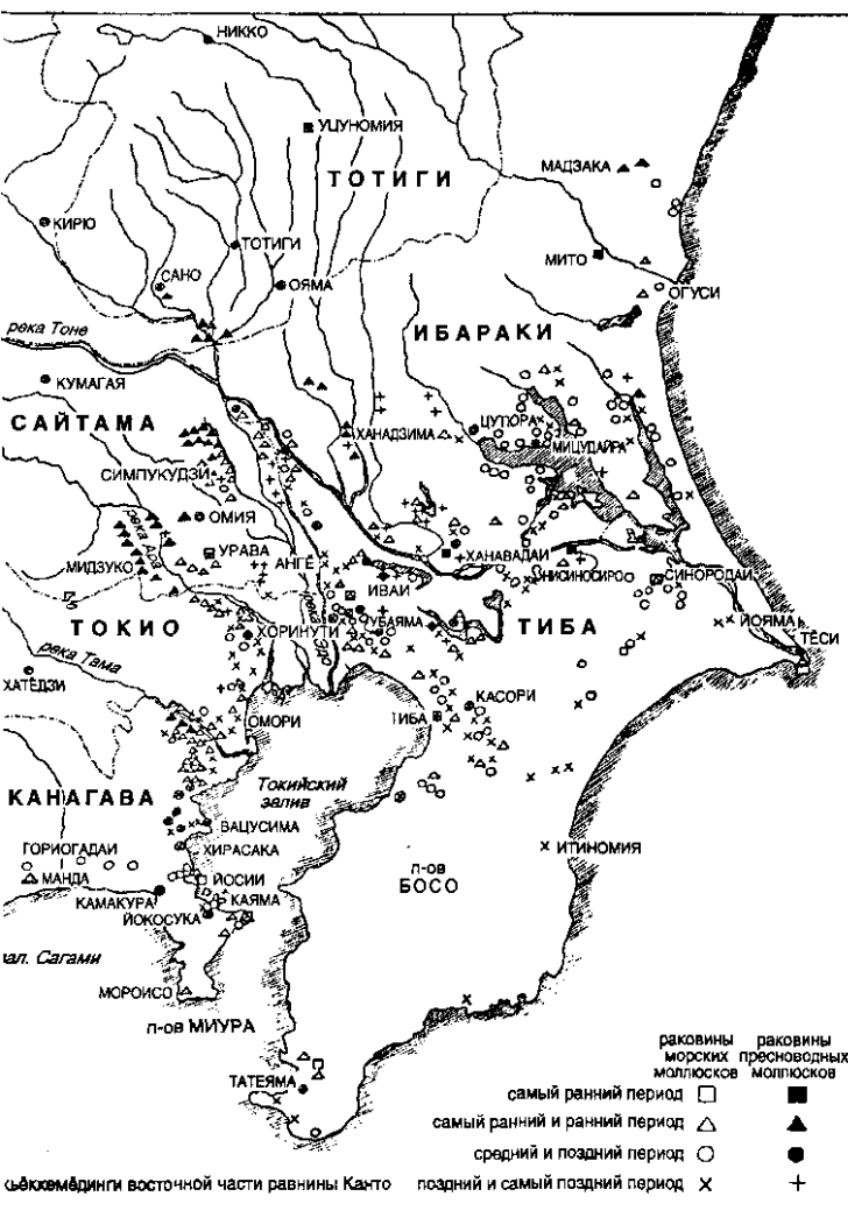
На современной карте раковинные кучи равнины Канто тянутся до Омии (префектура Ибараки) на севере, до Сано на северо-западе и примерно до Токородзавы на западе; они есть на полуостровах Босо и Миура, хотя на последнем их на удивление мало. Большие скопления этих куч находятся у озер Китаура и Касимигаура, вдоль притоков или участков старого русла Эдо, у реки Ара и ближе к заливу по берегам реки Сумида и вдоль реки Тама. Поблизости от древнего побережья их много на полуострове Миура со стороны Токийского залива, а также вдоль железной дороги из Йокогамы в Омори; много къёккенмёдингов и около Токио — цепь раковин-

ных куч огибает город с востока и продолжается до городов Итикава и Тиба. Отличительной чертой восточного берега полуострова Босо и побережья Ибараки является отсутствие там раковинных куч.

Если къёккенмёдинги, расположенные ближе всего к нынешнему берегу моря, соединить линиями, то возникнет совершенно иная картина — мы увидим побережье периода Дзёмон. Так, в доисторические времена не существовала территории, которую в настоящее время занимает восточная часть Большого Токио, а два обширных озера в префектуре Тиба были тогда частями широких морских заливов. Подобная топографическая ситуация в основном преобладала и в районах, находящихся вдали от побережья залива Сендай, хотя и в несколько меньших масштабах. Равнина Китаками имеет не столь древнее происхождение, и ее озера образовались после того, как отступило море. Раковинные кучи расположены по всей равнине, причем многие из них — четко вдоль линии берега; кроме того, они разбросаны по островам заливов Мацусима и Исиномаки. В префектуре Аомори около Хатинохе и по берегам озера Огавара эти археологические памятники тоже встречаются: в доисторических заливах природа создала очень благоприятные условия для колоний моллюсков, таким образом обеспечив пищевой древнего человека. Такая же ситуация складывалась и в других заливах, особенно в бухтах более теплого восточного побережья.

Чаще всего в къёккенмёдингах встречаются раковины двустворчатых моллюсков *Meretrix meretrix*, знаменитого *хамагури*, кушанья из которого любили и современными японцами, и устрица *Ostrea gigas*. Н. Мунро пришел к выводу, что критерием годности моллюска для пищевых целей, вероятно,

НЕОЛИТ

Карта 1. Къёккемёдинги равнины Канто

был следующий: если в кипящей воде створки раковины раскрывались, то его съедали, если нет, то раковину просто выбрасывали. Для понимания хронологии эпохи Дзёмон особое значение имеют раковины двух видов моллюсков: *Anadara granosa* — моллюска, обитающего в теплой воде, и живущего в холодных морских водах *Pecten yesoensis*. По мере того как климат районов тихоокеанского побережья становился более холодным, *Anadara granosa* переселился южнее, и в верхних слоях раковинных куч равнины Канто его раковины перестали встречаться. В ранние доисторические периоды его обычно собирали вблизи северного побережья острова Хонсю, а в настоящее время севернее Токийского залива он попадается очень редко. Тот факт, что в эпоху Дзёмон в северных районах количество этого моллюска уменьшается, несколько облегчает определение возраста, в которых находят его раковины. С сейчас он живет у восточного тихоокеанского побережья к северу от Токийского залива и у северо-западного побережья острова Хонсю. Он расселился там в Дзёмон и позже. Иногда раковины обоих видов моллюсков попадаются в одной раковинной куче, как, например, в Миятодзиме около города Сендай. Это можно считать свидетельством того, что люди эпохи Дзёмон жили в более теплом климате и что по крайней мере в южных районах Японии он был субтропическим. Несмотря на то что с тех пор климат претерпел изменения, раковины с острова Кюсю очень мало отличаются от раковин моллюсков, которых употребляют в пищу в наши дни.

Эти раковинные кучи — наиболее хорошо сохранившееся наследие периода неолита в Японии. В них накапливались не только кухонные остатки,

туда также бросали сломанные или просто ненужные предметы обихода. Часто в къёккенмёдингах встречаются захоронения, а под основаниями куч — следы жилищ. Содержащиеся в раковинах химические вещества могут защищать кости от распада, поэтому вне къёккенмёдингов захоронения встречаются очень редко.

Необходимо добавить, что, хотя раковинные кучи имеют особую важность с точки зрения содержания артефактов периода неолита, в действительности они составляют лишь небольшой процент археологических памятников эпохи Дзёмон. Даже сам характер къёккенмёдингов представляет большой интерес для стратиграфии: в простейших по составу кучах верхние слои состоят из земли, перемешанной с раковинами, средние слои — из раковин и постороннего мусора, а нижние — из раковин, перемешанных с землей. В куче раковины редко находятся ниже 130 сантиметров от поверхности — и это несмотря на то, что высота кучи в отдельных случаях зависит от рельефа места, где она была устроена. Так, существует и къёккенмёинг толщиной более 6 метров. Есть раковинные кучи — например в Касори, где чередование слоев земли или золы указывают на то, что заложившие ее люди насильно или по собственной воле покинули нажитое место, но затем через некоторое время сами вернулись туда или же их место занял кто-то другой (рис. 2). Такие передвижения, возможно обусловленные сезонными колебаниями состояния пищевых ресурсов, являются бесценными для археологов с точки зрения связанных с ними изменений типов артефактов. Размеры раковинной кучи в Касори значительно превышают размеры къёккенмёдинга равнины Канто. По форме она напоминает цифру 8, ее

длина с севера на юг составляет более 360 метров, а с запада на восток — около 180 метров. В ходе ее раскопок в 1936 году не было выявлено никакой преемственности типов керамики, тем не менее, эта раковинная куча дала свое имя двум самостоятельным типам керамики, найденным на двух участках раскопок — Касори Е и Касори В.

Достаточно часто прямо под основаниями куч или же в непосредственной близости к кучам встречаются ямы от полуземлянок, однако в связи с отсутствием необходимых для осуществления раскопок признаков, указывающих на возможное наличие остатков других жилищ по соседству, фактическое расположение жилищ, в том числе и относительно раковинной кучи, не всегда можно установить. Во многих случаях люди строили свое жилье к югу от куч. Как предполагал Н. Мунро, возможно, это объясняется стремлением жить как можно дальше от неприятного запаха, который делался особенно невыносимым в жаркие и влажные летние дни. Однажды летом, когда автор наблюдал за раскопками къёккенмёдинга, располагавшегося около навозохранилища, он понял, что эта версия не так уж далека от истины.

В нижнем слое раковин, а то и в нижнем слое земли часто встречаются захоронения, сохранившиеся именно благодаря раковинам. Вероятно, покойников клали в специально вырытые в раковинных кучах неглубокие ямы — их делали даже несмотря на то, что подготовка таких ям была трудным и малоприятным делом. Считается, что эти захоронения производились в то время, когда куча уже существовала. А погребения и ямы от жилищ, находящиеся под слоем раковин, возможно, по времени очень близки к началу закладки къёккенмёдинга, или, как

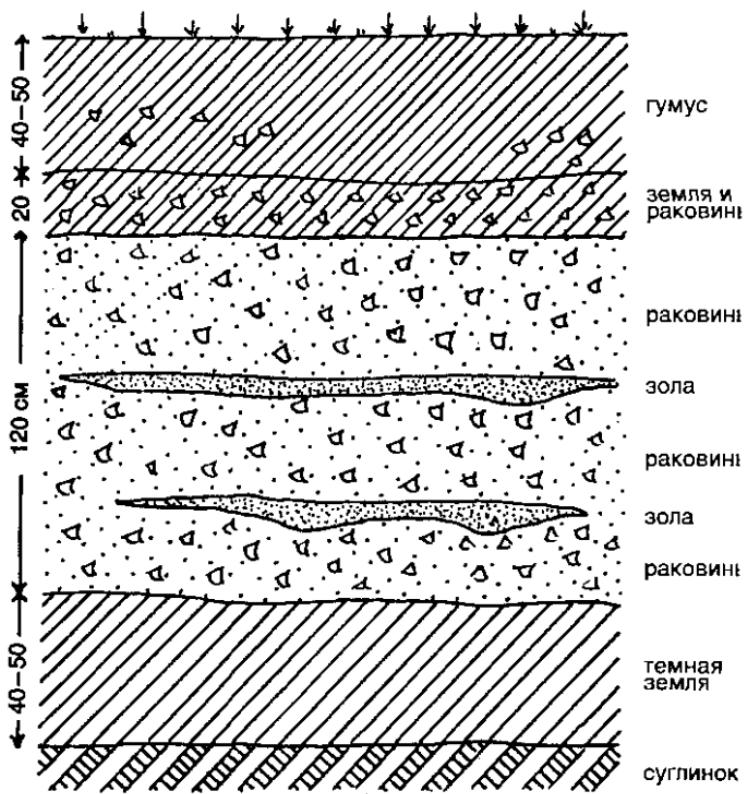

Рис. 2. Поперечное сечение раковинной кучи Касори, префектура Тиба

считают некоторые, остались от ранее живших на этом месте людей. Когда раковинная куча устроена непосредственно на полу постройки, это говорит о том, что она была заложена сразу же после того, как дом был покинут его обитателями. Люди могли оставить его по целому ряду причин, однако иногда создается впечатление, что къёккенмёдинги просто вытесняли жилые дома и люди вынуждены были переносить свое жилье подальше от раковинных куч.

Значительную часть года древние люди жили в полуземлянках. Это было вызвано необходимостью: в Тохоку и на Хоккайдо, где к настоящему моменту найдено много таких жилищ, довольно холодный климат. Нет сомнения, что в дальнейшем при раскопках будут обнаружены и другие жилища. В горах Канто и Тюбу люди обычно строили себе именно такое жилье. Типичная полуземлянка имела длину от 4,5 до 6 метров и почти такую же ширину, пол находился на глубине более 70 сантиметров от поверхности земли. В землю вкалывали 4 или больше столба, между собой их соединяли поперечными балками в количестве 4 или более штук. Затем по сторонам будущего дома устанавливали жерди. Их вкалывали под наклоном, так, что верхние концы одного ряда жердей скрещивались с верхними концами противоположного ряда. Сверху на скрещенные концы горизонтально клади еще одну жердь (рис. 3). Жерди и балки связывали между собой и покрывали корой или листьями деревьев, а иногда землей. Вход в дом в ранних жилищах представлял собой обычный лаз, а в более поздних — дверной проем, оборудованный при помощи двух жердей и имевший выступавший над ним навес. Изнутри дома к выходу вела наклонная насыпь. Снаружи постройку окружали водоотводной канавкой. Как правило, существует закономерность: чем сложнее устроен вход в жилище, тем к более позднему периоду оно относится. В некоторых домах полы вымощены большими гладкими камнями (этот вариант особенно предпочитали в гористых районах). В среднем периоде эпохи Дзёмон и позднее рядом с центром дома делали очаг. Жилища этого периода находят чаще всего, обычно это небольшие поселения из 15 и более домов.

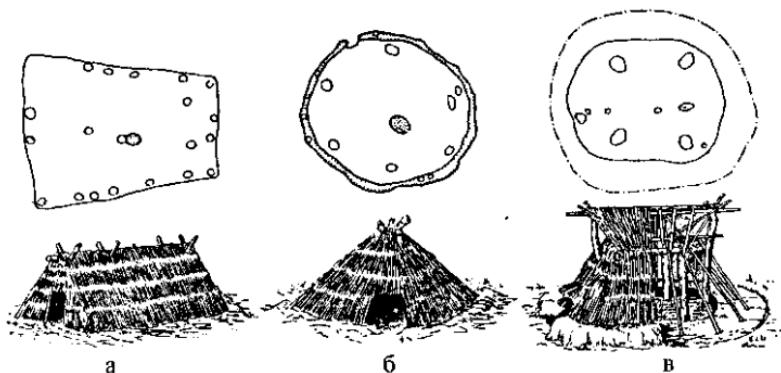

Рис. 3. Полуземлянки (реконструкция): а — прямоугольного типа эпохи Дзёмон; б — круглого типа эпохи Дзёмон; в — эпохи Яёй

Жилищ раннего Дзёмон известно очень мало, причем необязательно это объясняется более теплым климатом в тот период. Скорее причина состоит в меньшей численности населения и, соответственно, в целом в небольшом количестве сохранившихся археологических памятников. Также нельзя не принимать во внимание, что люди раннего Дзёмон пользовались самыми примитивными орудиями труда, с помощью которых они рыли свои полуземлянки, и, соответственно, результаты их труда оказались менее долговечными. В Хаямидзудаи в префектуре Оита найдена яма от полуземлянки площадью около 4,5 квадратных метров, относящаяся, вероятно, к очень раннему периоду. В период Каяма на равнине Канто жилища имели примерно квадратную форму и закругленные углы, очагов в них еще не было. В период Мороиссо дома впервые приобрели окружную форму, однако многие хозяева предпочитали придерживаться более традиционных форм (рис. 3, б). Количество ямок от столбов и шестов в прямоугольных жилищах раннего Дзёмон сильно варьируется — их бы-

вает от 20 до 40 (рис. 3, а). Судя по всему, длина построек иногда увеличивалась — вероятно, это было связано с ростом числа членов семьи или было вызвано какими-то чрезвычайными обстоятельствами. Яма жилища D из группы В в деревне Фукуока, графство Ирума, префектура Сайтама, принадлежала одной из самых больших известных на данный момент жилых построек, ее размеры — 7,4 метра в длину и 6,7 метра в ширину. Строение имело сложную систему канавок и входов и, вероятно, неоднократно достраивалось — об этом можно судить по тому, что переносились места очагов. Четыре раза расширяли и другое жилище, обнаруженное под раковинной кучей Симайбата на территории Большого Токио. В остатках строения размерами всего $4,5 \times 4,2$ метра была найдена керамика раннего Дзёмон нескольких типов (Ханадзуми, Секияма и Мороисо), а также 9 очагов различной формы. Очевидно, все это означает, что прямоугольная форма многих жилищ не была результатом воплощения первоначальных планов строителей и стихийно появлялась в процессе жизни. Судя по остаткам немногих сохранившихся жилищ раннего Дзёмон, частью внутреннего убранства помещения были деревянные полки, которые устанавливались на деревянных опорах. Очаги, которые находят сравнительно редко, имеют овальную форму и обложены камнями, обычно они расположены в западной или центральной части помещения. Квадратные жилища обычно ориентированы с востока на запад.

В общинах среднего периода эпохи Дзёмон в центральной и западной частях равнины Канто и в центральных горах, вероятно, существовало своеобразное разделение труда: кто-то занимался охотой,

кто-то рыболовством, кто-то собирательством, а при возникновении необходимости, возможно, были и специальные группы для защиты поселения. Большинство общин располагалось на высоких берегах рек, поблизости от источников воды, но вот одна община в Кусабане, княжество Ниситама, неподалеку от Большого Токио, находится далеко от источника воды — реки Хираи. Вероятно, жить в этом месте было не очень удобно. Поэтому невольно приходит мысль о том, что люди поселились там не по своей воле и что это было своего рода изгнание.

Для того чтобы получить возможно полное представление о поселениях периода среднего Дзёмон, рассмотрим несколько примеров классических деревень. Под къёккенмёдингами Убаяма были обнаружены ямы от жилищ 6 различных типов. Принимая во внимание то, что почти все они находятся практически на одном уровне над поверхностью материковой почвы, а также то, что найденная там керамика относится примерно к одному хронологическому периоду, можно сделать выводы об отсутствии строгих канонов в проектировании жилья и о том, что во многом дизайн жилища определялся личными предпочтениями его обитателей. Едва ли есть основания предполагать, что на него влияли социальный статус, размер семьи или время возведения дома. Формы жилища варьируются от овальной до квадратной и прямоугольной. Конечно, необходимо оговориться, что речь идет не о строгом соответствии формы жилища этим геометрическим фигурам, а лишь о приближенном сходстве, так как в действительности полуzemлянки имели закругленные углы и неровные стены. Археологов поразила находка на полу одного из жилищ — 6 человеческих скелетов. Необычным было их положение:

в отличие от аккуратного трупоположения при захоронении останки имели нехарактерный вид. Они были разбросаны как попало, что могло произойти только в случае внезапной насильственной смерти людей. Останки принадлежали двоим взрослым мужчинам, трем взрослым женщинам и одному ребенку. Исключив возможность того, что погибшие были хозяевами дома и заглянувшими к ним на огонек гостями, и приняв во внимание высокую степень вероятности совершения массового убийства членов одной семьи, это жилище было принято за образец: ученые пришли в выводу о том, что оно является наглядным примером потребности в жизненном пространстве для семьи из шести человек. Исходя из размеров жилища (4 метра длиной, 3,5 метра шириной, около 70 сантиметров глубиной) и числа членов данной семьи, с помощью сложных подсчетов была определена примерная численность всей общины. Даже учитывая огромное количество «если», над этой гипотезой интересно поразмышлять. Возможно, этот дом обрушился раньше остальных. Ямки от обычных, поддерживающих крышу столбов отсутствуют — следовательно, можно сделать вывод, что по конструкции строение отличалось от обычных жилищ и даже что его крыша была довольно тяжелой. Как бы то ни было, гениальный архитектор среднего Дзёмон изобрел постройку без центрального опорного столба. Благодаря такому новшеству очаг можно было разместить в наиболее подходящем для него месте, а остальное пространство помещения использовать максимально эффективным образом. Входы некоторых жилищ Убаямы обращены на юг, а около них сделаны канавки. Место входа указывают также сохранившиеся ямки от жердей. В северо-западном углу одной из

построек обнаружена яма диаметром около одного метра, в которой находились керамический сосуд и череп собаки. Похоже, что в этом доме тоже была крыша, не опиравшаяся на землю.

Люди периода среднего Дзёмон умели делать разнообразные керамические сосуды; они были первыми, использовавшими керамические сосуды для устройства очага. Иногда это были целые сосуды, иногда — только их верхние или нижние части, зачастую без дна. Очажные ямы по-прежнему обкладывали камнями, однако появилось еще одно новшество — довольно глубокая яма овальной формы, выложенная крупными черепками от разных сосудов. Нет сомнения, что к моменту устройства очага эти сосуды были уже разбиты. Очаги в сосудах встречаются в Убаяме очень часто. Раскопки очага, устроенного ниже уровня пола в Хироми, префектура Нагано, принесли археологам сосуд типа Катцусака. С трех сторон этот кувшин тонкой работы окружали каменные блоки (фото 1).

Эти напоминающие сложенный очаг камни и кувшин — настоящая загадка. Дело в том, что ни на камнях, ни на кувшине нет никаких признаков того, что они использовались для обогрева или приготовления пищи. В нескольких случаях подобные сооружения не имеют однозначной привязки к жилищам. Можно предположить, что у них было другое предназначение — возможно, они использовались в качестве хранилищ и т. д. Не исключен и такой вариант — они были сделаны еще до постройки дома, однако по каким-то причинам дом так и не был возведен. Тем не менее, в Кусабане в двух ямах от жилищ были обнаружены места для очагов, которыми, похоже, вообще никогда не пользовались по назначению. Конечно, этот факт ни в

малейшей степени не помогает найти объяснение данному феномену. В яме от жилища № 3 было обнаружено вымощенное камнем углубление диаметром около одного метра и глубиной около 50 сантиметров, заваленное большой грудой камней. Между этой кучей камня и вымосткой находились остатки углей, что позволило предположить, что это сооружение могло быть своеобразной баней. Но в другом случае посередине такого же углубления был вкопан керамический сосуд, со всех сторон обложенный камнем, а вокруг было беспорядочно набросано около 400 небольших камней; ничего, указывающего на предназначение сооружения, найдено не было.

В Кусабане были распространены простые очаги в очажных ямах. В очаге жилища № 2 сохранился уголь дерева семейства дубов *Quercus serrata*. Таким образом, люди эпохи Дзёмон уже имели прототип современного *хивати* — переносного очага в керамическом сосуде, в который помещают горячие древесные угли. В некоторых жилищах было по нескольку очагов, которыми, вероятно, пользовались одновременно. Канава рядом с этим домом, возможно, предназначалась для хранения съедобных клубней — *имо*, однако, как правило, глубокие канавы вокруг жилищ в Кусабане выполняли водотводную функцию. Правда, следует отметить, что археологов сильно озадачили пересекающиеся канавы, предназначения которых ученые не могут понять. Возможно, просто эти канавы были прорыты в разное время.

Популярные в средний и поздний Дзёмон каменные полы обычно делали из гладких речных камней. Некоторые камни настолько аккуратно подогнаны друг к другу, что на первый взгляд между ними не-

возможно воткнуть жердь. Жители таких регионов, как Большой Токио, префектуры Канагава, Яманаси, Сидзуока, Нагано и Гумма, предпочитали холодный камень сырой земле, поэтому во многих домах полы у них искусно выложены камнем. В поздний Дзёмон каменные полы, возможно, застилали циновками.

В префектуре Нагано наиболее интересные археологические памятники находятся в местечках Тогаруси, Йосуконе и Хираиде. Тогаруси (деревня Тойохира, княжество Сува) расположено в чрезвычайно удобном месте на плато на западном склоне Яцугатаки, где высота над уровнем моря составляет примерно 3,5 километра. В долинах по соседству есть родники. В общине было, как минимум, 60 домов (во всяком случае, именно столько было обнаружено в результате раскопок), а скорее всего, их было раза в три больше. Вероятно, поселение существовало на протяжении нескольких столетий 3-го тысячелетия до нашей эры. В одном из домов рядом с очагом была обнаружена ямка с довольно большим количеством красного пигmenta — своего рода контейнер для хранения краски. Краска такого типа иногда использовалась для украшения керамики.

Йосуконе находится на противоположной стороне горы. Более 30 жилищ поселения принадлежат к трем основным типам: круглые со множеством ямок от столбов, более-менее квадратные со сглаженными углами и дома с четырьмя столбами. В круглых домах очаг, как правило, представлял собой вкопанный в землю сосуд, в квадратных — яму, а в домах с четырьмя столбами очаг был обложен камнем. По мнению руководителя раскопок в Йосуконе, наличие такого количества типов жилищ объясняется их

принадлежностью к разным хронологическим периодам. Эта община была более религиозной, чем большинство других: в северо-западном углу почти всех домов находилось каменное возвышение, один или несколько каменных столбов, на которых лежали каменные предметы, по форме напоминавшие фаллос, фигурки из глины и черепки от сосудов (рис. 16).

Община Хираиде в деревне Сога, княжество Хигаситикума, располагалась на террасе длиной около одного километра с востока на запад и шириной 400 метров с севера на юг вдоль реки Нараи. Родник в юго-восточном углу деревни бьет и по сей день, воды в нем достаточно для того, чтобы удовлетворить потребности нынешних крестьян. Раскопки в деревне проводились с перерывами с 1947-го по 1953 год. Для человека, интересующегося эволюцией японской общины, Хираиде имеет особую важность, так как в этой деревне люди жили практически непрерывно со времени 3-го тысячелетия до нашей эры и по нынешний день. От периода среднего Дзёмон в Хираиде осталось 17 ям от полуземлянок; от позднего Дзёмон — несколько фрагментов сосудов (шнуровая керамика типа Хоринути) и небольшое количество фрагментов сосудов переходных типов керамики культуры Яёй. 49 ям от жилищ и других строений принадлежали уже знакомым с обработкой железа людям периода Хэйдзи. Покрытой глазурью керамикой, вероятно привезенной из Кансая, судя по всему, пользовались в периоды Нара, Хейан и почти до середины 3-го тысячелетия до нашей эры.

Для большинства жилищ в эпоху Дзёмон были характерны: круглая форма, четыре или более столба, поддерживавшие двускатную крышу, очаг в виде за-

рытого в землю сосуда или обложенного камнями углубления в земле, которое находилось немногого к северу или западу от центра помещения. В домах F, I и J по полу в центре жилища было разбросано множество черепков от керамических сосудов, причем в домах I и J довольно многие со- суды сохранились целыми или были лишь частично повреждены. Дать сколько-нибудь убедительное объяснение этого феномена пока никому не удалось. Несколько фрагментов сосудов из жилища I настолько похожи между собой, что они вполне могли быть работой одного мастера. Фрагменты 5 глиняных фигурок божков (все, кроме обнаруженной в яме от дома F ручки с изображением человеческого лица) были найдены в строении H — доме, уничтоженном пожаром. Сохранились куски обугленных столбов и глиняных изделий, во время пожара вновь оказавшихся в огне. Размеры дома и его обустройство ничем не отличались от современных ему домов.

Полуземлянки последних этапов эпохи Дзёмон сохранились почти так же плохо, как и надземные жилища. Последние, вероятно, возводились на протяжении всей эпохи Дзёмон (в к्�ёккенмёдингах Убаяма обнаружено по крайней мере одно жилище), однако они получили большое распространение не из-за более мягкого климата, а благодаря совершенствованию методов строительства, которые стимулировали эти перемены. Полуземлянки стали отходить на второй план, так как дома новой конструкции стали более надежными, более защищенными от воды и лучше проветривались. Однако полностью от полуземлянок строители Яёй не отказались, и жилища этого типа встречаются довольно часто. Одна из полуземлянок позднего Дзё-

мон была найдена в раковинной куче в Охате, префектура Сидзуока. Это жилище круглой формы, с 8 ямками от столбов по периметру. Дом окружала каменная отмостка шириной около одного метра, образовывавшая вокруг постройки подобие квадрата с немного сглаженными углами. Она выполняла функции своего рода дамбы, задерживавшей воду. Это первый известный случай использования камня для данной цели. Ямы от жилищ периода Ангё прямоугольные или квадратные, небольшие по площади и мелкие. Так, в поперечнике они составляют всего от 2 до 2,5 метров. Иногда они, наоборот, бывают очень большими, как, например, почти 10-метровая яма в къёккенмёдинге Симпукудзи. Полы в домах почти всегда вымощены камнем — кстати, от этой традиции не отказались и в эпоху Яёй.

ПИЩА

Самой желанной добычей для людей Дзёмон были олени (*Cervus nippon nippon*) и дикие свиньи (*Sus leucomystax leucomystax*), в изобилии водившиеся в горах и на равнинах Японии. Кости этих животных во множестве встречаются в къёккенмёдинах, особенно относящихся к среднему и позднему периодам. Зачастую длинные кости расщеплены — вероятно, для того, чтобы извлечь костный мозг. Иногда из этих отщепов изготовлены орудия труда. Довольно часто попадаются сделанные из рога оленя своеобразные топоры: рога вырезались таким образом, что острый отросток образовывал колюще-рубящее орудие, напоминающее топор Лингби из Дании периода мезолита. Кабаны давали жир,

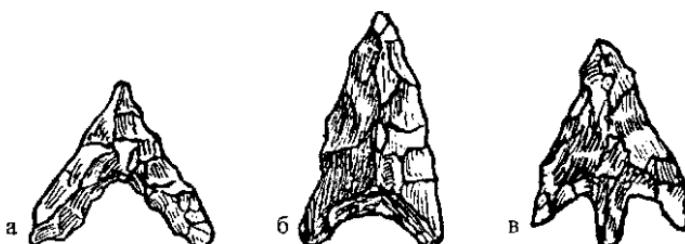

Рис. 4. Наконечники копий, эпоха Дзёмон:
а — Огура, префектура Киото; б — І.С.У., префектура Токио;
в — Тера, префектура Нагано

олени — теплый мех для зимней одежды. Животных помельче — барсуков, енотов и зайцев — людям удавалось поймать значительно реже, однако их мясо тоже использовали в пищу, а шкуры — для изготовления одежды.

Охотники самого раннего Дзёмон для стрел использовали каменные наконечники треугольной формы с выпуклым основанием, в последующие периоды формы наконечников стали более разнообразными (рис. 4). В начале позднего Дзёмон появились наконечники из кости. Однако самые изящные из всех — наконечники из обсидиана, причем постепенно они становятся менее массивными. Особенno много их находят поблизости от источников этого материала. Луки использовались на протяжении всей эпохи Дзёмон, но до наших дней дошли луки только из позднейших археологических памятников этого периода. 5 луков были найдены в торфянике в Корекаве, префектура Аомори. Судя по сохранившимся фрагментам, длина лука составляла около 1,3 метра, а один сохранившийся целиком лук имел длину более 1,5 метра. Он был сделан из двух узких пластин криптомерии (японский кедр), связанных между собой веревками из коры; на нем до сих пор видны следы красного лака. Длина са-

Рис. 5. Деревянные меч и лук из Корекавы, префектура Аомори:
а — длина 60 см;
б — длина 120 см

мого большого из найденных луков превышала 2 метра 5 сантиметров (рис. 5, б).

Судя по весьма малочисленным костным остаткам диких птиц, люди эпохи Дзёмон лакомились птичьим мясом довольно редко. Вероятно, это объясняется несовершенством приемов и методов их ловли. Тем не менее, утки, гуси, соколы, фазаны, журавли и некоторые другие виды птиц все же попадали в семейный котел.

В къёккенмёдингах сохранилось огромное количество костей рыб. Как правило, они принадлежат породам рыб, которые несложно поймать в неглубоких бухтах, особенно во время прилива: это окунь, кефаль, луциан и морской лещ. Кости рыб, обитающих в более глубоких местах — тунца, акулы, ската дазиатиса, а также кита, — встречаются крайне редко, что, учитывая высокий уровень развития рыболовства, кажется довольно странным. Небольшой процент раковин в къёккенмёдингах составляют раковины моллюсков, обитающих на глубине от одного до 4 метров.

Рыболовные крючки из кости и гарпуны попадаются в раковинных кучах равнины Канто и вокруг залива Сендай сравнительно часто (фото 4). В къёккенмёдингах самого раннего периода эпохи Дзёмон

крючки встречаются редко, и, как это ни удивительно, они почти полностью отсутствуют в периоды Ханадзуми, Секияма и Мороисо раннего Дзёмон, а в период Кацусака и позднее их становится все больше и больше. Гарпуны были изобретены только в среднем периоде Дзёмон, примерно тогда, когда получили распространение выдолбленные из стволов деревьев лодки. Вероятно, широкое использование лодок-долбленок объясняется совершенствованием орудий труда, которые в период Кацусака сначала имели несколько другое предназначение — для строительства жилищ. Судя по всему, люди быстро обнаружили, что с их помощью значительно проще и быстрее делать лодки. Длинные гарпуны с несколькими зубцами по бокам свидетельствуют о том, что люди позднего периода Дзёмон отваживались выходить в море довольно далеко. Самый длинный из этих гарпунов имеет 5 пар зубцов; гарпуны с меньшим количеством зубцов могли быть как длинными, напоминающими копья, так и изогнутыми. Наличие острых наконечников означает, что люди взяли на вооружение новые методы ловли рыбы. Хвостовые шипы скатов иногда использовали в качестве игл для шитья.

В реках северных районов Японии и вдоль побережья было много лосося; в наши дни он водится и южнее, включая реку Тоне. Нет сомнения, что к концу неолита он стал одним из основных видов пищи для северных народов, поэтому его изображения часто вырезали на камне. Несколько таких изображений — можно предположить, что они были своего рода фетишами, — сохранилось в Тохоку. Всего известно шесть камней с высеченными рисунками. Наиболее четкие и похожие на оригинал найдены в городе Ядзима, префектура Акита:

на камень нанесены силуэты 12 лососей различных размеров, каждый примерно вполовину меньше реальной величины; головы рыб обращены в разные стороны; иногда их силуэты перекрывают друг друга. Точно датировать изображение не представляется возможным, поэтому, судя по обнаруженной рядом с ним керамике эпохи Дзёмон, было решено относить его к этому же времени.

В Японии одомашненная собака сопровождает человека с самых ранних периодов истории страны. Не вызывает сомнения, что она была сторожем и любимцем семьи. Возможно, ее также обучали для помощи на охоте. Сохранились многочисленные костные остатки собак: например, в къёккенмёдинге Йосиго в префектуре Айти рядом с захоронением трех человек были обнаружены останки десяти собак (трех кобелей и семи сук). Кости *Canis familiaris japonica* — собаки небольшого размера, прародительницы современной породы тиба, — были найдены в двадцати разных местах раковинной кучи, относящейся еще к периоду Ханадзуми раннего Дзёмон. Этот къёккенмёдинг расположен рядом с деревней Тойохару, префектура Сайтама. В къёккенмёдинге Нитигаято в префектуре Йокогама безымянный любитель животных периода Хоринути похоронил своего друга в овальной ямке длиной около метра и шириной около полуметра прямо под слоем раковин. Археологи обнаружили прекрасно сохранившийся скелет. В раковинных кучах Убаяма специальных захоронений собак не встречается. Наоборот, характерные царапины на костях животных вполне могли появиться там в процессе отделения мяса. Если мясо предназначалась для использования в пищу, то это могло означать одно — люди находились в очень сложной экономической ситуации.

В неолите кошка еще не была одомашнена. В къёккенмёдинге Нодзима в Канагаве, относящемся к раннему периоду Дзёмон, был найден череп, а в къёккенмёдинге Итиодзи в Аомори — нижняя челюсть дикой кошки, подобной той, что обитает в Корее и на острове Цусима. Возможно, судя по сходству черепа, эта кошка была предком одомашненной кошки Хонсю. Тем не менее, справедливым вполне может оказаться и широко распространенное мнение, что домашняя кошка была привезена в Японию из других мест.

Свиньи были завезены в более поздние времена из Китая; в Дзёмон на основных островах Японии их еще не было, однако на островах архипелага Рюкю их останки встречаются.

Принято считать, что лошадь появилась в Японии в эпоху Яёй, однако довольно большое количество костей этого животного в къёккенмёдингах эпохи Дзёмон явно опровергает это утверждение. Не исключено, что люди эпохи Яёй использовали лошадь в качестве ездового животного и привели коней с собой, но их потребность в лошадях была достаточно ограниченной, а их зависимость от лошади не может быть подтверждена такими аргументами, как рисунки на бронзовых колокольчиках и керамических изделиях. Популярность лошади ясно проявляется в период могильных курганов: в захоронениях обнаружено множество глиняных фигурок лошадей, настенных рисунков и изображений на металлических предметах. Кости небольшой лошади были найдены в къёккенмёдинге Атака в Кумамото на острове Кюсю. В непосредственной близости от них находилась керамика, датируемая не позднее, чем средним периодом Дзёмон. К немного более раннему периоду относятся кости из Идзууми в Кагосиме. Костные остатки лошадей, обнаруженные в къёккенмёдингах более по-

здних периодов (Ангё и Камегаока) в Хоми (префектура Айти), Коздахара (префектура Нагано), Обора (префектура Мияги) и Адзусава (префектура Токио), вполне могут иметь самое непосредственное отношение к более мобильным людям эпохи Яёй, пришедшем на южные японские острова. Кости из Оборы по своим характеристикам ничем не отличаются от костей современных лошадей. В основной массе лошади эпохи Дзёмон были низкорослыми, похожими на пони. Умирали они от старости, ни одной раздробленной кости найдено не было. Останки низкорослых лошадей эпохи Яёй были обнаружены в Тайюи (префектура Нагасаки) и Уриго (префектура Айти), однако в целом лошади Яёй — это животные покрупнее, ростом до полутора метров, и похожие больше на корейских лошадей каменного века. Они считаются лошадьми среднего размера, причем явно существует такая закономерность: чем дальше от Корейского полуострова, тем лошади Яёй становились крупнее. Низкорослые лошади жили на протяжении всей эпохи до буддизма; лошадь из Хираиде периода Хэйдзи тоже была невысокой, не сильно отличающейся от своего предка эпохи Дзёмон.

Без сомнения, контакты с пришлой культурой Яёй способствовали дальнейшему развитию культуры периода неолита. Одним из результатов таких контактов, возможно, стало появление скотоводства: на это указывает наличие костных остатков одомашненной короткорогой коровы в къёккенмёдингах Окадайра в префектуре Ибараки и Хоми на полуострове Ацуми в префектуре Айти.

В сезон созревания дикорастущих овощей, фруктов и ягод, в том числе и дикого винограда, люди собирали их плоды. Тем не менее, такие факты, как существование общин, наличие пригодных для об-

работки почвы каменных орудий и керамических сосудов, в которых можно было хранить съестные припасы, указывают на то, что в период после среднего Дзёмон люди, по крайней мере в определенной степени, зависели от земледелия. Вероятно, оседлости населения также заметно способствовали такие факторы, как плодоношение каштанов и грецких орехов в тех местах, где люди селились. Скорее всего, зарождалось и овощеводство. Однако свидетельства существования в те времена земледелия в той или иной форме обнаруживаются только в археологических памятниках более поздних периодов. В отдельных местах выращивали просо; более распространенными культурами были гречиха, кунжут и фасоль обыкновенная, чьи семена были найдены в слое торфа в к्�ёккенмёдинге Симпукудзи, префектура Сайтама. В к्�ёккенмёдинге Йояма в префектуре Тиба непосредственно под слоем раковин была обнаружена конопля. Возможно, в конце концов эти культуры и приобрели бы широкое распространение, если бы на остров Кюсю не попал рис. Это событие имело революционное значение для сельского хозяйства страны.

Не упомянув о густых лесах Корекавы, нельзя завершить обзор биологических ресурсов, использовавшихся для удовлетворения разнообразных нужд древнего человека. В лесах росли такие породы деревьев, как каштан, вяз, кипарис, береза, вишня и ель.

ОРУДИЯ ТРУДА И КЕРАМИКА

Все гладкие камни, использовавшиеся людьми самого раннего Дзёмон, имели такую форму от природы и во множестве лежали по берегам рек. Иног-

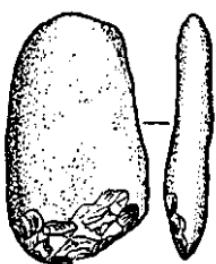

Рис. 6. Рубило из гальки. Къёккен-мёдинг Кодзандзи, префектура Вакаяма

да овальные камни размером с ладонь люди обкалывали с одного конца, делая таким образом рубила и каменные топоры (рис. 6). В отдельных случаях заостренные концы орудий слегка полировали. Для примитивных орудий годился практически любой камень, главное — чтобы он не был слишком мягким. Орудия труда делали из песчаника, андезита, глинистого сланца, кварцита, змеевика, кристаллического сланца, яшмы, базальта и обсидиана. Изделия из аргиллита, диорита, офиолита, жадеита и некоторых других минералов полировали. Ведшие более оседлый образ жизни люди среднего Дзёмон делали плоские каменные ступки овальной или прямоугольной формы. Ступки имели немного приподнятый край; иногда у них было четыре ножки. Функции пестика выполняли специальные камни сферической формы. Камни с углублениями свидетельствуют о том, что они использовались для добывания огня, а свои амбициозные строительные замыслы древние люди реализовывали с помощью примитивных топоров трапециевидной или напоминающей корпус скрипки формы (рис. 7, а, б). Довольно часто топоры делали из обломков скальных пород, выходящих по берегам рек. Такие камни были обколоты со всех сторон, кроме одной, остававшейся гладкой. Их использовали для топоров особой формы, применявшимся для копки земли и рубки тонких деревьев и кустарников: камень привязывали к короткому концу развилики толстой ветки (рис. 8). В настоящее время каменные орудия этого типа по-прежнему встречаются на Каролинских островах, на архипела-

ге Фиджи и в Новой Гвинея. Полированные топоры, овальные и прямоугольные в сечении, были в ходу в среднем и позднем периодах Дзёмон, причем в более поздние периоды предпочтение явно отдавали топорам прямоугольного типа. Шлифовка камня при изготовлении топора появилась еще в раннем Дзёмон; большой прорыв в изготовлении изделий с отшлифованной и отполированной поверхностью был достигнут сразу после того, как закончился средний Дзёмон. К этому времени вырос уровень технического мастерства изготовителей и значительно увеличилось производство изделий из камня, в том числе топоров, мечей и прочих, которым прежде приписывалось магическое значение — этим конкретным предметам или в сочетании с другими. Так называемая каменная дубинка (*секибо*), до периода Кацусака не встречавшаяся в комплексах, имеет слишком ярко выраженный фаллический характер, чтобы предполагать, что ее прототипом был небольшой пест для размола зерен дикорастущих злаков и орехов, а большие дубинки, иногда достигающие длины полутора метров, явно слишком тяжелы для использования в таком качестве (рис. 7, *к*). Круглые и зубчатые навершия жезлов или булав появились примерно в период Хоринути; зубчатые навершия произошли от наверший треугольной формы, которые были довольно широко распространены у жителей гор (рис. 7, *г, д*). Круглые навершия могли использоваться в качестве молотков. Возможно, эти предметы служили оружием на охоте или в схватках с врагом; не исключено также и их церемониальное предназначение (рис. 7, *е*).

Двойной желобчатый топор, поначалу вещь, пригодная для повседневного практического использования, претерпевает ряд трансформаций,

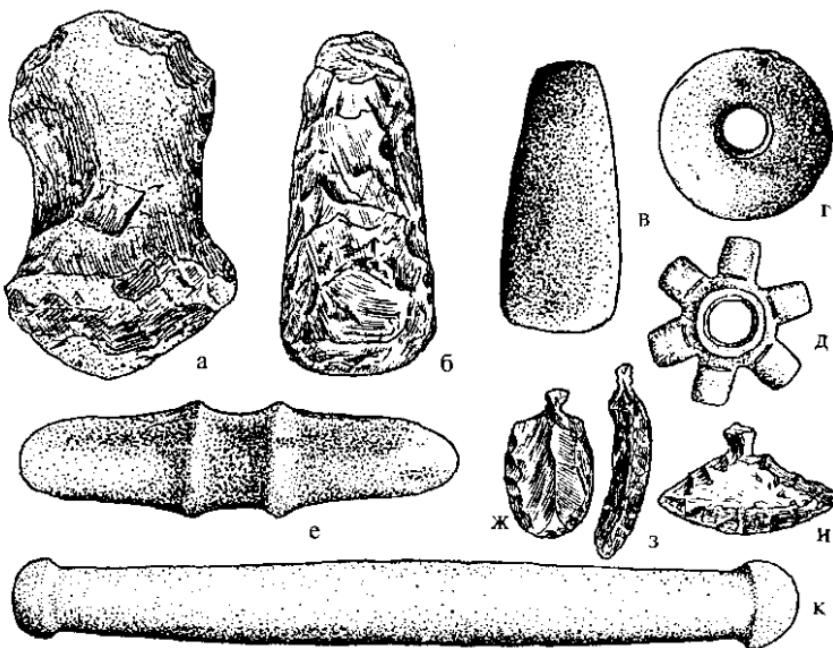

Рис. 7. Каменные орудия эпохи Дзёмон: а, г, е — къёккенмёдинг Хоринути, префектура Тиба; б — Тёдзагахара, префектура Ниигата; в — къёккенмёдинг Убаяма, префектура Тиба; ж—и — Камегаоки, префектура Аомори; места обнаружения прочих неизвестны

превращаясь в предмет магического назначения: у некоторых топоров оба конца, между которыми оставлена лишь тонкая перемычка, приобретают форму остроконечного конуса; другие — длинные и узкие, изящно изогнутые и зачастую имеющие тонкие лезвия — становятся похожими на узкие ножи или напоминающие иглу пики. Плоские желобчатые топоры второго типа — творения мастеров позднего Дзёмон. Чаще всего они встречаются в Тохоку, однако также были распространены у жителей равнины Канто, в Тосане и Хокурику. В редких случаях топоры имеют широкие гребни, а в центре изделий — отверстия, что делает эти то-

поры весьма похожими на навершие жезла с пиками с обеих сторон.

Обычный четырехугольный топор, желобчатый или отполированный, появился в среднем Дзёмон, но отполированные топоры получили широкое распространение только в период Хоринути (рис. 7, в). Что касается топоров, по форме напоминающих корпус скрипки, то существовали многочисленные разновидности этих изделий, которые использовались в качестве орудий для выкапывания ямок, рубки веток и т. д.; у жителей горных районов были очень популярны топоры, по форме похожие на плектры.

Инструментом многоцелевого назначения у доисторических людей был нож-скребок с хвостовиком. Он был особенно удобен для открывания створок раковин, разрезания шкур, разделки туш животных и резки овощей. Хотя его преимущества по достоинству оценили все жители Японских островов, но больше всего таких орудий встречается на севере страны и в тех местах, где есть обсидиан или кремень и другие силикаты. Северный вариант ножей-скребков среднего Дзёмон отличался наличием на длинном конце хвостовика, однако постепенно изделия стали приобретать форму практически равнобедренного треугольника, в котором хвостовик являлся вершиной (рис. 7, ж—и). Ножи-скребки обоих типов были весьма разнообразными по внешнему виду, все они широко использовались древними людьми. На севере Японии существовали ножи-скребки с двумя хвостовиками, но они встречаются очень редко. Подобно своим северным аналогам, изделия из ранних поселений на острове Кюсю тоже имеют хвостовики, расположенные напротив длинного режущего края. На равнине Канто после периода Хоринути все ножи этих

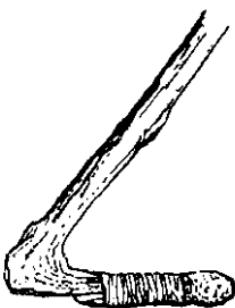

Рис. 8. Орудие труда среднего периода эпохи Дзёмон. Использовалось в качестве топора и мотыги

типов пропадают. Предназначение буров и ножей без хвостовиков было в чем-то схожим, а чем-то — различным.

Иглы и рыболовные крючки делали из кости, рога, клыков или бивней животных. В поздние периоды в Токио и на острове Хоккайдо основания игл и рыболовных крючков часто украшали резьбой, а иногда шлифовали и полировали.

Наконечники стрел изготавливали из камня, а также из костей и зубов акул; иногда наконечники имели черешок и отверстие у основания; к древку наконечник накрепко приклеивался смолой. Наконечники в форме лаврового листа использовались на протяжении всей эпохи Дзёмон, но к ее концу они уменьшились в размерах, стали тоньше и изящнее; иногда такой наконечник может иметь перемычку у основания и хвостовик. На западном побережье, где почти во всем находятся какие-то отличия, встречается особый тип наконечников — с заостренными обоими концами и сужением посередине, причем размеры одного конца превышают размеры пятки.

Наличие гарпунов, рыболовных крючков, каменных и глиняных грузил, а также лодок-долбленок свидетельствует о совершенствовании методов добывчи даров моря. Проткнутый костью череп морского леща из къёккенмёдинга в Сиидзуке, префектура Ибараки, является подтверждением того, что удача хотя бы изредка сопутствовала рыбакам. Каменные грузила для сетей имеют круглую или цилиндрическую форму и покрыты насечками поверх-

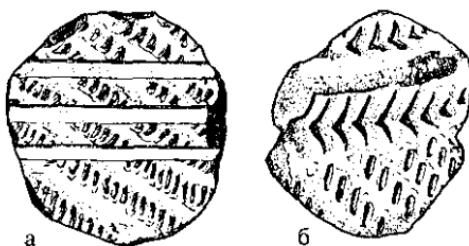

Рис. 9. Глиняные диск и грузик. I.C.U., префектура Токио.
Диаметр диска 3 см

хность; глиняные грузила, использовавшиеся глазным образом при ловле на крючок, представляют собой фрагменты керамических изделий, у них сглаженные края и тоже покрытая насечками поверхность (рис. 9, б). Датировать грузила, судя по типу керамики, несложно, однако в некоторых археологических памятниках эпохи Дзёмон были найдены в значительных количествах похожие на них круглые диски, но без насечек. Возможно, эти предметы предназначались для какой-то игры (рис. 9, а). Сети были связаны из веревок, а камни с тремя или четырьмя выступами, возможно, использовались в качестве грузиков при их плетении или в качестве веретен при прядении.

Остатки лодок-долбленок помогают понять, каким образом люди Дзёмон после глубоководной рыбалки привозили домой свой улов. Всего было обнаружено около 60 сохранившихся целиком или частично лодок добуддистской и раннебуддистской эпох; учитывая обстоятельства, при которых они были найдены, и отсутствие сопутствующих предметов, многие из них не представляется возможным датировать. Однако иногда это все же удается сделать, порой даже по таким косвенным признакам, как изображения этих лодок на артефактах эпохи

Яёй или периода могильных курганов. Наверное, одна из самых ранних и лучше всего сохранившихся лодок находилась в Йокосиба-тё, префектура Тиба. Она выдолблена из ствола дерева, не исключено, что из грецкого ореха, длиной 4,5 метра. Несмотря на то что нельзя с полной определенностью сказать, к какому периоду она относится, отметим, что она была найдена рядом с керамикой раннего Дзёмон. Нос и корма лодки острые и немного приподняты — похоже, что такая форма была наиболее типичной в доисторический период. Однако к периоду могильных курганов, если уже не к периоду Яёй, на лодках вполне могли появиться по 5—6 весел с каждой стороны. Возможно, по древности с лодкой из Йокосиба-тё может посоперничать лодка, извлеченная из слоя торфа в Камо. Она имеет круглую форму, однако нос и корма лодки утрачены. Не вызывает сомнения, что в течение долгого времени существовали лодки двух типов. Один из них походил на лодки айнов — обтекаемые, сужающиеся к носу и корме; второй имел почти квадратные нос и корму и более четкие формы. В некоторых лодках делали стационарные сиденья, а в некоторых (особенно в неолите) по всей длине лодки устанавливали похожие на скамейки балки, на которые при необходимости клади доски для сидения. Лодка из Камо имела шесть пар весел: два больших с широкими лопастями и четыре маленьких с узкими. В данном случае все они были предназначены для обеспечения свободы маневра судна. Целиком сохранилось только маленькое весло; его длина — около 130 сантиметров.

Несмотря на то что производство изделий из дерева, возможно, было делом очень нелегким, а орудия труда из дерева были многофункциональными,

кое-какие деревянные предметы дошли до наших дней. Неразгаданным остается предназначение не встречавшихся до этого окрашенных в красный цвет деревянных спатул, или кинжалов (часто их также называют мечами), из Корекавы (фото 3, 5). Более десяти таких предметов было обнаружено на двухметровой глубине. Все они сделаны из японского кедра и в среднем достигают длины 62 сантиметра. Каждый имеет вырезанный узор у эфеса, от которого отходят два хвостовика — возможно, для прикрепления к рукояти. По-видимому, металлических прототипов этих предметов не существовало, тем не менее, они были сделаны в период, когда в южную часть Японии металл завозился. Даже в шутку их едва ли можно назвать прототипами современных бритв айнов. В этом же слое къёккенмёдинга был найден церемониальный меч — предназначение этого предмета вопросов не вызывает (рис. 5, а). Он удивительно хорошо сохранился, тоже сделан из японского кедра, полностью покрыт красным лаком, его эфес, рукоять и ее круглый конец украшены резьбой. Меч лишь немногим длиннее деревянных кинжалов. В этом же къёккенмёдинге находились и красные деревянные гребни треугольной формы, некоторые с отверстиями; их зубья утрачены, а когда-то гребни имели 8, 10 или 11 длинных зубьев. Эти изделия, скорее всего, выполняли декоративные, а не практические функции. Кроме того, из къёккенмёдинга извлекли покрытые красным лаком деревянные серьги и браслеты кольцеобразной формы.

Отпечатки циновок на донцах многих керамических сосудов позднего периода Дзёмон говорят о том, что в этот период люди уже освоили искусство плетения циновок и корзин. Некоторые отпечатки

достаточно четки и глубоки: возможно, они получились тогда, когда перед обжигом сырье сосуды вкладывали один в другой, перестилая их кусками циновки. В болотистой почве Корекавы, в слое, расположенному выше того, в котором находились упомянутые деревянные предметы, было обнаружено множество плетеных изделий, сетки из виноградной лозы (предназначавшиеся, видимо, для изоляции друг от друга поставленных в плетеную корзину керамических сосудов), своеобразное покрывало, сплетенное из волокон растений, три украшенные резьбой и рисунком вилки неясного предназначения, деревянные чаши и кубки на ножках. Для плетения использовались береста, кора и луб вишни, кедра и кипариса. Одна круглая корзина с загнутым внутрь ободком и слегка конусообразным дном была сделана из тонких переплетенных волокон, а затем покрыта толстым слоем красного лака. Покрытый лаком деревянный яичек из къёккенмёдинга Симпукудзи, префектура Сайтама, вероятно, относится к немного более раннему периоду.

Керамические изделия Японии периода неолита очень разнообразны, они отличаются по уровню мастерства и декоративного оформления. Их вариации в зависимости от места и времени изготовления, а также влияния соседних регионов по сравнению с основными существующими на всей территории страны типами керамики весьма незначительны. Однако они внесли свой вклад в развитие гончарного искусства, способствовали созданию изделий высокого качества и необычайной красоты. Не исключена вероятность того, что в большинстве семей имелся свой гончар, а принимая во внимание бесчисленное количество вариаций, возможных при изготовлении любого сосуда, такое разнообразие из-

1

2

36

37

делий не удивляет. Наоборот, поразительно то, что археологу удается задним числом определить приемлемые принципы их классификации.

В неолите широкое распространение получила шнуровая керамика. Поначалу это был примитивный рисунок, получавшийся в результате вдавливания в поверхность изделия одиночных шнуров на довольно большом расстоянии друг от друга (рис. 10, поз. 25). В раннем периоде Дзёмон шнуры начали переплетать между собой, скручивать и укладывать в разных направлениях, получая рисунок «в елочку» (рис. 10, поз. 28). В среднем периоде Дзёмон шнуры стали размещать по диагонали (рис. 10, поз. 34). В конце концов, в позднем Дзёмон, когда этот стиль украшения керамических изделий проник во все уголки Японии, изобрели новый прием: обычные перекрещивающиеся линии стали чередовать с перекрещивающимися линиями, заключенными в различные геометрические фигуры, а весь рисунок, выходящий за их пределы, просто стирали (рис. 10, поз. 36 и другие). В японском языке изделия с рисунком такого типа называются стертой шнуровой керамикой (*сурикёсидзёмон*); далее мы будем называть его зональной шнуровой керамикой. Несмотря на то что эти стадии развития шнуровой керамики сменяли друг друга последовательно, так происходило не на всей территории страны: на Кюсю со шнуровым орнаментом познакомились лишь в позднем Дзёмон; на равнине Канто шнуровой орнамент делали только с помощью веревок; в среднем Дзёмон в центральных горах и на западе страны — в регионах, где предпочитали украшать изделия «rouletteй», отпечатками палочек или наложением полос глины, либо их вообще никак не украшали, — шнуровой орнамент просто не использовали. В не-

ДЖ.Э. КИЛДЕР. ЯПОНИЯ ДО БУДИЗМА

Даты	о. Кюсю	Внутреннее Японское море Кансай	Юг Токая	Равнина Канто	Центральные горы	Западное побережье	Север Хонсю
САМЫЙ РАННИЙ							
РАННИЙ							
3145 ±400							
СРЕДНИЙ							
2562 ±300							
поздний							
II 22 ±160 САМЫЙ ПОЗДНИЙ							

НЕОЛИТ

Рис. 10. Таблица типов керамики эпохи Дзёмон (в качестве ориента-
рии приведены названия типов керамики равнинны Канто): 1) Ка-
васаки, префектура Оита; 2) Хитоёси, префектура Кумамото; 3) Ни-
синоомоте, префектура Кагосима; 4) Огути, префектура Кагосима;
5) Ибусуки, префектура Кагосима; 6) Кусано, префектура Кагосима;
7) Сакурадзима, префектура Кагосима; 8) Нисибира, префектура
Кумамото; 9) Горио, префектура Кумамото; 10) Юсу, префектура
Фукуока; 11) къёккенмёдинг Кодзандзи, префектура Вакаяма;
12) къёккенмёдинг Исиёма, префектура Сига; 13) къёккенмёдинг
Исиёма, префектура Сига; 14) къёккенмёдинг Ирими, префектура
Айти; 15) Китасиракава, префектура Киото; 16) Китасиракава, пре-
фектура Киото; 17) Усимадомати, префектура Окаяма; 18) Кита-
сиракава, префектура Киото; 19) Китасиракава, префектура Киото;
20) Фукуда, префектура Окаяма; 21) къёккенмёдинг Нисё, префек-
тура Айти; 22) Миятаке, префектура Нара; 23) Касивара, префектура
Нара; 24) г. Касаока, префектура Окаяма; 25) Даймару, Йоко-
гама, тип Канагава—Инаридаи; 26) къёккепмёдинг Сирогадаи, пре-
фектура Тиба — тип Нижний Тадо; 27) Тобинодаи, префектура Ти-
ба — тип Каяма; 28) къёккенмёдинг Никки, префектура Тиба — тип
Секияма; 29) къёккенмёдинг Оримото, Цуда, префектура Канага-
ва — тип Мороисо; 30) къёккенмёдинг Оримото, префектура Кана-
гава — тип Мороисо; 31) Нарахара, префектура Токио — тип Кацу-
сака; 32) Тогаруиси, префектура Нагано — тип Кацуасака; 33) Нара-
хара, префектура Токио — тип Убаяма (Касори Е); 34) къёккенмё-
динг Убаяма, префектура Тиба — тип Убаяма (Касори Е); 35) къё-
ккенмёдинг Хоринути, префектура Тиба — тип Хоринути; 36) къё-
ккенмёдинг Наганомояма, префектура Тиба — тип Хоринути; 37) и
38) къёккенмёдинг Касори, префектура Тиба — тип Хоринути (Ка-
сори В); 39) Хироката, префектура Ибараки — тип Хоринути (Ка-
сори В); 40) Тобе, префектура Тиба — тип Омори; 41) къёккен-
мёдинг Окадайра, префектура Ибараки — тип Касори (Касори В);
42) къёккенмёдинг Симпукудзи, префектура Сайтама — тип Ангё;
43) Адзузава, префектура Токио — тип Ангё; 44) озеро Итакура, пре-
фектура Гумма — тип Ангё; 45) Хосокубо, префектура Тояма;
46) Хидзияма, префектура Гифу; 47) Хосокубо, префектура Тоя-
ма; 48) Окаямарюяма, префектура Нагано; 49) къёккенмёдинг Аса-
хи, Хими, префектура Тояма; 50) Секихара, префектура Ниигата;
51) Огая, префектура Нагано; 52) Инатоми, префектура Нагано;
53) и 54) Куванагава, префектура Нагано; 55) остров Садо, префек-
тура Ниигата; 56) Сано, префектура Нагано; 57) Нигасиваре, пре-
фектура Тояма; 58) Сано, префектура Нагано; 59) Фукурилазава, пре-
фектура Аомори; 60) примеч. перев. — в тексте отсутствует; 61) Эно-
кибаяси, префектура Аомори; 62) Фукура, префектура Ямагата;
63) Корекава, префектура Аомори; 64) Дайги, префектура Мияги;
65), 66) и 67) Ою, префектура Акита; 68) Акита, префектура Аки-
та; 69) и 70) Камегаока, префектура Аомори; 71) Асо, префектура
Акита; 72) Камегаока, префектура Аомори

которых регионах стандартные методы декорирования керамики шнуроным орнаментом использовали почти всегда, но в других — таких, как Тохоку периода раннего Дзёмон, — наряду с существованием стандартных образцов шнуровой керамики, которые могли бы послужить в дальнейшем в качестве модели, были изобретены многочисленные новые способы декорирования изделий шнуроным орнаментом.

Самый древний способ украшения керамики, в основном использовавшийся в южной части Японии, — это перекатывание резной деревянной палочки по поверхности сырого глиняного сосуда (рис. 10, поз. 1, 2). Мы будем называть это «рулеткой». Так украшали на острове Кюсю сосуды с острым дном, а после того как гончары освоили производство плоскодонных сосудов, так же стали декорировать и их. Однако в Кансае, центральных горах, в западных районах, а также в сравнительно небольшом количестве мест равнины Канто, где была обнаружена декорированная таким образом керамика, после начала производства сосудов с плоским дном от этого способа украшения отказались. Нахodka 1956 года на острове Хоккайдо, более поздние находки в Хатинохе, префектура Аомори, и в других районах Тохоку показали, что данная техника декорирования была распространена значительно шире. Из южной части Японии она проникла на равнину Канто и в глубь страны. Раньше всего появился и получил наибольшее распространение узор в виде зигзагов; кроме того, существовали узоры в виде овалов, ромбов, квадратов и других фигур. Одновременно со шнуровой керамикой южного типа на севере Хонсю существовала керамика, декорированная отпечатками

раковин, и ранние формы шнуровой керамики. Керамика с отпечатками раковин была распространена довольно широко, особенно на юго-востоке острова Кюсю и в Кансае. Большинство ранних типов керамики равнине Канто, включая изделия периода Секияма—Курохава раннего периода Дзёмон, изготовлено из смеси глины с травой; на севере страны с началом производства сосудов цилиндрической формы (*энто*) вместо травы к глине стали подмешивать песок (фото 13).

В то время как на равнине Канто отпечатки ветревок на керамике сменили отпечатки шнура, конусообразные изделия, декорированные линиями и желобками, уступили дорогу изделиям с закругленным дном (рис. 10, поз. 26, 27). Основные типы этих сосудов — Тадо и Каяма. С появлением Секиямы и все более широким использованием на нижних двух третях поверхности сосуда шнурового орнамента в форме птичьего пера развивался метод нанесения расщепленной бамбуковой палочкой по поверхности сосуда параллельных и волнообразных насечек (рис. 10, поз. 28). Это было преддверием керамики типа Мороиско, вариации которой можно наблюдать в южных районах Тохоку, в Тосане и Кансае, где они известны под названием Китасираакава — по названию археологического памятника в Киото, где она была обнаружена. Нанесение рисунка бамбуковой палочкой или, возможно, зачастую ногтем — это самая характерная черта керамики раннего Дзёмон, производившейся от Тюгоку до Тохоку. На побережье Внутреннего Японского моря было очень распространено декорирование керамики с помощью нанесения на сырую поверхность изделия вдавленных узоров, причем для данного региона вершиной развития этого вида техники стали серповидные

орнаменты. Здесь же мы являемся свидетелями первых серьезных попыток украшать сосуды с помощью наложения на изделие отдельных полос глины. В керамике Мороисо этот способ декоративного оформления принимает более сложную форму: там используются полосы глины, скрученные в виде веревок (рис. 10, поз. 30).

На острове Кюсю в среднем периоде Дзёмон основным способом украшения керамики оставалось нанесение желобков. В раннем Дзёмон в керамике Собато такие желобки наносились в виде коротких параллельных линий (рис. 10, поз. 3). В керамике Атака они превратились в длинные и не обязательно параллельные линии, зачастую разбросанные по всей поверхности сосуда, а затем они стали больше концентрироваться в его верхней части, у ободка изделия (рис. 10, поз. 4, 5). Керамика Итики отличается большим количеством отпечатков раковин по ободку сосуда и желобками на его поверхности (рис. 10, поз. 6); в более удаленных от побережья районах ободки у нее декорированы уже отпечатками не раковин, а других предметов. В противоположность искусственным произведениям мастеров равнины Канто и горных местностей, в Тюгоку и Кансае керамика среднего Дзёмон невыразительна. Отчасти это можно объяснить небольшим количеством обнаруженных изделий этого периода. Основные родственные группы керамики — это Кацусака и Убаяма (Касори Е), имеющие местные вариации и подтипы, известные под другими названиями. Ранняя керамика обычно украшена наложенными на сосуд полосами глины, которым придавалась различная форма, чаще всего украшения имели вид расположенного горизонтально овала (рис. 10, поз. 31). Верхняя часть сосуда, напоминающая чашку без дна со

слегка загнутым внутрь краем, может быть простой, без всяких украшений, или же, как и большая часть поверхности изделия, она может быть покрыта довольно тесно уложенными параллельными полосками глины, часто перекрещивающимися и перекрывающими друг друга (фото 6, рис. 10, поз. 51). Появлению еще большего разнообразия форм сосудов способствуют различные формы ручек и декоративное оформление ободков изделий. На западном побережье, где отделку верхней части сосудов можно без преувеличения сравнить со скульптурой, асимметричные выступы фантастических очертаний полностью скрывают ободок сосуда (фото 7, рис. 10, поз. 50). Большие сосуды типа Кацусака могли при необходимости использоваться как для приготовления пищи, так и в качестве очагов. Изделия этого типа сделаны из красноватой грубой глины и отличаются толстыми стенками.

Иногда верхний край сосуда украшало изображение головы животного. Такие изделия наиболее характерны для Тосана, однако встречаются они и на равнине Канто. Сейчас эти скульптурные изображения находят в основном отдельно от сосудов, но изредка попадаются и сохранившиеся целиком сосуды, по которым можно получить представление о первоначальном виде изделия (рис. 10, поз. 32). Позднее мы остановимся на этом более подробно, а также поговорим о значении скульптурных изображений в период среднего Дзёмон.

После того как всплеск художественной активности периода Кацусака сошел на нет, мастера вновь возвратились к шнуровому орнаменту, а излишества в украшении верхней части сосудов сократились до двух—четырех выступов. Наложенный узор в виде полос глины в основном сосредоточился на горле и

ободке изделия, которые стали оформлять извилистыми, часто закрученными в виде спирали орнаментами (фото 8). Вариации такого декорирования сосудов типа Убаяма характерны для Тюбу и нижнего Тохоку, при этом необходимо отметить, что популярность такого вида украшения ближе к Кансаю и Тюгоку имеет сильную тенденцию к убыванию. Первые зональные орнаменты, выполненные в шнуровой технике, начинают появляться уже на керамике Убаяма, а своего полного расцвета эта техника достигла в сменившей Убаяму керамике Хоринути, производившейся на протяжении большей части позднего периода эпохи Дзёмон. Именно в этот период зональная шнуровая керамика распространилась по всей стране, от острова Хоккайдо до острова Кюсю. На острове Кюсю она появилась в момент, когда уже достигла достаточно высокой степени развития и когда было принято придавать зональному шнуровому орнаменту вид узких полос. В других регионах она достигла такого уровня лишь со временем, причем тогда она уже несколько модифицировалась, и зоны превратились в половинки листьев, повторявшиеся по всей поверхности изделия (фото 10). Одновременно с зональной шнуровой керамикой существовала техника декорирования параллельными линиями. Изделия, оформленные в такой технике, выглядят очень элегантно (фото 9, 10). Появляются сосуды с носиком; чаще всего они имеют верхнюю часть округлой формы и резко сужающуюся ко дну нижнюю. Довольно высокие дугообразные петли через седловидный изгиб соединены с горлом сосуда; вероятно, в большинстве случаев на них каким-то образом закреплялась съемная бамбуковая или плетеная ручка (фото 12). История вездесущего современного японского чайника насчитывает четыре тысячи лет.

К концу позднего периода Дзёмон технические усовершенствования привели к изменению внешнего вида керамических изделий — по крайней мере, в отдельных регионах. Вероятно, это было обусловлено началом обжига сосудов в частично закрытой камере при температуре, которая теперь достигала от 600 до 700 градусов по Цельсию. Эта керамика более тонкостенная, в результате нагрева такого типа она имеет одинаковый цвет поверхности: все оттенки черного, коричневого и серого; используемая глина, как правило, содержит меньше примесей; иногда изделия отполированы. В случае с керамикой типа Горио на острове Кюсю она отполирована до металлического блеска (рис. 10, поз. 9). Это характерно и для сосудов типа Камегаока. Изделия острова Кюсю, Тюгоку и Кансая по-прежнему имеют грубую неровную поверхность, и лишь в эпоху Яёй они становятся более ровными и гладкими. Изделия равнинны Канто тоже довольно часто имеют неровную поверхность, но в северных районах керамика Камегаока компенсирует это искусственным декорированием поверхности; можно сказать, что это очередная вершина мастерства гончаров эпохи неолита. В северных районах всегда широко использовалось декорирование шнуровым орнаментом. Местные типы керамики — такие, как Акагава, — по сравнению с типичными для раннего и среднего Дзёмон цилиндрическими сосудами, украшенными аккуратными шнуровыми орнаментами, выглядят несколько грубо (фото 14). Свои особенности имеет и керамика севера: гончары Дайги преуспели в дизайне, мастера Ою изготавливали сосуды с длинными неуклюжими носиками (рис. 10, поз. 63), ваза периода позднего Дзёмон из современного города Хиросаки, префектура Аомори, украшена рельеф-

ным изображением человеческой фигуры: человек поднял руки и держит их параллельно земле, руки согнуты в локтях, кисти опущены вниз, ноги широко расставлены, ступни скрыты горизонтальным орнаментом (фото 16).

В целом в период Камегаока гончары северных районов стали делать сосуды меньшего объема. Они отдавали заметное предпочтение вертикальным линиям и двух- или трехсекционным сосудам самых разнообразных форм. Некоторые сосуды черные и хорошо отполированные; другие, особенно из Корекавы, окрашены в красный цвет — похоже, специально для того, чтобы походить на покрытые лаком изделия из этого места. За исключением нескольких сосудов, почти полностью декорированных диагональным шнуровым орнаментом, остальные украшает тонкий волнообразный, повторяющийся через определенные интервалы рисунок, который немногого напоминает длинные кости и очень схематичные изображения птиц и зверей (рис. 10, поз. 69, 70). Когда рисунок не ограничен узкой декоративной полосой, как, например, на дне чаши, он может быть довольно сложным (фото 15). Весьма велика вероятность того, что эти орнаменты берут начало от изображений птиц и животных на китайских бронзовых зеркалах и, возможно, лакированных изделиях. Отметим, что в эпоху Яёй бронзовые зеркала в Японию уже завозились. Во всяком случае, проведенная недавно датировка керамики эпохи Яёй в южных районах Тохоку, похоже, указывает на то, что это происходило в один и тот же промежуток времени. Последние изменения в керамике Камегаока, выразившиеся в сокращении числа более сложных элементов рисунка, без сомнения, произошли в эпоху Яёй в результате сильного внешнего влияния.

На острове Хоккайдо керамика прошла те же стадии развития, что и в Тохоку: в ранний период ее украшали отпечатками раковин, позже появились сосуды цилиндрической формы, затем — зональная шнуровая керамика и керамика типа Камегаока. Тем не менее, особенности изделий Хоккайдо хорошо видны на примере типов керамики Дзенхоку и Кохоку, а также сосудов северных районов на побережье Охотского моря. Для керамики Дзенхоку характерны шнуровые орнаменты, часто с горизонтальными насечками, сделанными по сырой поверхности, а также овальные в сечении сосуды с небольшими выступами по ободу и гребнями из глины в средней части. В керамике Кохоку позднего периода заметно влияние металлических изделий — на сосудах Кохоку имеются швы, имитирующиестыки между пластинами металла. Ранняя керамика Охотского моря тоже иногда выполнена в технике шнурового орнамента; кроме того, на ней выдавлены различные небольшие, в том числе и графические, рисунки; часто она декорирована множеством наложенных сверху тонких горизонтальных полос глины. Эта керамика имеет характерный цвет: черный, серый или серо-коричневый. Найденные рядом с керамикой Охотского моря металлические мечи японского производства, датируемые VIII веком, свидетельствуют о том, что на побережье производство этого типа керамики продолжалось и по окончании доисторического периода.

ОБЫЧАИ И СИМВОЛЫ

Желание человека украсить свое тело проявилось уже в самом раннем Дзёмон, когда ушные серьги делали из небольших раковин и клыков дикой сви-

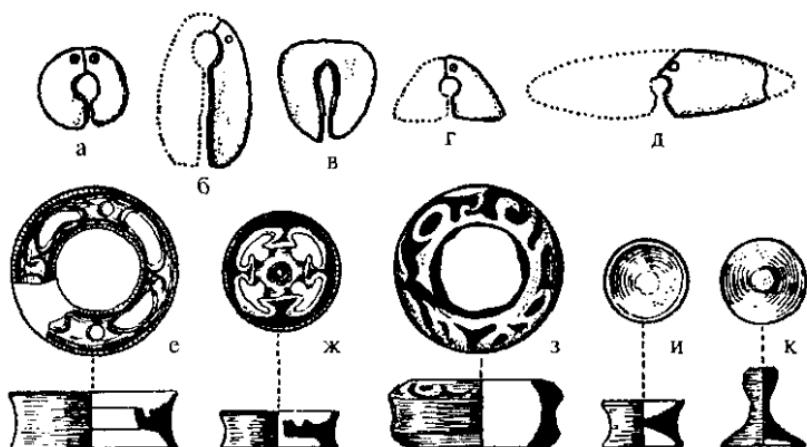

Рис. 11. Серьги эпохи Дзёмон: а—д — из камня, е—к — из глины: а, в — Ко, префектура Осака; б — Тидорикубо, префектура Токио; г — Такаги, префектура Нагано; д — Ябасэ, префектура Тоттори; е — парк Симидзу, префектура Тиба; ж — место обнаружения неизвестно; з — Хумадзу, префектура Мияги; и — Икавацу, префектура Айти; к — Фукуда, префектура Ибараки

НЫИ. Для этих же целей использовались также глина, камень и зубы животных, причем постепенно доля украшений из глины увеличилась и они стали более искусными. Так продолжалось до периода Ангё, когда появились довольно крупные круглые серьги с красивым орнаментом (рис. 11, е—з). Возможно, подобно каменным и глиняным шарикам, временами их просто подвешивали к мочке; судя по фигуркам, относящимся к более позднему периоду, их также вставляли в мочку уха (фото 20). Небольшие серьги, предназначенные для ношения в мочке, были в моде со времен среднего Дзёмон (рис. 11, к). Жители периода Мороисо придумали плоские подвесные серьги из камня. Если такие серьги ломались, в обеих частях изделия просверливали дырочки и вновь соединяли разбитое (рис. 11, а). Волосы украшали шпильками и греб-

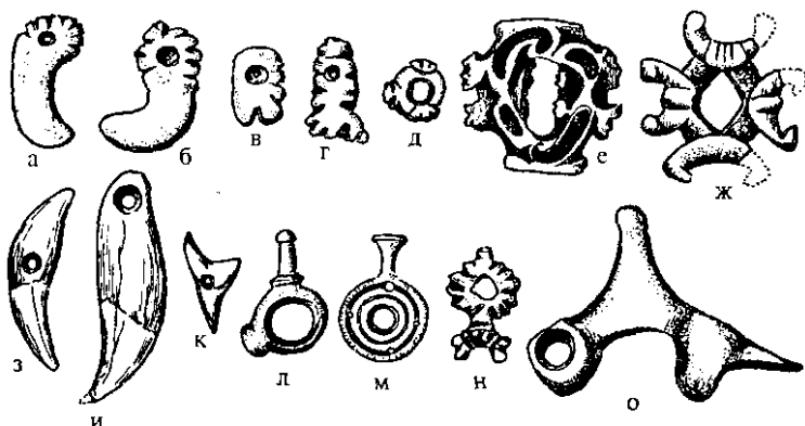

Рис. 12. Украшения и амулеты эпохи Дзёмон: а — Ако, префектура Акита; б — Хосогэ, префектура Аомори; в — Седзава, префектура Мияги; г — Корекава, префектура Аомори; д, ж, к, м, н — Нумадзу, префектура Мияги; е — Итинохе, префектура Акита; з — Симпукудзи, префектура Сайтама; и — Тодороки, префектура Кумамото; л, о — Цутумо, префектура Окаяма

нями из кости. Существовало множество амулетов, украшений для одежды и тела. Особенно часто они встречаются при раскопках на севере страны, где к тому же большое количество украшений покрыто красной краской. Коготь или зуб с дырочкой на конце выполнял функции *магатамы*, которые позже перешли к драгоценному камню — знаку верховной власти правителя. Тем не менее, на севере еще на завершающих стадиях эпохи Дзёмон магатаму по-прежнему вырезали из камня. К тому времени это украшение уже приобрело свой окончательный вид — форму запястий с насечками в верхней части (рис. 12, а, б). Некоторые изделия имеют настолько затейливый вид, что забываешь об их основном предназначении — выполнять функции пряжки или крючка, скрепляющего части одежды. В захоронениях на запястьях покойников часто

попадаются браслеты из раковин — мода на них была более характерна для южных районов Японии. По подобию браслетов на равнине Канто стали делать серьги из раковин, так как серьги из глины, как правило, были очень хрупкими и недолговечными.

Судя по фигуркам, людьми неолита практиковалось нанесение на тело татуировок и других «украшений», однако по облику этих причудливых и в чем-то даже фантастических существ о внешнем виде людей того времени буквально судить нельзя. С другой стороны, приблизительно по достижении совершеннолетия (в данном случае 17—18 лет) в некоторых племенах было принято проводить обряд, составной частью которого было вырывание у человека определенных зубов и, возможно, подпиливание других. Через этот ритуал проходили молодые люди обоего пола. Следует отметить, что некоторые находки указывают на то, что у юношей и девушек вырывали разные зубы. Из обнаруженных К. Кийоно в къёккенмёдинге Йосиго, префектура Айти, 121 черепа в 114 случаях клыки и резцы были удалены из обеих челюстей. При этом необходимо заметить, что не во всех случаях были удалены одни и те же зубы. В результате последующих раскопок этого къёккенмёдинга, проводившихся Комиссией по охране культурного наследия, были найдены 12 черепов, у 11 из которых тоже отсутствовали зубы. Из тех 121 черепа только 4 имели V-образные выпилы в 4 передних зубах, причем два из этих черепов были мужскими, а два — женскими. В Цугумо, префектура Окаяма, зубы почти всех 83 черепов имели искусственные повреждения. Этот обычай зародился на юге страны и, похоже, распространился по остальной территории еще до начала позднего

Дзёмон, хотя с полной определенностью говорить о времени его распространения нельзя, так как черепов, относящихся к более ранним периодам, сохранилось очень мало. Практика искусственного повреждения зубов в конце концов пришла и на север острова Хонсю, подтверждением чего являются останки людей, живших в период Камегаока. От данной традиции люди не отказались и в эпоху Яёй.

Глиняные фигурки божков имелись во многих домах. Вероятно, они особо почитались женщинами, для которых они были символами плодородия и плодовитости и защитниками во время родов. Внутри одной фигурки из Накаясики, префектура Канагава, находилась детская кость — трогательный знак того, что мать просила божество даровать ей еще одного ребенка. В жилище в Тогарути обнаружен круг диаметром примерно 30 сантиметров, выложенный мелкими камушками по контуру и с фигуркой божка внутри; в Косиго, тоже в префектуре Нагано, в напоминающем гробницу сооружении из камней были найдены две такие фигурки. В Сугисаве, префектура Ямагата, в неглубокой ямке обнаружили фигурку из керамики типа Камегаока: вокруг ее головы и плеч находились три камня, которые сверху были прикрыты еще одним камнем, только большего размера. Голова божка была обращена на север. Несмотря на то что перечисленное относится лишь к незначительной части из более чем тысячи известных на данный момент фигурок, тем не менее, это помогает понять значение, которое они имели для людей эпохи Дзёмон.

Некоторые фигурки были покрашены красной краской; многие — например плоские фигурки — отшлифованы до такой степени, что верхние слои декоративной отделки стерты (фото 20). Довольно

часто в руках и ушах божков просверлены дырочки — вероятно, для того, чтобы подвешивать фигурки где-то в доме. Не вызывает сомнения, что для людей эпохи Дзёмон они имели особую важность, что они были их пенатами. Возможно, позднее их функции взяла на себя богиня домашнего очага, и поныне существующая в мифологии айнов.

Несмотря на то что жилище Н в Хираиде — единственное в деревне, где были найдены фигурки, нельзя утверждать, что в нем жил шаман. А исходя из того, что фигурки сильно различаются по стилю исполнения, не стоит делать вывод о том, что данная постройка играла роль мастерской. Скорее всего, это стоявшее на некотором отдалении от других здание имело особое предназначение — это был родильный дом, а пожар, в котором оно погибло, вероятно, был устроен специально с целью очищения от какой-то напасти. В ранней японской литературе есть упоминания о существовании родильных домов.

Самый древний известный божок — это небольшая плоская фигурка периода самого раннего Дзёмон. Она была найдена в къёккенмёдинге Ханавадай, префектура Ибараки (рис. 13, а). Фигурок, датируемых другими периодами до периода Кацусака среднего Дзёмон до нас почти не дошло, и может сложиться впечатление, что до этого времени их просто не делали. В динамично развивавшемся центре страны в это время особый интерес проявляли к производству сосудов с лепными изображениями человеческих лиц и голов зверей (фото 18). Впервые такие изображения появляются в керамике Мороисо — как правило, это головы кошек и грызунов, хотя иногда также встречаются головы собак. Повидимому, эти существа, характерные отличитель-

Рис. 13. Фигурки божков эпохи Дзёмон: а — къёккенмёдинг Хана-ваади, префектура Ибараки; б — Маруко, префектура Нагано; в — место обнаружения неизвестно; г — Токомаи, префектура Аомори

ные черты которых представлены древними мастерами, были тотемными. В нескольких фигурках периода Кацусака достаточно отчетливо просматриваются очертания человеческих тел; тем не менее, явное предпочтение в этом типе керамики отдается изображениям животных. Возможно, это объясняется тем, что люди глубоко почитали и боялись духов, воплощением которых они считали животных. Отдельные детали фигурки из Мисаки (раньше она носила название Курокама), префектура Яманаси, напоминают кошку, другие — зайца, однако в сочетании они создают странный и довольно зловещий образ (фото 17). Фигурка слишком крупная, едва ли она могла украшать горло даже самого большого сосуда.

Следующий важный этап в изготовлении фигурок божков отличался созданием хорошо узнаваемых изображений человека. Форма этих фигурок часто близка к прямоугольной, они сделаны довольно просто; первичные половые признаки, как правило,

обозначены очень схематично (фото 21). На севере Японии этот тип фигурок представлен изображением только торса человека. В центральных горах фигурки могут иметь удлиненные пропорции; иногда они расширены книзу наподобие колокола и могут стоять без опоры (рис. 13, б); встречаются и фигурки с большими отвислыми грудями. У фигурки из Сатохары, префектура Гумма, лицо выполнено в форме сердца, голова немного отклонена назад, ноги расставлены, а узкая талия напоминает осиную (фото 22). К концу позднего Дзёмон, сразу по окончании периода Хоринути, происходят разительные перемены — появляются фигурки беременных женщин с большим животом и крупными грудями (рис. 13, в). У этих фигурок сходящиеся у переносицы брови тоже обозначены валиком глины, а глаза — кружочками из глины; рот изображен в виде углубления, вокруг которого в технике шнурового декорирования нанесено несколько линий, вероятно означающих татуировку; часто от уха до уха идет длинная выступающая полоса, обозначающая границу нижней челюсти.

Фигурки завершающих этапов неолита обнаружены в ряде поселений на острове Кюсю, в Касиваре в Кансае, а фигурки периода Ангё — на равнине Канто и на севере Японии. Для фигурок периода Ангё характерны небольшая высота и достаточно сложные очертания; крупные головы увенчаны выступами, напоминающими спирально закрученные рога. Глаза, уши и рот сделаны из налепленных сверху кусочков глины (фото 20). Тела фигурок, изготовленных в более южных районах, лишены всяких украшений, что, вероятно, в соответствии с климатом этих мест, означает наготу.

Фигурки периода Камегаока пустотельные и часто имеют плоские «подошвы ног», которые позволяют

им стоять без опоры. Это изображения широколицых и широкоплечих существ с толстыми шеями, одетых в богатые наряды; на головах у них налеплены кусочки глины, глаза напоминают очки горнолыжников; ожерелье и одежда, закатанная у колен, выполнены в технике шнурового орнамента (рис. 13, г). Много лет назад ученые пришли к выводу, что предмет, похожий на очки горнолыжника, в реальности делали из вставленной в оправу кожи. Однако на севере острова Хонсю такие «очки» — совершенно ненужная вещь, хотя, надо признать, что теплый толстый костюм там совсем не лишний. Скорее всего, такое изображение глаз свидетельствует об убежденности древних в том, что глаз человека напрямую связан с его душой. Если говорить об одежде и наготе, то нет сомнения, что они имеют одновременно как вполне реальный, так и символический смысл. Поэтому вполне естественно, что наличие или отсутствие одежды на фигурке в каких-то случаях в большей мере отражает действительность, а в каких-то имеет символическое значение.

Пустотелые фигурки с «коронами» на голове не всегда имеют неправдоподобно большие глаза, а вот толстые руки и ноги, наоборот, являются их характерной отличительной особенностью. Представляет интерес техника декорирования этих изделий с помощью нанесения углублений на поверхность изделия (фото 19). Лица фигурок похожи на маски; у многих из них голова немного откинута назад, нос поднят вверх, а глаза полуприкрыты — зрителю видит лицо одновременно как бы и анфас и снизу. Все вместе придает фигурке несколько высокомерный вид (фото 23). Возможно, это объясняется тем, что божков не подвешивали, а ставили непосредственно

но на землю или на какую-то низкую подставку. На это указывает наличие у фигурок толстых ног, придающих им устойчивость. Кроме того, некоторые фигурки слишком велики для того, чтобы их можно было постоянно носить с собой. Фигурки и другие керамические изделия типа Камегаока имели широкое распространение, по их образцу создавались артефакты во многих регионах страны: фигурки находят даже в префектуре Сидзуока, а в декоративном оформлении керамических изделий Кансая отчетливо просматриваются характерные детали керамики Камегаока.

Одновременно с этими фигурками существовали примитивные плоские предметы — нечто среднее между фигурками и пластиинами (фото 24). Эти предметы — назовем их плоскими фигурками, — как правило, не имеют головы и ног, вместо рук у них короткие толстые завитки, а снизу тело заканчивается стилизованным закатанным краем одежды. Овальные и прямоугольные плоские фигурки из глины или камня встречаются при раскопках многих археологических памятников позднего Дзёмон в долине Канто и на севере страны, в других местах их находят значительно реже. Возможно, им придавалось то же магическое значение, что и обычным объемным фигуркам. Однако, в отличие от последних, плоские фигурки обычно лишены любых женских половых признаков. В некоторых из них сделаны отверстия для того, чтобы их можно было подвешивать. Создатели этих изделий сочли необходимым лишь весьма условно обозначить голову и чисто символически — позвоночник. Обратная сторона фигурки обычно украшена кри-волинейным или спиральным орнаментом. У плоских фигурок, датируемых более поздними периода-

ми, даже на лицевой стороне отсутствуют какие-либо признаки сходства с телом человека, а декоративное оформление ограничивается множеством параллельных линий (фото 25).

Археологи обнаружили несколько масок из глины. Они очень различаются по размерам; небольшие маски с дырочками на висках могли служить лицами кукол или божков, тела которых могли быть сделаны из дерева или травы. Много лет назад в Асо, префектура Акита, была найдена, пожалуй, самая интересная маска из терракоты (фото 26). Очертания глаз и рта выполнены в шнуровой технике, а по контуру лица и на щеках сделан орнамент в лучших традициях керамики Камегаока.

В восточной, центральной и северной Японии было обнаружено несколько глиняных фигурок животных. Это небольшие, хорошо узнаваемые изображения медведей, обезьян, собак, кабанов и черепах. Интересно, что в среднем Дзёмон совсем перестали делать фигурки с характерными чертами кошек и грызунов, был забыт и прием стилизации, придававший им таинственность. Фигурки среднего Дзёмон более реалистичны, это животные, встреча с которыми не была редкостью. Тем не менее, археологи пришли к единому мнению, что эти фигурки, являвшиеся символическим воплощением духа данных животных, изготавливали и использовали в целях отправления религиозного культа.

Среди артефактов среднего Дзёмон очень много таких, которые символизируют плодородие и плодовитость. К этому времени помимо символов женского начала появились и символы мужского: большие каменные дубинки фаллической формы, каменные фаллосы, установленные вертикально столбы в жилищах, а также другие предметы, не имеющие

столь явно выраженного символического значения. Все это свидетельствует о том, что древние жители Японии наделяли мужской детородный орган магической силой. Возможно, переход на долговечный материал — камень — вместо использовавшихся прежде при изготовлении таких изделий глины и других плохо сохраняющихся материалов стал результатом стремления иметь более постоянные символы. Однако вполне реально и другое объяснение: благодаря какому-то внешнему фактору жители гор могли воспринять новые идеи и выразить их с помощью новых символов. Безусловно, очень сложно доказать, что данные символы появились именно в горных регионах, однако следует принять во внимание то, что один из центров производства таких изделий находился на западе страны (для которого были характерны отход от реализма и стилизация), а также то, что, скорее всего, из Тосана мода на них распространилась в другие поселения на западе и востоке, а позже пришла и в Тохоку.

Навершия каменных дубинок претерпели ряд стадий развития: сначала они имели вполне подходящий для практического применения вид, затем их начали украшать графическими орнаментами, а в итоге на севере Хонсю они превратились в произведения искусства, причем иногда их стали покрывать красной краской (рис. 14, в—з). Тело дубинки, длина которого доходила до 30,5 сантиметра, полировали; иногда ее делали изогнутой, а в отдельных случаях ей придавали форму кинжала. Дубинки с длинной частью в виде кинжала украшали волнообразным орнаментом — таким же, как и керамические изделия. В къёккенмёдинге Ка-мегаока в слое раковин вместе с керамикой одноименного типа периода позднего Дзёмон была об-

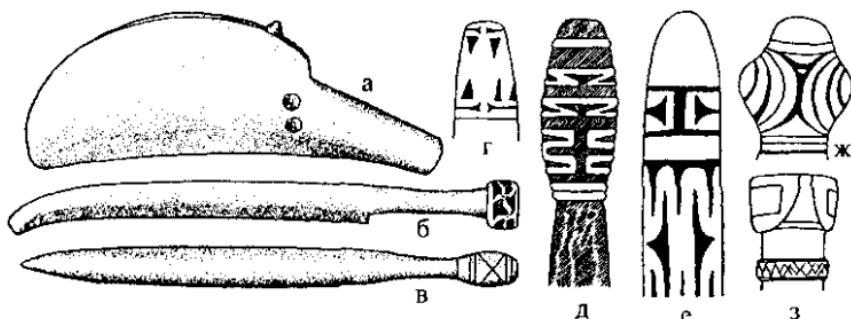

Рис. 14. Отшлифованные и украшенные рисунком артефакты позднего периода эпохи Дзёмон: а—в, д — Корекава, префектура Аомори, длина а) около 37,5 см; г, е — Кукидзаки, префектура Ибараки; ж — место обнаружения неизвестно; з — Бумма, префектура Ибараки

наружена дубинка из хлорита, навершие которой было обмотано полосками коры глициниев. Возможно, нам никогда не удастся узнать, было ли так принято делать всегда или же навершия дубинок обматывали корой только в каких-то особых случаях, но это сильно напоминает *инао* — очищенную от коры ивовую палку, которую айны, чтобы задобрить богов, устанавливали с восточной стороны жилища. Однако доказать наличие какой-либо связи между ними невозможно, и их происхождение может сильно различаться по времени и по идеи, которую они воплощали.

В Нисимуре, деревня Оцука, префектура Яманаси, археологи раскопали большую каменную дубинку; она по-прежнему находилась в вертикальном положении. Подобные находки были сделаны в Муррамитакадане, префектура Сидзуока, и Тераяме, префектура Канагава. Хотя обе эти префектуры расположены на побережье, они удалены друг от друга на довольно значительное расстояние. Это наводит на мысль, что вертикальная установка дубинок была связана с каким-то обычаем и что этот обычай

был довольно распространенным. Без сомнения, самые крупные дубинки играли роль магического символа продолжения рода; их устанавливали внутри жилища и, возможно, за его пределами. Дубинки меньшего размера более поздних периодов установить в земле было несложно: они имели одно навершие и часто заостренный противоположный конец (рис. 14, в). Эти находки вызывают много вопросов: судя по всему, такие дубинки были не в каждом доме и, похоже, даже далеко не в каждой общине; однако не исключено, что в каких-то домах они были сделаны из дерева, скрученной коры или других материалов. Может быть, некоторые семьи, как и настоящее время, меньше верили в магическую силу таких символов.

Прототипом изогнутых каменных мечей, совершенно непохожих на известное на данный момент оружие из металла (которое может относиться только к эпохе Яёй), вероятно, было какое-то орудие, имевшее практическое применение (рис. 14, б). Сейчас невозможно сказать, какую эволюцию претерпело это орудие прежде, чем превратилось в изогнутый каменный меч. Примерно к этому же времени относятся и хорошо отшлифованные и прекрасно отполированные *сейрюто*, встречающиеся главным образом на севере страны (рис. 14, а). По форме они напоминают топор мясника; с вогнутой стороны у него острый режущий край, а с противоположной — желобок, который идет до выступа; рядом с ручкой сделаны углубления конической формы. Принято считать, что эти предметы были созданы по подобию изделий из металла. Несмотря на то что традиционно их называют «китайскими бритвами» — вероятно, этим именем они обязаны своему очевидному иностранному происхождению, — достоверно

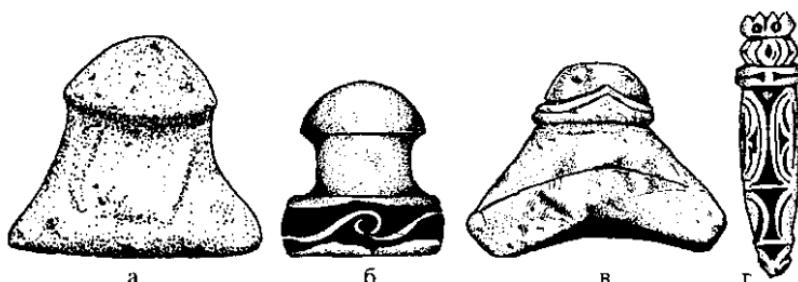

Рис. 15. Артефакты из камня эпохи Дзёмон: а — Муроран, префектура Хоккайдо, высота 10,2 см; б — Одзо, префектура Исиока, высота 8 см; в — Миммая, префектура Аомори, высота около 10 см; г — Китанисиракава, префектура Гифу

определить историю их появления не представляется возможным.

Еще одна группа артефактов, имеющих очевидный фаллический характер — это так называемые каменные шапки или короны (рис. 15, а—в). При раскопках в Хоби в Микаве было найдено захоронение, где на лбу покойного лежала такая каменная шапка — без сомнения, традиционно эти изделия ассоциировались с головными украшениями. Каменные шапки с плоским основанием, возможно, произошли от орудия, предназначенного для колки орехов или растирания зерен, а после того, как их стали декорировать резьбой, они постепенно утратили чисто функциональный характер и приобрели характер символов. У айнов есть головные уборы особой формы, которые, не исключено, как-то связаны с этими каменными изделиями. Каменные шапки и так называемые предметы в форме туфли часто находят при раскопках на западном побережье. Так, в Одзо, префектура Исиока, на побережье Японского моря была обнаружена каменная шапка (рис. 15, б). Она находилась в комплексе с другими каменными изделиями магичес-

кого характера: дубинкой, камнем в форме бumerанга, полированными прямоугольными топорами и топором с выемками такого типа, наиболее характерным для среднего Дзёмон (однако, судя по всему, такие топоры существовали и в более поздние времена). Само собой разумеется, что сделанные из глины шапки не были такими прочными и долговечными, как каменные.

Существовали также небольшие артефакты фаллического характера из камня и глины. Их было найдено значительно меньше; какие-то из них имеют декоративный орнамент, какие-то — нет (рис. 15, г). Такие предметы, относящиеся к более поздним периодам и украшенные резным орнаментом, очень похожи на уменьшенный вариант каменной дубинки поздних периодов и отличаются от последних тем, что те полностью покрыты резьбой.

В древних поселениях на севере страны довольно часто попадаются украшенные резьбой изделия из рога оленя, однако более-менее достоверно определить их предназначение не всегда возможно. Так, в Миятодзиме, префектура Миаги, было найдено изделие, богато декорированное резьбой с одной стороны и совершенно гладкое — с другой (фото 28). В двух из четырех концов этого предмета сделаны сквозные отверстия, по два в каждом. Н. Мунро высказал осторожное предположение, что это изделие могло быть головным украшением, однако значительно большее распространение получило мнение, что такие предметы носили на поясе. С другой стороны, этот предмет вполне мог выполнять функции пряслица.

Камни в форме туфли и бumerанга типичны для поселений западного побережья. «Бумеранг» из пеечника, обнаруженный в Тамуко, деревня Тайра,

префектура Тояма, находился на глубине примерно одного метра, но отдельно от артефактов эпохи Дзёмон (фото 27). Необходимо отметить, что в этом районе действительно периодически попадаются артефакты периода неолита. По обеим сторонам «бумеранга» идет желобок, но только на одной стороне вырезан неглубокий узор. «Бумеранг» из Фукуи украшен орнаментом с обеих сторон. Эти изделия получили название каменных ножей, хотя внутренний вогнутый край закруглен, а не заточен как лезвие ножа. Больше соответствует истине предположение о том, что это своего рода штамп, с помощью которого ставились печати на глине или земле и что он использовался в каких-то обрядах.

Принято считать, что изделия из камня в форме туфли — это одна из разновидностей каменных топоров (фото 29). В ходе своего развития последние в конце концов приобрели такой вид, что пользоваться ими в практических целях почти невозможно. Удивительно, что предметы в форме туфли очень похожи на каменные фаллосы — вероятно, они имеют к тем очень близкое отношение. Эти предметы могут достигать длины 30,5 сантиметра, они тщательно обработаны и хорошо отполированы.

В погребальных обычаях единообразия не существовало, и, похоже, это нельзя объяснить каким-то временными факторами. Примерно в половине случаев покойника клали в согнутом положении головой, как правило, на юго-восток. В других случаях отдавали предпочтение положению трупа на спине с вытянутыми ногами, голова покойного могла быть обращена в любую сторону. При погребении в согнутом положении подавляющее большинство тел клали на спину, а ноги сгибали в коленях; иногда тело клали на бок. Когда усопшего клали лицом

вниз, его колени подтягивали к груди; при трупоположении с прямыми ногами покойного помещали на спину, на бок или лицом вниз. В раковинной куче Йосиго вокруг останков одного человека обнаружили слой какого-то органического вещества черного цвета. Ученые пришли к выводу, что это была погребальная циновка, в которую было завернуто тело. Останки двух человек в Убаяме находились в слое земли со следами огня и остатками углей. Пожалуй, что это был костер — не исключено, что жертвенный. Следы огня на костях отсутствовали. Такие же захоронения обнаружены в Цугумо и Атаке. На останках, особенно на черепах и гостях грудной клетки, достаточно часто встречаются следы красной охры. В основном это характерно для северных районов Японии и для детских захоронений. Возможно, это означает, что некоторые общины практиковали вторичное погребение.

Представляют интерес и такие одиночные находки, как захоронение пожилого человека, обнимающего ребенка (къёккенмёдинг Сатохама, префектура Мияги). В данном случае оба тела находились в согнутом положении. В раковинной куче Йосиго обнаружен глиняный сосуд с останками взрослого человека и ребенка. Иногда на грудь усопшего для защиты клади плоский круглый камень. Очень показателен пример захоронения взрослого мужчины в Ко, префектура Осака: тело находилось в горизонтальном положении лицом кверху, на груди лежал камень диаметром около 15 сантиметров, а рядом с головой с обеих сторон были аккуратно выложены большие куски разбитых керамических сосудов. Временами тело покойного полностью покрывали камнями, иногда камни клади только около головы.

Чаще всего использовались такие способы погребения, как обкладывание тела усопшего камнями (наибольшее распространение этот способ получил в северной части Японии) и захоронение в больших сосудах — кувшинное захоронение. В Йосиго было обнаружено 39 сосудов с останками детей. В ходе раскопок 1951 года этой раковинной кучи археологи нашли всего 7 кувшинных захоронений, из них 4 были детскими. К такому способу погребения также прибегали в Оборе, префектура Мияги. При раскопках 1919 года къёккенмёдинга Цугумо, префектура Окаяма, нашли захоронение взрослого человека, в головах которого стоял сосуд с останками ребенка (фото 2). Все эти кувшинные захоронения относятся к концу эпохи Дзёмон; их большая часть сделана, вероятно, буквально накануне наступления эпохи Яёй, если вообще не в ее начале; они вполне могли быть сделаны в то время, когда на севере острова Кюсю обычай кувшинных захоронений только появился. В къёккенмёдинге Яхаги, префектура Тиба, останки ребенка были найдены в сосуде типа Хоринути периода позднего Дзёмон; по сравнению с другой керамикой из данной раковинной кучи со- суд отличался своей массивностью.

При раскопках къёккенмёдинга Йосиго был отмечен интересный факт — правда, пока неясно, является ли он закономерностью. Захоронения (кувшинные и обычные) в этом къёккенмёдинге были сосредоточены в центре, а не по его краям. Похоже, это опровергает общепринятую точку зрения, согласно которой кладбища возникали рядом с раковинными кучами. Кроме того, ко времени позднего Дзёмон кладбища были компактными, могилы делали почти вплотную одна к другой. Захоронения в Йосиго относятся главным образом к одному пе-

риоду, однако совершенно очевидно, что после похорон умершего о его могиле сразу же забывали. Это подтверждает находка в Убаяме, где ямка для жерди в полуzemлянке оказалась буквально в нескольких миллиметрах от черепа, а одна из костей ноги скелета проткнута жердью. Вероятно, этим же следует объяснять и похороны человека в согнутом положении прямо над могилой человека, погребенного лежащим в горизонтальном положении, — эта находка сделана в Цугумо.

Вопрос о захоронениях возникает вновь в связи с каменными кругами в северной части Японии. Последние раскопки помогли выявить несколько новых кругов и получить больше информации об уже известных. На настоящий момент в Токио и на острове Хоккайдо открыто более 30 каменных кругов. Кроме того, по словам нынешних местных жителей, многие круги были разрушены уже на их памяти — это, без сомнения, означает, что на самом деле каменных кругов было во много раз больше 30. Каменные круги, встречающиеся в комплексе с керамикой, датируются главным образом поздним Дзёмон — основным периодом их создания, однако некоторые, похоже, относятся к самому позднему Дзёмон. Достоверная датировка многих каменных кругов невозможна, так как они находятся вне археологических комплексов. Тем не менее, исходя из наличия сходных характеристик, принято считать, что в основном они относятся к периоду неолита. По мнению исследователей, в данных археологических памятниках нашли отражение идеи и взгляды людей эпохи Дзёмон.

Подавляющее большинство этих кругов, особенно на острове Хоккайдо, состоит из камней высотой, как правило, не превышающей один метр, ко-

торые установлены по окружности. Чаще всего это природный необработанный камень. Диаметр круга может быть самым разным; некоторые каменные круги имеют овальную форму — в таких случаях овалы могут быть ориентированы в самых разных направлениях. В своем исследовании К. Комай стремился продемонстрировать, что какие-то из кругов фактически являлись кладбищами. С его точки зрения, многочисленные мелкие камни часто выкладывались по границе этого археологического памятника. Однако человеческих останков там обнаружено не было — правда учитывая то, что почва этих мест насыщена влагой как губка водой, ничего удивительного в этом нет. Некоторые круги не дают никаких подсказок, по которым можно было бы определить их предназначение и роль, которую они играли в жизни древних людей. Тем не менее, есть группа кругов — подробнее мы поговорим о ней ниже, — которая, как складывается впечатление, свидетельствует о том, что для древнего человека они были объектом поклонения камню и солнцу.

К этой группе каменных кругов среди всех прочих относятся так называемые «конструкции в форме солнечных часов». Использование этого термина обусловлено тем, что он имеет описательный характер. Лучше всего такие конструкции сохранились в Ою, префектура Акита. Кроме того, они есть в Содено, префектура Акита, в Кабаяме, префектура Ивате, и в нескольких других местах (карта 2).

В Ою находятся самые крупные и отличающиеся рядом характерных особенностей каменные круги. Эти особенности можно толковать по-разному. Две группы концентрических каменных окружностей расположены на расстоянии примерно 75 мет-

Карта 2. Каменные круги и другие крупные археологические памятники северной части о. Хонсю

ров друг от друга на равнине неподалеку от реки Ою. Круги выложены из тысяч камней, принесенных в это место с реки. В южной группе, получившей название Нонакадо, диаметр внешнего круга составляет более 4 метров, а внутреннего — около одного метра. В другой группе, называющейся Мандза, диаметр внешнего круга более 5 метров, а внутреннего — чуть меньше 1,5 метра. Часто внутри внешнего круга встречаются выложенные камнями прямоугольники, напоминающие контур могилы (фото 31). В ходе раскопок было обнаружено почти 50 таких прямоугольников; большая часть беспорядочно разбросанных повсюду камней, вероятно, раньше была выложена по контуру других могил. Несколько прямоугольников было раскопано, под ними оказались ямки. Хотя достоверные доказательства того, что они использовались в качестве могил, отсутствуют, такой вариант не кажется чем-то нереальным. Кроме прямоугольников, внутри кругов также находятся конструкции в форме солнечных часов, похожие на спицы и обод колеса. Они состоят из уложенных по радиусу длинных речных камней, а в центре установлен высокий менгир.

Самые необычные конструкции в форме солнечных часов расположены в Нонакадо и Мандзе: они обе занимают одинаковое положение по отношению к двум концентрическим окружностям из камней; между двумя кругами к северо-западу от центра в обоих археологических памятниках находятся свои солнечные часы. На зрителя большее впечатление производит конструкция в Мандзе. Сходство положения этих двух конструкций (по компасу разница между ними составляет всего 6 градусов) едва ли случайно. Нет сомнения, что данные сооружения предназначены для поклонения солнцу,

причем самое важное значение имеют не солнечные часы как таковые, а большие концентрические окружности и фиксированное положение каждого солнечных часов.

Самые древние хроники японского народа — «Кодзики» и «Нихон Сёки», записанные в VIII веке, свидетельствуют о том, что поклонение богине Солнца — это очень древний культ. Вероятно, он восходит ко 2-му тысячелетию до нашей эры. Хотя мотивы, лежащие в основе этого обычая, не всегда понятны, действительно складывается впечатление, что эта практика существовала еще до появления в Японии культуры Ямато, вокруг представителей которой развиваются описываемые в хрониках события. Поклонение духам камней, особенно камней необычных форм, — это тоже очень древний обычай; не вызывает сомнения, что и он имеет непосредственное отношение к конструкциям Ою. На память приходят мифы об Идзанаки и Идзанами. Этим двум богам приписывается основная роль в появлении страны на островах — они создали восемь островов, и, хотя их первая попытка оказалась неудачной, в итоге они все же населили их богами. На одном из островов недалеко от нынешней Осаки, выбранном из числа прочих благодаря тому, что он находится в центре страны, был установлен Столб Неба, у которого проводились обряды бракосочетания. В соответствии с ритуалом брачующиеся должны были обойти его — в этом случае брак должен был быть удачным.

От этой пары богов произошла и богиня Солнца, чьи потомки сначала поселились в южной части Японии, а затем перебрались на равнину Ямато — туда, где находятся нынешние префектуры Осака и Нара. Хотя сам по себе миф о Солнце лишен глу-

Рис. 16. Вскрытая археологами яма от полуземлянки в Йосукеоне, префектура Нагано

бокого философского смысла, идеи, связанные с его происхождением, и исторические события, на которые он оказал влияние, в конце концов приобрели такую важность, что в VIII веке этот миф был записан. Следует еще раз отметить, что все ритуалы, связанные с культом Солнца, уходят корнями в глубокую древность.

Кроме того, говоря о связи между поклонением камням и культом фаллоса, стоит напомнить об устанавливавшихся вертикально каменных дубинках периода среднего Дзёмон (о них мы рассказывали выше). К этому же периоду относятся и столбы в группе домов в Йосукеоне, префектура Нагано (рис. 16). Там в северо-западном углу каждой из полуземлянок было сделано каменное возвышение,

на котором был вертикально установлен узкий камень. Вокруг таких камней в беспорядке валялось множество разных предметов: каменные дубинки, глиняные фигурки и черепки от керамических сосудов. Совершенно очевидно, что возвышение и столбы — это семейный алтарь или молельня; в этом сооружении объединены идеи поклонения камням и даруемой их богами защиты при продолжении рода.

ЧЕЛОВЕК НЕОЛИТА

Первые попытки определить, что собой представлял доисторический человек, неизбежно заканчивались выводом о том, что он был айном. Несомненно, на этот вывод большое влияние оказывали знания о жизни современных айнов, которые в своем развитии недалеко ушли от доисторических предков. В настоящее время у айнов, насчитывающих примерно 14 тысяч человек и живущих главным образом в деревенских общинах на острове Хоккайдо, быстрыми темпами идет процесс ассимиляции; благодаря бракам с японцами этот народ теряет свои отличительные черты. Ускорению процесса ассимиляции способствует также осуществление программы развития Хоккайдо, и если он будет продолжаться, то через два-три поколения айнов будет невозможно отличить от японцев. Пока они по-прежнему сохраняют свои уникальные обычай и традиции, хотя в некоторых местах их используют главным образом для привлечения туристов: это медвежьи праздники, народные танцы, архитектурные сооружения из тростника, национальные костюмы, резьба по дереву и прочее (фото 32). Там, где туристический бизнес развит лучше, посетителей принимают в прими-

тивных хижинах, где им показывают изделия местных художественных промыслов и полученные в обмен на них произведения японских мастеров; у жилищ стоят клетки с медведями, *инао* из очищенной от коры ивы и ряды шестов с черепами животных. А сами старые айны и их семьи живут поблизости в современных домах.

В физическом типе айнов преобладает характерная для белой расы мезоцефалия в сочетании с монголоидными чертами — вероятно, этот тип сформировался, когда пути айнов пересеклись с путями японцев. Не вызывает сомнения, что это очень древний народ, однако попытки проследить его происхождение дальше чем на триста лет успехом не увенчались: дело в том, что именно такую давность имеют все обнаруженные остатки материальной культуры, о которых можно с полной определенностью сказать, что они принадлежали айнам. Такое положение вещей прибавляет уверенности тем, кто не согласен с ранее существовавшей теорией о том, что человек эпохи Дзёмон был айном. Более того, отчасти под влиянием усилившимся во время войны националистических настроений, возобладала другая крайняя точка зрения — хотя многие и не воспринимают ее серьезно, — что человек Дзёмон был японцем. Тем не менее, в настоящее время существует теория, что айны попали на Японские острова довольно поздно и пришли туда, возможно, с севера, в то время как японцы продвигались с юга. В этом случае по времени их приход совпал с «вторжением» культуры Яёй. Некоторые ученые называли людей эпохи Дзёмонprotoайнами.

Исследования топонимов показали, что на севере острова Хонсю и на острове Хоккайдо достаточно большое число географических названий имеет явно

айнское происхождение; дальше на юг тоже есть такие названия — это может объясняться тем, что в каких-то из этих мест айны жили постоянно, а какие-то получили такие имена в результате заимствования. Известно, что айны жили в Тохоку в течение многих столетий и на протяжении долгого времени успешно обороныли свои земли от армий японцев — это подтверждают хроники эпохи Токугава. Многие факты говорят в пользу выводов К. Киндайти о том, что варварские племена эмити, которым в ранней литературе периода перехода к буддизму даются различные характеристики, фактически были племенами айнов. Этот народ, живший в VIII веке, селился большими группами и, как говорится в хрониках, строил на севере Японии укрепленные поселения. На севере Хонсю и в Тюгоку сохранились географические названия, данные этим народом.

Тем не менее, люди Дзёмон отличались от нынешних айнов. Облик доисторического айна сейчас едва ли можно восстановить. Современные белокожие айны по сравнению с японцами имеют более ярко выраженные расовые особенности, однако они обладают и некоторыми чертами смешанного типа. И если предположить, что японцы действительно произошли отprotoайнов, то тогда в составе населения Дзёмон вполне могла быть группа, характерные особенности которой со временем усилились настолько, что в результате она дала начало новому народу — айнам. В конце концов, у айнов на это было четыре тысячелетия или даже больше.

Прежде чем кратко остановиться на характеристике места, которое человек эпохи Дзёмон занимал в эволюции физических типов населения Японии, наверное, следует назвать определенные проблемы, затруднившие процесс достижения удовлетвори-

тельных результатов. Большая часть останков людей Дзёмон была обнаружена в ходе раскопок, проводившихся в 20-х годах XX века — в то время, когда система хронологизации периода неолита полностью еще не сложилась и когда различали лишь эпохи Дзёмон и Яёй. После того как был проведен тщательный анализ системы датировки, она стала больше соответствовать действительности, однако полностью все спорные моменты устраниить не удалось. Примером тому была датировка останков из Ко. Проблема датировки осложняется отсутствием костных останков из всех регионов страны, соответствующих каждому без исключений периоду. Кроме того, при проведении сравнения останков древнего человека с современным человеком, живущим в том же регионе, где были найдены останки, не удалось учесть миграции населения, происходящие вплоть до настоящего времени. Из сотен останков людей эпохи Дзёмон целых скелетов сохранилось очень мало, а статистические данные о телосложении — что имеет особую важность — далеко не всегда бывают отражены в отчетах.

Больше всего костных останков было обнаружено в раковинных кучах Ота (69), префектура Хиросима, Цугумо (166), префектура Окаяма, Йосиго (332), префектура Осака, и Камеяма (26), префектура Айти, а также при раскопках в Ко (74), префектура Осака. В других археологических памятниках — в основном это к्यёккемёдинги — тоже были найдены останки людей Дзёмон, однако, поскольку их там было немного, они не подвергались тщательному исследованию с целью выделения их в отдельные типы. Такие находки были сделаны в к्यёккемёдинах Тодораки, Атака и Уки на севере острова Хонсю; Цубуз и Хасима в префектуре Окаяма в Тюго-

ку, а также в Камегаоке и Корекаве в префектуре Аомори в Тохоку.

Самый древний скелет доисторического человека был обнаружен в раковинной куче Хирасака в городе Йокосука. Это хорошо сохранившиеся останки человека, жившего в период самого раннего Дзёмон, когда в ходу была керамика Инаридаи. Этот взрослый человек мезоцефалического типа, рост которого составлял 161 сантиметр, был слишком высоким для тогдашних обитателей Японии.

По останкам из Ота и Ко можно понять, какими были люди раннего Дзёмон — правда, следует отметить, что речь идет только об обитателях Тюгоку и Кансая. Почти все они были представителями мезоцефалического типа, а, судя по останкам людей из Ко, люди того времени немногим отличались от нынешнего населения именно этого региона. Должно быть, эти люди являлись своего рода связующим звеном между древнейшим человеком и человеком более поздних периодов, облик которых говорил о сильном влиянии корейцев и других народов. Черепа из Ота очень похожи на черепа из Йосиго и Цугумо, но отличаются от черепа современного японца. Черепа из Камеямы (средний период эпохи Дзёмон) также относятся к мезоцефалическому типу, и они тоже очень похожи на черепа из Йосиго и Цугумо (конец эпохи Дзёмон). Рост человека из Цугумо составлял чуть более 158 сантиметров; его современник из Йосиго был значительно ниже — почти таким, каким был средний рост человека эпохи Дзёмон. Интересно сравнить эти показатели с ростом современного айна — примерно 159 сантиметров, и современного японца (если вообще можно говорить о таком понятии, как средний японец) — примерно 165 сантиметров.

Эволюция физических типов не лишена логики. Й. Имамура и Д. Икеда считают, что между физическими типами современных японцев на острове Кюсю, в Тюгоку и Кансае и доисторических жителей Японии существует определенное сходство. По мнению этих исследователей, ближе всего к современному человеку находится доисторический человек из Ота, а дальше всего — человек из Цугумо.

В человеке эпохи Дзёмон монголоидные черты были выражены очень слабо; позже, во времена больших миграций эпохи Яёй, они проявились сильнее и со временем стали единой определяющей характеристикой японского народа. Однако эта общая для всех характеристика включает в себя большое количество различных типов внешности: продолговатые лица и круглые, северный и южный типы, темная кожа и светлая, тип городского жителя и тип сельского — некоторые из этих типов сознательно культивировались на протяжении последних веков. Однако порой случается такое сочетание этих характеристик, что сразу же возникает вопрос: можно ли утверждать, что все японцы принадлежат к одной расе? Ведь и облик доисторических жителей Японских островов не был единообразным. Существенные различия во внешности наблюдались уже у доисторических людей — это объяснялось смешиванием коренного населения островов с прибывающими в ходе миграции с континента, причем к тому моменту в мигрантах уже было намешано немало кровей. Таким образом, и доисторические люди не были единой расой.

Глава 3

ВЕК БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА

В китайских хрониках династии Хань упоминается «страна ста царств» — хотя в количестве царств, возможно, есть некоторое преувеличение. В более поздних по времени хрониках «Вэй Ци» приводятся названия этих царств. Их точное местонахождение, скорее всего, не совсем соответствует действительности, однако, согласно этому источнику, в числе самых важных регионов того времени были: Ну (На), который, вероятно, находился неподалеку от современной Накаты; Иту (Ито) — местность, протянувшаяся до Карацу; Пуми (Фуми) около Иидзуки. Все они расположены на севере острова Кюсю — там, где Японские острова ближе всего подходят к континенту. Археологические находки, относящиеся к эпохе Яёй и к последующим периодам, не дают практически никакой информации относительно территориального деления этих царств, но характер артефактов в целом и уровень специализации, необходимый для производства каждого их вида, свидетельствуют о наличии классового общества. В эпоху Яёй правящие classes контролировали ремесленников-кузнецов и продажу изделий из металла; производство гончарных изделий в большинстве мест было поставлено на коммерческую основу, а выращивание риса требовало наличия класса крестьян и, возможно, дру-

гих работников, занимавшихся его продажей или обменом. Железо всегда оставалось металлом простонародья; бронза вскоре после проникновения с континента ее новой разновидности стала использоваться для церемониальных целей, в том числе и религиозного характера.

Состав общества к этому времени значительно изменился и расширился; его основой были иммигранты, из них же, вероятно, состояла и сго верхушка. Иммиграцию ничто не сдерживало, и относительно быстрая и повсеместная монголоидизация юга Японии свидетельствует о том, что число переселенцев было весьма значительным. Во многих существовавшие еще в эпоху Дзёмон поселения проникла новая культура; тем не менее, несколько регионов, к числу которых относятся юго-восток острова Кюсю и север острова Хонсю, где, как отмечается в хрониках, по-прежнему жили первобытные народы, удивительно долго не принимали чужеземных обычаяв и традиций. Кроме того, судя по немногочисленным къёккенмёдингам эпохи Яёй, в отдельных регионах, в которых еще какое-то время отдавали предпочтение традиционным способам добывания пищи, постепенно переходили на новые методы — в частности, занялись выращиванием риса. Прекрасный пример этого — Нисигата, префектура Айти.

В начале III столетия до нашей эры, когда еще достаточно сильно ощущалось влияние культуры эпохи Дзёмон, ей на смену постепенно начала приходить культура эпохи Яёй. Следует отметить, что своим существованием культура Яёй обязана влиянию культуры азиатского континента. Собственно говоря, керамика, орудия труда, погребальные обычаи и другие характерные особенности раннего пе-

риода эпохи Яёй довольно трудно отличить от артефактов и прочего эпохи Дзёмон, которые к началу Яёй начали приходить в негодность. Мощная экспансия династии Хань ускорила процесс смены одной культуры другой, а с появлением гончарного круга и началом местного производства бронзы в среднем Яёй уклад жизни всей западной части страны претерпел полную трансформацию; сельским хозяйством там стали заниматься по образцу существовавшего на континенте. Распространение керамики Яёй на равнине Ямато в Кансае и на равнине Канто по времени совпадает со все большим привыканием населения к рису как к основной составляющей рациона питания. Прогресс шел от века к веку (хотя, возможно оглядываясь назад, его нельзя назвать очень значительным), продвигаясь от острова Кюсю к Тюгоку и затем к Кансаю, до которого он добрался примерно к 200 году до нашей эры. Еще через сто лет новые веяния захватили Токай, юг префектуры Айти и Сидзуока, а еще через одно столетие, прямо к началу нашей эры — и равнину Канто. В итоге где-то к 100 году до нашей эры они добрались и до средней части Тохоку.

По мере того как влияние континента усиливалось, новая культура все прочнее закреплялась в Японии. В конце концов это привело к тому, что к середине III столетия нашей эры центр культуры эпохи Яёй переместился с острова Кюсю на равнину Ямато, где и оставался более полутора тысячелетий. Средний Яёй охватывает последнее столетие до нашей эры и I столетие нашей эры. Без сомнения, это период самых активных контактов Японии с континентом. В ходе этих контактов некоторым местным правителям присылали с континента различные дары, об отдельных из них даже сохрани-

лись упоминания в хрониках. В захоронениях знати находят зеркала, монеты, оружие, браслеты и бусы — это свидетельствует о том, что богатство сосредоточивалось в руках ограниченной группы людей. Вероятно, значительная часть этих вещей попала в Японию из колонии Лоланг в Корее, где китайские товары были представлены очень широко. Их корейские копии, в свою очередь, служили образцами для изготовления аналогов этих товаров в Японии.

Правление императора Ван Ман (9—23 гг. до н. э.). характеризовалось постоянной миграцией населения, что нашло отражение в артефактах того времени. Монеты Хучжуюань были отчеканены в 14 году нашей эры, хотя они, конечно, использовались и после окончания правления этого императора (рис. 17). Кроме Маньчжурии и собственно Китая, они были найдены в четырех местах в Японии: в Хараноцудзи на острове Ики; в Мацубаре, префектура Фукуока, на острове Кюсю; в Хакоисихаме в префектуре Киото и в Уривари, префектура Осака. Широкая география распространения таких изделий говорит о том, как далеко проникали товары с континента на территорию страны. Находившиеся в археологическом комплексе с ними предметы (в Мацубаре это каменный наконечник копья и шлак от выплавки железа, а в Хакоисихаме — каменные, бронзовые и железные наконечники копий) говорят о том, что в данный период в ходу были одновременно и бронза и железо.

Золотая печать, возможно чересчур сильно похожая на настоящую, потому что она слишком точно

貨泉

Рис. 17. Монета Хучжуюань из Хакоисихамы, префектура Киото

Рис. 18. Золотая печать с острова Сига, префектура Фукуока, ширина 2,5 см

соответствует всем известным параметрам таких изделий, как говорят, была обнаружена в 1784 году на острове Сига в префектуре Фукуока (рис. 18). Верх печати сделан в форме змеи, голова которой повернута назад, а тело украшено вдавленными отметинами — все это ни в коей мере не противоречит стилю китайской династии Хань. На печати есть надпись, которую можно перевести следующим образом: «(от) императора Хань царю Ну». Поскольку в «Книге поздней Хань» упоминается подобный по-

дарок императора Гуан У, сделанный им в 57 году нашей эры, то печать из Сигасими, возможно, является подлинной. Об обстоятельствах ее обнаружения ничего неизвестно, остается удовлетвориться тем, что она, по крайней мере, символизирует то время.

Самая большая группа первых привозившихся в Японию зеркал принадлежит к так называемому типу TLV, который приобрел наибольшую популярность в начале I столетия нашей эры. Лишь немногие из них датированы, а после 125 года нашей эры зеркала династии Хань фактически перестали привозить в Японию. Возобновление импорта в периоды Троецарствия и Шести династий подтверждается тем фактом, что среди нескольких сотен китайских зеркал, обнаруженных в захоронениях на территории Японии, есть зеркала с датами, относящимися как к государству Вэй (220—80 гг. н. э.), так и к государству У (222—80 гг. н. э.).

Зеркала китайского производства, а также зеркала, изготовленные по их образцу, наглядно показы-

вают, насколько сильным было влияние китайской культуры в различные этапы истории; изделия династии Хань находят почти исключительно в префектурах Сага, Фукуока и Нагасака на севере острова Кюсю — то есть в тех местах, где влияние китайской культуры почувствовалось в первую очередь. Эти зеркала чаще всего встречаются в захоронениях вместе с бронзовым оружием явно китайского производства. Зеркало было не только символом богатства и высокого общественного положения, его также наделяли и магической силой — в результате раскопок и тщательного исследования могильников на территории Японии эта гипотеза получила более солидное подтверждение, чем при аналогичных раскопках на родине зеркал в Китае. В Японии зеркало имело и дополнительное значение — его считали воплощением солнечного диска, который в конечном итоге являлся олицетворением императорской власти.

В то время как благодаря притоку иностранных товаров коренное население Японских островов начало понимать потенциальную ценность предметов из металла, а позиции правящей верхушки, состоявшей в значительной степени из иммигрантов, укреплялись, все более очевидным становился недостаток сырья. Отчасти он компенсировался изготовлением каменных копий заморского оружия из металла. Временами отход от образца был весьма значительным; тем не менее, даже в этом оружии чувствовалось влияние сделанного в Корее — к такому выводу приходишь при анализе находок в южной части Корейского полуострова. На острове Кюсю примерно в десяти местах были обнаружены изделия, аналогичные корейским. Иногда их относят к энеолиту. Ножи из камня были найдены

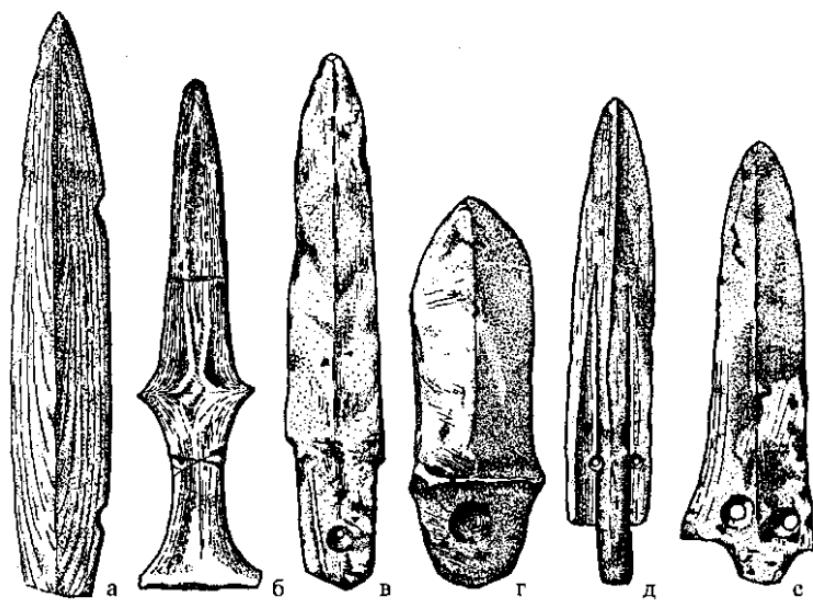

Рис. 19. Каменные мечи и кинжалы эпохи Яёй: а — Мунаката, префектура Фукуока, длина 37 см; б — Кавамия, префектура Фукуока; в — Я마다, префектура Осака; г — место обнаружения неизвестно; д — Нисинакасудзи, префектура Киото, длина около 22 см; е — Итода, префектура Фукуока, длина 16 см

даже в Сендае, префектура Мияги, и в Катамати, префектура Ниигата. Обстоятельства обнаружения этих предметов в столь отдаленных местах вызвали ряд вопросов, однако каменные ножи периода могильных курганов часто очень сложно отличить от ножей эпохи Яёй. Кроме того, наличие единичного предмета, совершенно не вписывающегося в конкретный археологический контекст, в очередной раз напоминает нам о наличии процесса перемещения одиночных предметов, к чему каждый археолог должен быть готов.

Кинжал с фигурной рукоятью очень напоминает корейский; несколько таких изделий было обнаружено на острове Цусима (рис. 19, б). Данный кин-

жал принадлежит к типу наиболее близких по внешнему виду к тем, что изготавливались на Корейском полуострове. Бронзовые заостренные на конце наконечники копья и алебарды, оба с парой проушин для их закрепления, — это близкие копии заморских изделий, а вот наконечник копья, найденный в Киото, все же довольно далек от своих прототипов (рис. 19, *d, e*). В целом каменные кинжалы не являются точными копиями известного нам бронзовового оружия тех времен, поэтому существует возможность того, что некоторые из таких изделий скопированы с железных кинжалов. В частности, это может относиться к более простым изделиям данного типа. Еще большая вероятность того, что по образцу железных кинжалов были изготовлены наконечники копий и алебард с одной проушиной (рис. 19, *в, г*). Вероятно, в основном это оружие было сделано до появления массового производства бронзового оружия в Японии.

РИСОВОДСТВО И СЕЛЬСКИЕ ОБЩИНЫ

Отпечатки от зерен риса на керамических сосудах раннего Яёй подтверждают, что уже в самые ранние периоды этой эпохи экономика страны постепенно начала приобретать новые черты, становясь все более похожей на континентальную. Свидетельства того, что дикий рис был известен в эпоху Дзёмон, отсутствуют. В поселении Итадзуке, префектура Фукуока, которое является хорошим примером поселения переходного периода от эпохи Дзёмон к эпохе Яёй и исследование которого помогает ученым понять, как осуществлялся этот переход, в культурном слое Дзёмон никаких при-

знаков риса найти не удалось, а в культурном слое Яёй остатки рисовых зерен были найдены. Во всех крупных поселениях эпохи Яёй обнаружены остатки рисовой соломы, шелухи или отпечатки рисовых зерен. Как правило, эти окаменевшие остатки или зерна находят внутри, на дне сосудов, или снаружи, на их основаниях. Такие находки были сделаны в Уривари, Нисисиге, Уриго, Торо, Карако и нескольких других местах. Раскопки Торо дали археологам новую информацию о плане поселения, устройстве жилищ и амбаров, расположении полей и орудиях труда, которыми пользовались при обработке земли, и о том, какую утварь использовали в хозяйстве.

Похоже, что в тот период существовали по крайней мере два сорта риса, хотя отличия между ними были минимальные. Один был распространен на севере, а другой — на юге префектуры Фукуока. Рис попал в Японию из восточных районов Китая — местности, расположенной между реками Желтая и Янцзы. Во всяком случае, выращивавшийся тогда в Японии рис находится в самом близком родстве с рисом из тех мест.

Еще одним подтверждением факта, что общество того времени было аграрным, служит обычный женский нож-жатка, каких встречается немало в каждом раскопе (рис. 20). Каменные жатки были разных размеров: самые большие имели длину 30,5 сантиметра, никаких отверстий в них обычно не делали. Наиболее распространенными были жатки длиной до 15 сантиметров с двумя отверстиями. Чаще всего они представляют собой кусок грубо обработанного камня. В Корее и на острове Кюсю предпочтение отдавали жаткам с выпуклым или прямым режущим краем, а в Кансае достаточно часто попадаются жатки с во-

Рис. 20. Каменные жатки для риса эпохи Яёй: а — Фукуока, префектура Фукуока; б — Окава, префектура Фукуока, длина около 12,5 см; в — Иидзука, префектура Фукуока; г — Синдзава, префектура Нара

гнутым режущим краем, иногда с тремя отверстиями (рис. 20, г). В отверстия продевались веревки, которые в ходе работы можно было завязать вокруг руки. Существовали и железные жатки, однако их сохранилось очень мало.

В связи с подготовкой стройплощадки для возведения общественного здания в 1936 году начались раскопки Карако — занимающего большую площадь археологического памятника около деревни Кавахигаси в княжестве Сики, префектура Нара. Оно находится в одной из самых низких точек равнины Ямато — судя по всему, в дельте древней реки Хатсусэ, которая впадала в одно из озер, расположенных в центре равнины. В донных отложениях сохранились деревянные сельскохозяйственные орудия, лари, корзины, сети для подвешивания сосудов и буквально сотни глиняных сосудов, часто попадающихся целыми группами, как будто бы их специально так ставили (фото 36, 40). Археологи нашли остатки примитивных колодцев шахтного типа и стволы деревьев, выдолбленные изнутри. Последние были вкопаны в землю — очевидно, они тоже служили своеобразными колодцами для воды (фото 37). Поселение Карако датируется периодом раннего или среднего Яёй.

Поселение Торо, находящееся на побережье к югу от города Сидзуока, было обнаружено в 1943 году случайно, когда началось строительство завода по

производству пропеллеров для самолетов. Община Торо процветала в период среднего и позднего Яёй. В ходе раскопок было найдено 11 жилищ, приподнятых над землей на столбах, и два амбара (фото 35). Возможно, произошло наводнение и деревня была залита водой, что вынудило жителей покинуть ее. Только благодаря этому деревянные постройки и изделия сохранились настолько хорошо. В течение многих веков местные крестьяне обрабатывали поля и даже не подозревали, что под ними скрывается древнее поселение. Дома Торо расположены к северо-западу от полей на небольшой возвышенности неподалеку от лесного массива, который, в свою очередь, поднимается еще выше в горы — именно там люди эпохи Яёй добывали древесину для строительства домов и изготовления хозяйственной утвари. Дома возводились над ямой выше поверхности земли; чтобы край ямы не осыпался, его укрепляли деревянными кольями. Жилища имели овальную форму, из них большинство ориентировано на юг, в направлении рисовых полей. Реконструированное жилище, хотя и построено не над ямой, имеет четыре массивных опорных столба, на которых сверху положены тяжелые балки (фото 34). На балки опирается множество тонких шестов; стены сделаны из толстого слоя соломы. Сверху над крышей сделана надстройка особой конструкции, известная и в наши дни, которая одновременно выполняет функции и вентиляционного отверстия, и экрана для защиты от солнца. Над дверным проемом имеется небольшой козырек. Жилища эпохи Яёй обычно круглые или продолговатые, размером примерно 7×6 метров (рис. 3, в). Часто в одном из концов дома установлены по два отдельно стоящих шеста, которые поддерживают центральную балку. Такие же столбы

использовались и при строительства амбаров — например, подобных изображенному на бронзовом колокольчике, найденном якобы в Кагаве на острове Сикоку. Сейчас его можно увидеть в храме Исэ (фото 52). Амбары возводили на восьми столбах высотой примерно 170 сантиметров каждый; попасть в них можно было по бревну, выполнявшему функции лестницы; от грызунов амбары были защищены специальными ловушками (фото 106). Стены амбаров были деревянными; крышу покрывали толстым слоем соломы или тростника; по сравнению с венчающим карниз коньковым бруском свес крыши делали короче. На обнаруженном в Карако черепке от сосуда изображены два человека, забирающиеся по лестнице в сооружение именно такого типа.

Амбары находились на некотором отдалении от жилищ, ближе к рисовым полям. В Торо были найдены 33 таких поля, отделенные друг от друга тропинками, для прочности в землю по бокам тропинок вбивали заостренные с одного конца деревянные столбики длиной около метра; в отдельных местах они установлены вплотную (фото 38). За тем, чтобы на полях все время стояла вода, следили внимательно и постоянно, хотя не вызывает сомнения, что в условиях низменности особых сложностей это не вызывало. Девять полей в Торо имели средний размер — их площадь составляла 1200 квадратных метров. Самым большим было поле площадью 2400 квадратных метров, а самым маленьким — площадью около 404 квадратных метров.

Что касается артефактов, то в Торо обнаружили главным образом деревянные предметы — от частей лодок-долбленок до остатков ткацких станков. В числе сельскохозяйственных орудий были найдены лопаты, грабли и мотыги (рис. 21, *г, д, ж*). Вероятно,

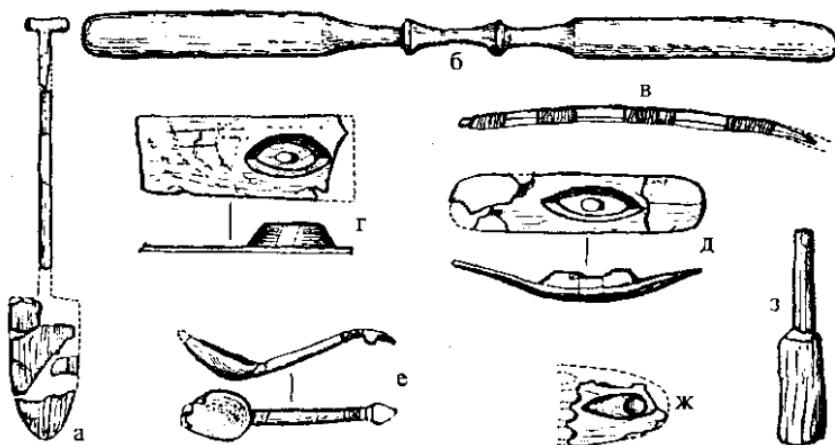

Рис. 21. Артефакты из дерева эпохи Яёй из Торо, префектура Сидзуока. Длина лопаты 100 см, остальные предметы даны в том же масштабе

когда-то их рабочие части были обиты железом — конечно, если это позволяли экономические условия данной общины. Археологи нашли огромные, похожие на ласты деревянные сабо для передвижения по залитым водой полям, которые по размеру лишь немного не дотягивали до снегоступов, а также пестики. Длина самого большого пестика для дробления рисовых зерен вне жилища составляет около 130 сантиметров (рис. 21, б). Под стать этому пестику и большие деревянные ступы, по форме они абсолютно идентичны ступе, изображенной на бронзовом колокольчике (фото 52). Рис варили в специальных пароварках. В обиходе были и другие изделия из дерева: небольшие пестики, ложки, черпаки, палочки для разведения огня, а также разнообразные чашки и плошки (рис. 22). Как видно на рисунке, формы сосудов были самыми разнообразными, однако большинство из них украсено волнообразным узором — самым популярным мотивом периода среднего Яёй. Плошки делали про-

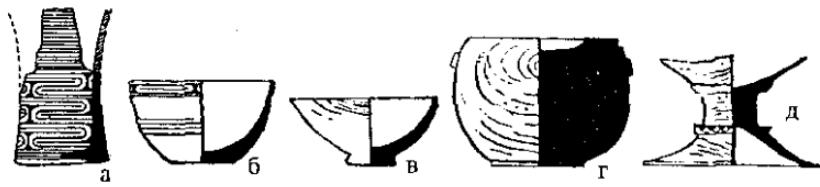

Рис. 22. Деревянные сосуды эпохи Яёй из Торо, префектура Сидзуока. Высота сосуда g 12,5 см, остальные предметы даны в том же масштабе

стые, на ножке, а иногда они состояли из нескольких частей и по форме напоминали кубки. Один из найденных сосудов этого типа — монолит со слегка вогнутой верхней частью; создается впечатление, что это не до конца обработанная заготовка, но, скорее всего, это была подставка для светильника. Многие плошки с ножкой и такие «подставки» сделаны из дерева, иногда на них краской нанесены узоры. Похоже, что в те времена подставки для светильников пользовались большим спросом.

Мы рассказали о живших в долинах общинах, занимавшихся выращиванием риса. Может сложиться впечатление, что рис в первые века его культивирования выращивали только в долинах, как в наиболее удобных для этого местах, однако это не так. Судя по всему, рисоводством занимались и жители гор. Возможно, они не могли переселиться на более подходящие для этого занятия земли из-за того, что те уже были заняты их проявившими большую активность собратьями, или же из-за того, что просто не хотели приспособливаться к новым методам ведения хозяйства. Обнаружен целый ряд поселений, практиковавших выращивание риса в далеко не самых удобных для этого условиях. Наиболее известной из таких общин было поселение Теннодзай, в настоящее время находящееся на территории города Сираакава, префектура

Фукусима, которое было расположено достаточно далеко от побережья в невысоких горах. Там найдено много керамики эпохи Яёй и зерна риса, которые однозначно указывают на то, что рис входил в рацион членов этой общины. Можно также сделать вывод о том, что рис стал предметом торговли, однако в отдаленных и труднодоступных районах обменять его на какие-то другие товары было очень сложно. Несмотря на это, не вызывает сомнения, что в его отсутствие жители гор, как и раньше, всегда могли воспользоваться практически неиссякаемыми запасами дикорастущих даров природы: орехов, ягод и фруктов. Кроме того, они могли охотиться на диких зверей и птиц.

Люди эпохи Яёй по-прежнему пользовались большими грубо обработанными каменными орудиями труда (рис. 23, *д*). Такие изделия более или менее прямоугольной формы находят во многих древних поселениях. Однако к этому времени стали появляться и шлифованные, а иногда даже тщательно отполированные небольшие топоры. Существует три основных вида топоров, особо примечательны два из них: с тонким лезвием, на одной стороне которого сделана широкая выемка, и топоры с зарубкой. Последний из упомянутых вид топоров и узкое долото с заостренным краем датируются периодом среднего Яёй (рис. 23, *а—г*). Кроме этих орудий труда, также были найдены прямые и изогнутые ножи, шила и иглы. К моменту возникновения поселения Торо появились первые приспособления для прядения: археологам довольно часто попадаются каменные диски для веретен. Кроме того, в Торо сохранились и целые челноки, а из обнаруженных деталей ткацкого станка вполне можно реконструировать и сам станок.

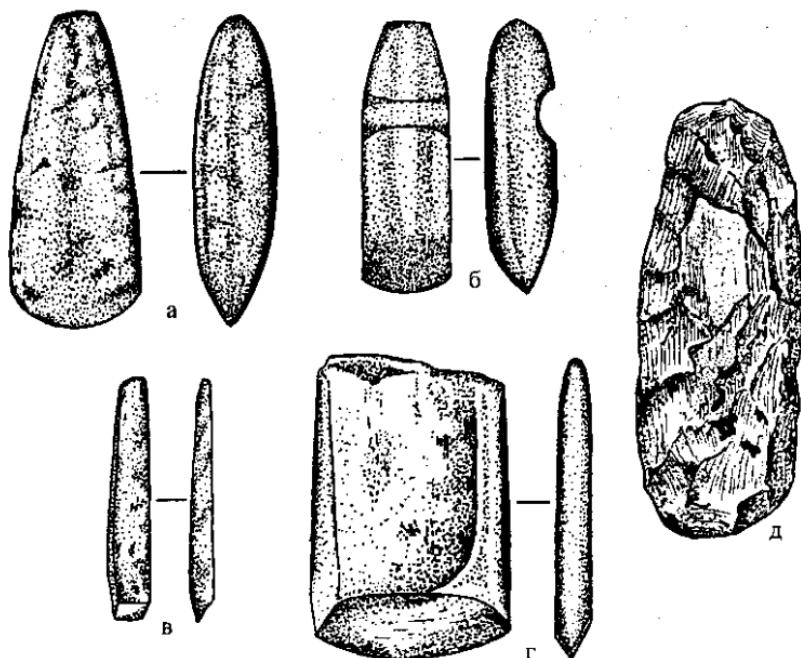

Рис. 23. Каменные топоры и долото эпохи Яёй: а — Ядзимаморен, префектура Фукуока; б — Ямамото, префектура Фукуока; в — место обнаружения неизвестно; г — Саикава, префектура Фукуока; д — Фукуока, префектура Фукуока. Длина топора ϑ 22,5 см, остальные предметы даны в том же масштабе

Длина найденного в Торо лука составляет 58 сантиметров; он, как и луки эпохи Дзёмон, был сделан из узких деревянных пластин, связанных между собой корой. Наконечники стрел делали из железа, бронзы, кости или камня. Следует заметить, что железные наконечники встречаются реже всего. Каменные наконечники были четырех видов: наиболее многочисленными были наконечники с хвостовиком, а самыми редкими — наконечники с вогнутым основанием. Наконечники всех типов использовались постоянно.

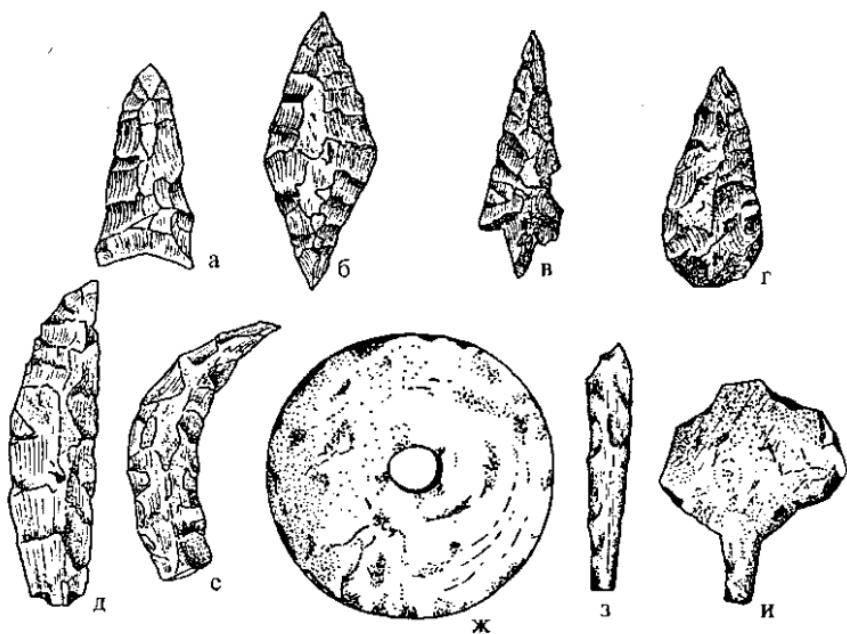

Рис. 24. Пряслице, ножи, шила и наконечники копий эпохи Яёй:
а, в—е — Карако, префектура Нара; б — о. Садо, префектура Ниигата; ж — Иидзука, префектура Фукуока, диаметр 5 см; з, и — Синезава, префектура Нара

Изображениями тех зверей и птиц, которые считались самой желанной добычей, древние жители Японских островов любили украшать керамику и бронзовые колокольчики. Конечно, в этих рисунках нашли отражение и религиозные верования людей того времени. На одном из колокольчиков изображен охотник и пять его собак, загнавших кабана; стоящий рядом с обессилевшим животным человек собирается прикончить его (фото 52). На другой картинке на том же колокольчике — охотник со стрелой в руке выслеживает оленя. На третьей — два журавля. Взглянув на третью картинку, сразу же вспоминаешь, что при раскопках поселений эпохи Яёй их кости встречаются довольно часто. Две эти птицы вновь встре-

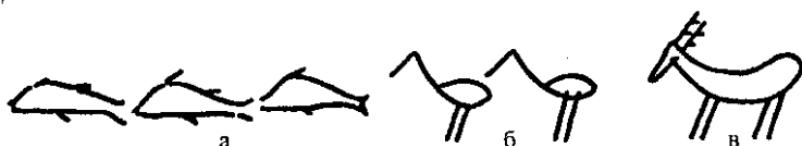

Рис. 25. Рисунки на бронзовых колокольчиках: а — Яё, префектура Осака; б, в — Накагава, префектура Сидзуока

чаются нам на колокольчике из префектуры Сидзуока (рис. 25, б, в). На остатках керамических сосудов из Карако сохранились рисунки оленей с необычно длинными шеями. Это же поселение подарило нам еще одну находку — кости коровы, правда, данная находка была единичной.

Собирание раковин моллюсков постепенно отшло на второй план, и меньшее количество раковинных куч, датируемых эпохой Яёй, говорит о произошедших изменениях в повседневной жизни и хозяйственной деятельности человека. Весьма значительный размах приобрело рыболовство — об этом можно судить по увеличившимся размерам каменных и глиняных грузил для сетей (рис. 27, е, ж, з). В къёккенмёдинге Уриго около города Тоёхаси было найдено множество рыболовных крючков из кости, раковин моллюсков и костей рыб — как морских, так и пресноводных. В Титанэ на острове Садо обнаружили остатки деревянных весел и сачков. Изображенные на одном из колокольчиков рыбы напоминают дельфинов (рис. 25, а). А на довольно плохо сохранившемся колокольчике из префектуры Фукуи был сделан целый ряд рисунков, в том числе и рисунок лодки (рис. 26). Иногда его трактуют как эпизод во время рыбной ловли, которая тре-

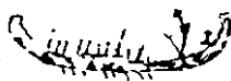

Рис. 26. Рельефное изображение лодки на бронзовом колокольчике, выполненное при отливке. Имуки, префектура Фукуи

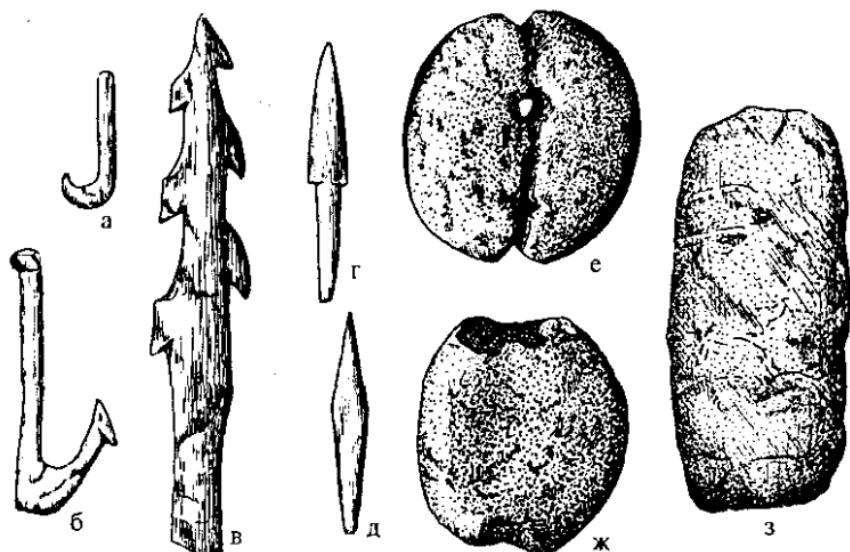

Рис. 27. Орудия для рыбной ловли периода Яёй: а, в — Кюго, префектура Айти, длина с около 8 см; б, г, д — пещера Бишамон, Миура, префектура Канагава; е, ж — Кофудзи, префектура Фукуока; з — Татеясики, префектура Фукуока, длина 6 см

бовала совместных усилий нескольких человек. Появилось, что стоящий на корме лодки человек держит в руках весло, за ним видна голова и верхняя часть тела другого человека. На обнаруженном в Карако со- суде изображены два человека (фото 59). Один из них — судя по всему, одновременно впередсмотрящий и шкипер — стоит на носу лодки, второй сидит у весел, еще три пары весел свободны. Возможно, с точки зрения художника, главным во всей этой сцене были именно весла. Но даже они даны очень схематично; рисуя слева направо, последние пары он толком не прорисовал. По всему сосуду изображены водоплавающие птицы — это напоминает о сосуде из провинции Гифу с рисунками охотящихся бакланов. Особенности художественного стиля рисунков на колокольчиках и на керамике достаточ-

но близки — это треугольники вместо головы и палочки, обозначающие тела людей.

Помимо обнаруженных в поселениях остатков дикорастущих плодов и злаков, там были найдены и остатки культурных растений: в эпоху Яёй выращивали персики, дыню сетчатую, грецкий орех, каштан и сою.

О том, что в это время люди достаточно активно занимались ткачеством, свидетельствуют не только найденные в Торо фрагменты ткацких станков, но и остатки ткани, сохранившиеся в кувшинных захоронениях. В Сугу в ткань было завернуто зеркало, еще один образец ткани лежал в керамическом сосуде в деревне Миаи, префектура Сага. В кёккемёдинге Нисисига, префектура Айти, на основании одного из сосудов остались четкие отпечатки ткани, похоже сотканной из волокон конопли. А в Нодзаве, префектура Тотиги, судя по дошедшим до нас отпечаткам ткани, древние мастера, вероятно, использовали волокна дикорастущей китайской крапивы рами. Не исключено, что из нее же была сделана и ткань в Нисисиге. В обоих случаях нити основы и уток переплетены S-образно; на одном сантиметре соотношение между ними варьируется от 7 к 11 в Нодзаве до 10 к 24, 8 к 16, 7 к 14 и 7 к 13 на отпечатках в Нисисиге. Совершенствование методов ткачества произошло примерно в период среднего Яёй. Считается, что жители Японских островов тоже обязаны этим прибывшим с континента переселенцам. Безусловно, это сказалось на повышении жизненного уровня аборигенов, однако одновременно на хозяйку дома оказались возложены новые обязанности.

Появление таких необходимых предметов повседневного использования, как сельскохозяйственные

орудия, домашняя утварь и ткацкие станки, уж не говоря о делавших более комфортными условия жизни архитектурных новшествах, стало возможным только благодаря использованию передовых для того времени орудий труда и приемов обработки дерева. С помощью инструментов из железа мастера смогли, в отличие от мастеров прошлого, изготавливать изделия очень высокого качества. Нет сомнения, что общины, число членов которых к этому времени заметно увеличилось, считали необходимым иметь какое-то определенное количество орудий труда в общественной собственности.

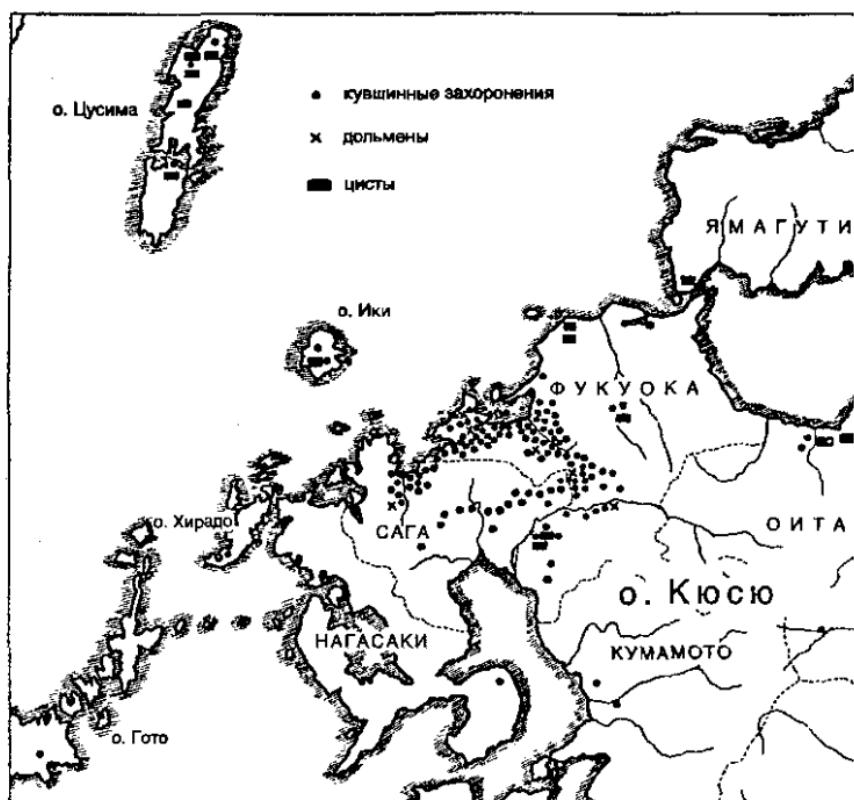
Для изготовления ларей в амбарах и жилых домах использовался главным образом кедр; сельскохозяйственный инвентарь и шанцевые инструменты делали из дуба, по прочности превосходящего кедр. С точки зрения древних жителей Каако, для чаши похожих на кубки подставок больше всего подходили вишня, тутовое дерево и дзельква граболистная. Нынешнее состояние этих предметов является убедительным доказательством того, что поверхность изделий из дерева была тщательно выровнена и отполирована. Расписанные краской подставки являются еще одним подтверждением того, что сами мастера считали свою работу завершенной, изделия подготовленными к росписи.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ

В эпоху Яёй существовало несколько способов погребения, однако наиболее распространенными были захоронения в каменных гробницах — цистах и кувшинные захоронения. Там, где в Яёй еще не отказались от къёккенмёдингов, покойников, как и в Дзё-

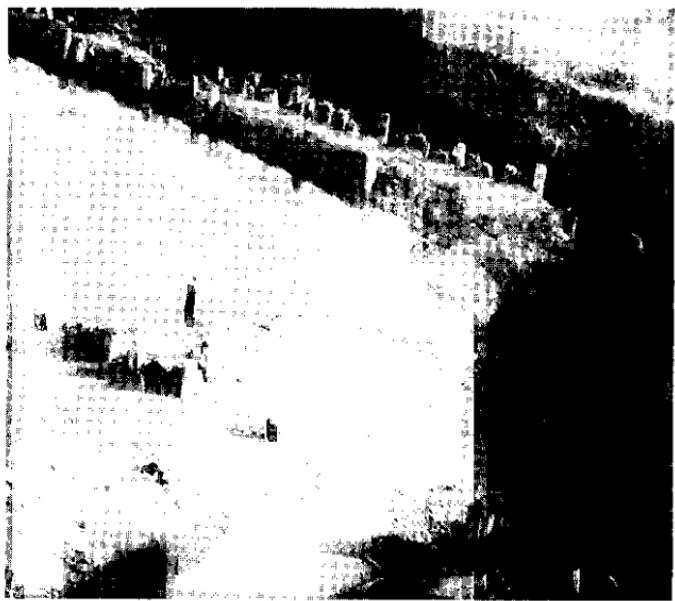
мон, хоронили в них. Кроме того, практиковались и другие методы погребения: в простой вырытой в земле яме, прикрытой сверху камнем или деревом (такие захоронения часто встречаются на кладбищах по соседству с кувшинными), и в небольших углублениях прямоугольной или продолговатой формы.

Обычай сооружения каменных гробниц пришел из Кореи; скорее всего, в них хоронили власть имущих. Цисты делали из сравнительно тонких каменных плит, иногда на это уходило совсем немного материала; часто встречаются довольно аккуратно вырезанные плиты. Каменные гробницы неравномерно разбросаны по островам между Кореей и Японией, они есть также на севере острова Кюсю и наиболее близкой к острову Кюсю оконечности острова Хонсю (карта 3). Больше всего цист на острове Цусима, а вот на западе префектуры Фукуока, где в весьма значительных количествах сосредоточены кувшинные захоронения, их на удивление мало. Поскольку на многих кладбищах, например на острове Ики, имеются захоронения как кувшинного типа, так и в цистах, можно предположить, что существовал какой-то период, когда одновременно практиковались оба способа погребения (фото 39). В местности Теннодзан, расположенной вдоль реки Симада на юго-востоке префектуры Ямагути, цисты были обнаружены в нижней части культурного слоя, а кувшинные захоронения — над ними. Эта находка помогла понять, какой из двух погребальных обычая более древний. Еще один аргумент в пользу большей древности каменных гробниц (не учитывая значительного числа известных случаев одновременного существования обоих обычаем) заключается в том, что в цисты вместе с умершим чаще всего не клади никаких предметов. Судя по всему,

Карта 3. Каменные гробницы и кувшинные захоронения на юго-западе Японии

эти захоронения были сделаны еще до появления практики помещения в могилу личных вещей покойного. Напротив, в кувшинных захоронениях — в самой погребальной урне или рядом с ней — часто попадаются различные украшения, зеркала, оружие и другие предметы. Дольше всего обычай захоронения в каменных гробницах продержался на Цусиме, правда, к тому времени остров уже утратил свое большое значение в качестве перекрестка дорог с континента на Японские острова. В цистах там нередко находят изделия из железа, бронзы и кам-

38

39

погребальные урны находят в Маньчжурии и в Ло-ланге в Корее, однако их число не идет ни в какое сравнение с огромным количеством кувшинных захоронений в Японии. К тому же данный способ погребения в Китае, Корее и Японии имеет очень большие отличия. Возможно, первые захоронения в урнах появились в Китае, оттуда этот способ попал в Японию, а затем, уже видоизмененный, вновь возвратился на континент — в Корею. Обычно захоронения в урнах бывают двух видов: в двух сосудах (временами одного размера, но чаще разных) и в одном сосуде с каменной или деревянной крышкой. Поля погребальных урн могут состоять из 30 или более захоронений, хотя в среднем их бывает около 10. Разнообразие типов керамики на одном и том же кладбище говорит о том, что захоронение проводилось там в течение длительного периода. Кладбища старались устроить на возвышенности над поселением — в географических условиях Японии такие точки всегда находятся неподалеку. Безусловно, так поступали потому, что более низкие места удобнее для жизни, а склоны гор не затапливаются во время наводнений. В поселении Хиэ на территории нынешнего города Фукуока погребения располагались к северу от жилищ, от последних их отделяла канава.

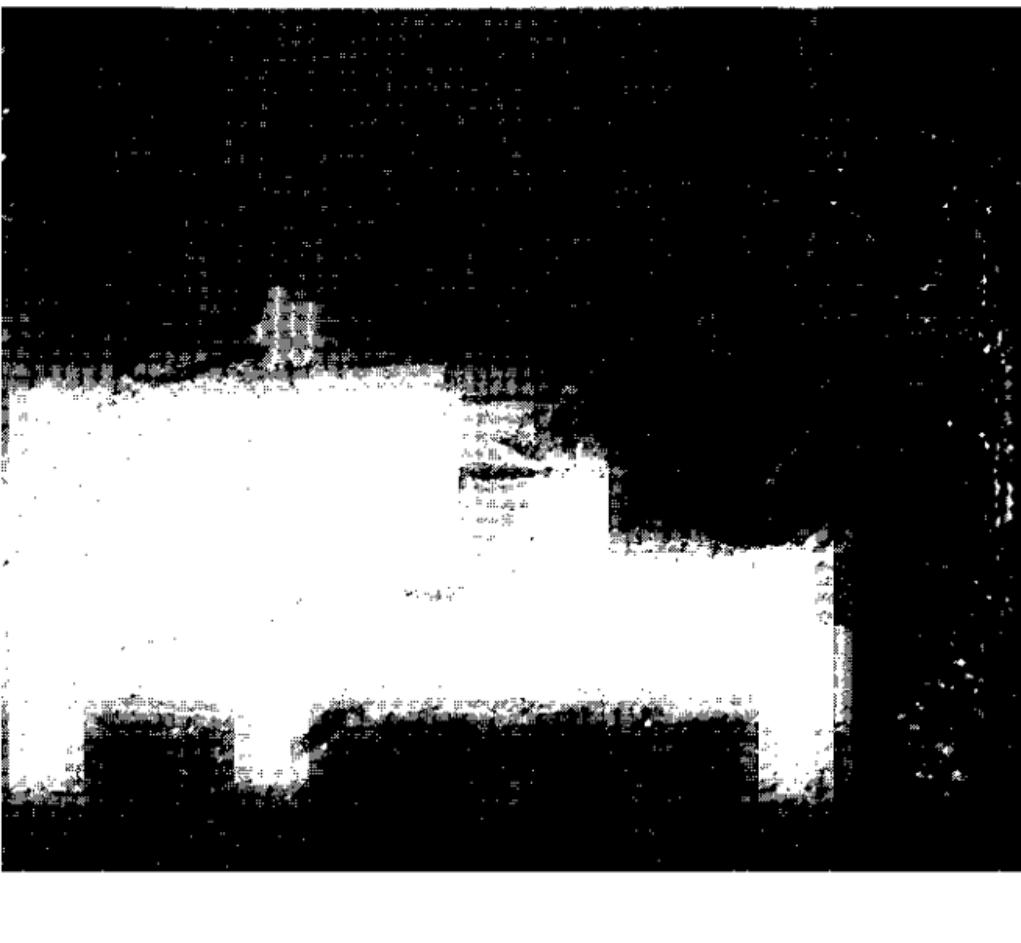
Когда каменные гробницы утратили былую популярность, японская аристократия восприняла новый для себя обычай кувшинных захоронений, хотя, вероятно, по сравнению с цистами он нравился ей меньше, поскольку был не таким пышным. Сейчас археологу сложно отличить кувшинное захоронение знатного человека от захоронения представителя среднего класса. Единственными указаниями могут быть размер погребального сосуда, количество

и качество найденных в нем или рядом с ним артефактов.

Наличие в этих погребениях множества привозных китайских изделий является еще одним доказательством того, что основная часть кувшинных захоронений относится к периоду среднего Яёй — то есть к тому времени, когда такие новинки широким потоком шли на юг Японии. Кроме того, было более разумным хоронить чужеземные экзотические изделия вместе с умершим, ведь свои привычные колокольчики и оружие использовались для других целей — заметим, что эти изделия тоже захоранивали — специально и совершенно самостоятельно, однако преследуя совсем иные цели.

В кувшинных захоронениях находят следующие предметы китайского изготовления: стеклянные бусины, стеклянные диски *ни*, железные топоры, кинжалы, наконечники алебард и копий; бронзовые зеркала времен правления династии Хань; железные, бронзовые и стеклянные браслеты. Там встречаются и изделия местного производства: бусины — круглые, овальные и в форме запятой, браслеты из раковин и разнообразные каменные ножи. Не вызывает сомнений, что датируются эти предметы примерно двумя средними столетиями правления династии Хань — последним столетием до нашей эры и первым столетием нашей эры.

Что касается кувшинных захоронений, где в качестве погребальной урны используются сразу два сосуда, то они наглядно демонстрируют, как люди методом проб и ошибок осваивали этот способ. Сосуды, уложенные в землю горизонтально, пострадали сильнее всего, ведь они не могли выдержать веса находящейся над ними почвы. Отчасти это объяс-

ня. А всего лишь несколько лет назад ученые были убеждены в обратном: что сначала появились кувшинные захоронения, а потом цисты — предшественницы курганных захоронений.

Каменные гробницы обычно встречаются группами по шесть или более штук. Примечательна гробница № 5 на кладбище Дойгахама в префектуре Ямагути: ее специально достраивали для того, чтобы похоронить несколько человек; всего в ней находились останки пяти взрослых мужчин. На этом же кладбище некоторых умерших хоронили и за пределами гробниц; хотя никаких других артефактов рядом с ними обнаружено не было, сохранились украшения с их погребальных одежд.

Каменные гробницы были распространены в периоды раннего и среднего Яёй. Кувшинные захоронения имеют более продолжительную историю: они появились в период раннего Яёй и активно практиковались на острове Кюсю примерно до принятия буддизма в VI веке нашей эры. Интересно, что этот обычай не вышел за пределы острова Кюсю. Данный феномен можно объяснить так: к тому времени, когда кувшинные захоронения приобрели значительную популярность и этот обычай уже был готов распространиться на новые территории по побережью Внутреннего моря, из Кансая пришла новая мода — возводить погребальные курганы. Более внушительные внешне, они произвели сильное впечатление на местных жителей, поэтому, естественно, стали возводить именно их. А кувшинные захоронения в последние два столетия их существования использовались главным образом для детей.

Известно, что захоронение останков умерших в урнах производилось в Китае со времен неолита;

няется тем, что они были самыми ранними по времени и, естественно, оказались ниже более поздних захоронений. Постепенно люди обнаружили, что если закопать сосуд в землю под углом, то он сможет выдержать больший вес. Поэтому, используя бытовые понятия, можно сказать, что самые ранние кувшинные захоронения были, как правило, горизонтальными, захоронения среднего периода делались под углом примерно 30 градусов, а позднего — под углом 45 градусов.

В первых захоронениях сосуды были изготовлены еще до появления гончарного круга. Тем не менее, они имеют вполне достаточный объем — туда помещаются останки взрослого человека. При устройстве захоронения обычно два сосуда примерно одинакового размера, в которых уже находилось тело, укладывались горизонтально горло к горлу. Гончарный круг сделал возможным усовершенствовать процесс лепки сосудов и еще больше увеличить их объем. Возможно, в это время произошло разделение труда — кто-то стал заниматься только гончарным делом, кто-то — только торговлей. Вместе с появлением гончарного круга из Кореи пришел еще один обычай — над кувшинным захоронением сооружать дольмен. На кладбище в местечке Сугу недалеко от города Фукуока, где в основном сосредоточены захоронения в больших двойных сосудах периода среднего Яёй, с 1899 года было обнаружено более 50 кувшинных захоронений. Самая длинная погребальная урна, состоящая из двух сосудов, была найдена в 1929 году, общая длина этого захоронения — 204 сантиметра 12 миллиметров (фото 41). Оно находилось в земле под углом 30 градусов и было ориентировано с севера на юг. В отличие от некоторых других в Сугу дан-

ное захоронение не было прикрыто камнем; каменные плиты с погребений еще полвека назад довольно часто попадались местным крестьянам. Уникальность кладбища в Сугу заключается и в том, что это единственное место, где в погребальных кувшинах, сохранность которых обеспечивали каменные плиты, до наших дней дошли предметы, помещенные туда с умершим.

Дольмены этого типа состоят из единственного большого камня (иногда это бывает кусок гранита), который опирается на выложенные более или менее правильным кругом камни меньшего размера. Такое сооружение обозначало место захоронения и защищало его от случайного разрушения в дальнейшем. В Корее дольмены возводились над каменными гробницами. Должно быть, этот способ погребения был привнесен в Японию в то время, когда там еще не отказались от сооружения цист. Во всяком случае, это подтверждают находки в Исигасаки и Суванке в префектурах Фукуока и Сага соответственно, где каменные гробницы-цисты сверху защищены дольменами. После того как обычай возведения дольменов в Японии прижился, он был перенесен и на кувшинные захоронения. Типичный пример этого — захоронение в поселении Ода в деревне Китаёри, префектура Фукуока. Там размещенные по диагонали двойные сосуды находились на 10 сантиметров ниже каменной плиты (рис. 28, б). А вот дольмен № 1 на кладбище Хаямадзири в деревне Кагами, префектура Сага, стал для ученых загадкой: под ним вверх дном стояло пять сосудов, еще один сосуд находился в стороне (рис. 28, а). Данный археологический памятник был открыт в 1915 году, на следующий год были проведены раскопки, в результате которых были обнаружены че-

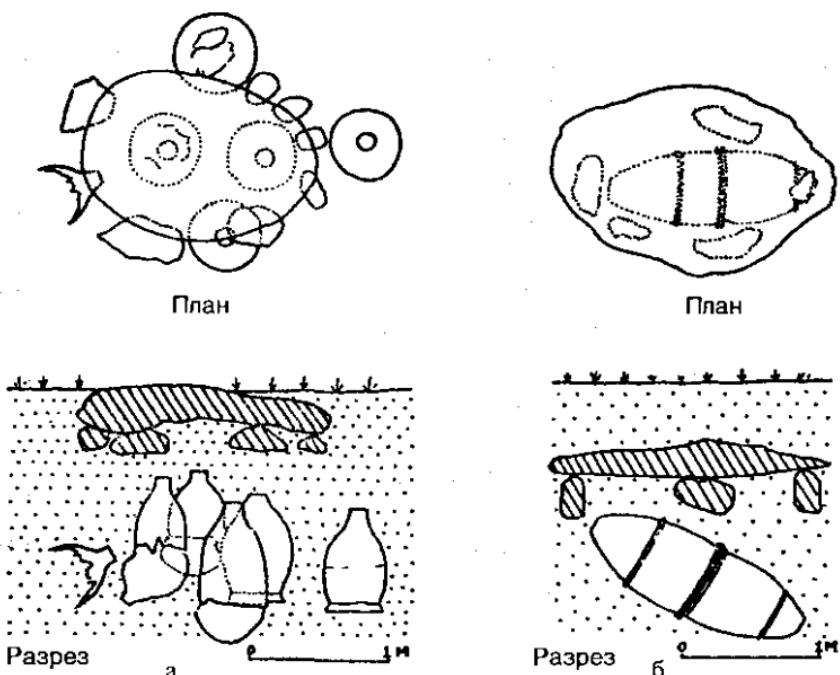

Рис. 28. Кувшинные захоронения, сохранность которых обеспечивает дольмены: а — Хаямадзиро, префектура Сага; б — Ода, префектура Фукуока

тыре мегалита. Возможно, перевернутое положение сосудов объясняется, во-первых, стремлением занять как можно меньше места и, во-вторых, желанием уменьшить площадь той части сосуда, на который давит земля. Интересно, что в настоящее время на западе префектуры Сага местные жители хоронят покойников тоже в сосудах, устанавливаемых вертикально с целью экономии драгоценной земли.

Качество керамики периода среднего Яёй было достаточно высоким, поверхность изделий часто шлифовалась или разглаживалась с помощью деревянных инструментов. Однако к периоду позднего Яёй погребальные сосуды, как и в раннем Яёй,

вновь становятся грубыми и плохо обожженными, а их нижняя часть сходит почти на конус. Следует отметить, что в это время для кувшинных захоронений стали использовать только один сосуд. Возможно, тенденция к изготовлению более грубых изделий объясняется появлением новых погребальных обычаев и тем, что, следуя новой моде, лучшие гончары бросили все силы на выполнение более выгодных заказов, в результате чего качество этой керамики снизилось.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ БРОНЗЫ

Для того чтобы полнее отвечать вкусам и потребностям местного населения, привозимые из других стран на Японские острова изделия претерпевали многочисленные модификации. С этой точки зрения особый интерес представляет бронзовое оружие. Оно делится на четыре основных типа, из них три имеют подтипы (это относится как к привозному, так и к местному оружию), отличающиеся друг от друга размерами и качеством металла. Так, в Японии при изготовлении оружия меньше использовалось олово.

Первый тип оружия — обоюдоострый меч, иногда по размеру не превышающий кинжала, однако всегда имеющий неширокое лезвие и сужающуюся рукоять (рис. 29, *a—в*). Таких мечей найдены считанные единицы; как правило, оружие этого типа встречается в префектурах Фукуока, Сага и Нагасаки на острове Кюсю и в префектуре Ямагути в южной части острова Хонсю. Форма, качество литья и декоративная отделка такого оружия свидетельствуют о его континентальном происхождении.

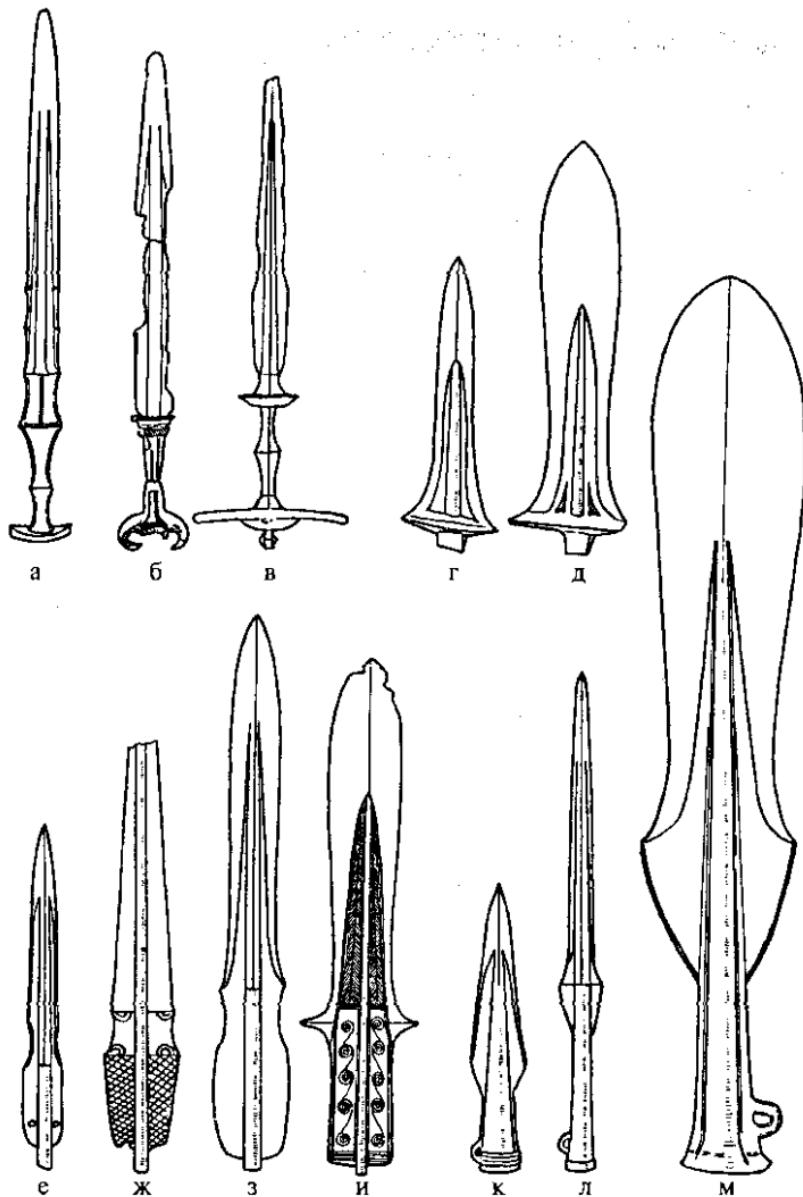

Рис. 29. Бронзовое оружие эпохи Яёй: а — Микумо, префектура Фукуока; б — Касивадзаки, префектура Фукуока; в — Коцугу, префектура Ямагути; г — Юхи, префектура Сага; д — Симотоида, префектура Фукуока; е — Акиура, префектура Окаяма; ж — Юкасан, префектура Окаяма; з — Футсукаити, префектура Фукуока; и — Юка, префектура Окаяма; к — Ка, префектура Фукуока; л — Нома, префектура Фукуока; м — Цусима, префектура Нагасаки. Длина меча м — 73 см, остальные предметы даны в том же масштабе

Представленный на рисунке экземпляр из Коцугу, префектура Ямагути, полностью идентичен мечу из Южной Маньчжурии (рис. 29, в). Меч из Касивадзаки и подобные ему имеют явное сходство с типом оружия, весьма распространенным в Китае и известным в Корее (рис. 29, б). Без сомнения, эти изделия относятся к очень раннему периоду существования бронзового оружия — к I—II векам до нашей эры, то есть к завершающему этапу правления династии Чжоу, когда обовоострые мечи еще не сдали своих позиций. С приходом к власти в Китае династии Хань такие мечи начали постепенно исчезать. Рукоять меча из Касивадзаки украшена изображениями птичьих голов и клювов — высокий уровень мастерства декорирования полностью соответствует лучшим изделиям оружейников времен династии Хань.

Оружие второго типа точнее всего будет назвать алебардой *ко*. Как правило, у нее лезвие находится примерно под прямым углом к древку: оно соединяется с древком при помощи крепежа, вставляемого в специальные отверстия, а также при помощи короткого хвостовика. Китайские алебарды обычно имеют меньший размер, японские отличаются более широким лезвием (рис. 29, г, д). Два других типа оружия — это наконечники копий: один тип с хвостовиком, второй со втулкой. Первый тип наконечников иногда не без оснований называют кинжалом, однако совершенно очевидно, что это изделие — переходный этап от кинжала к наконечнику копья, который в Японии с ходом истории постепенно все больше становился похож собственно на наконечник копья (рис. 29, е, ж). Оба данных вида оружия по размеру меньше своих предшественников с континента и самых ранних местных образцов; на

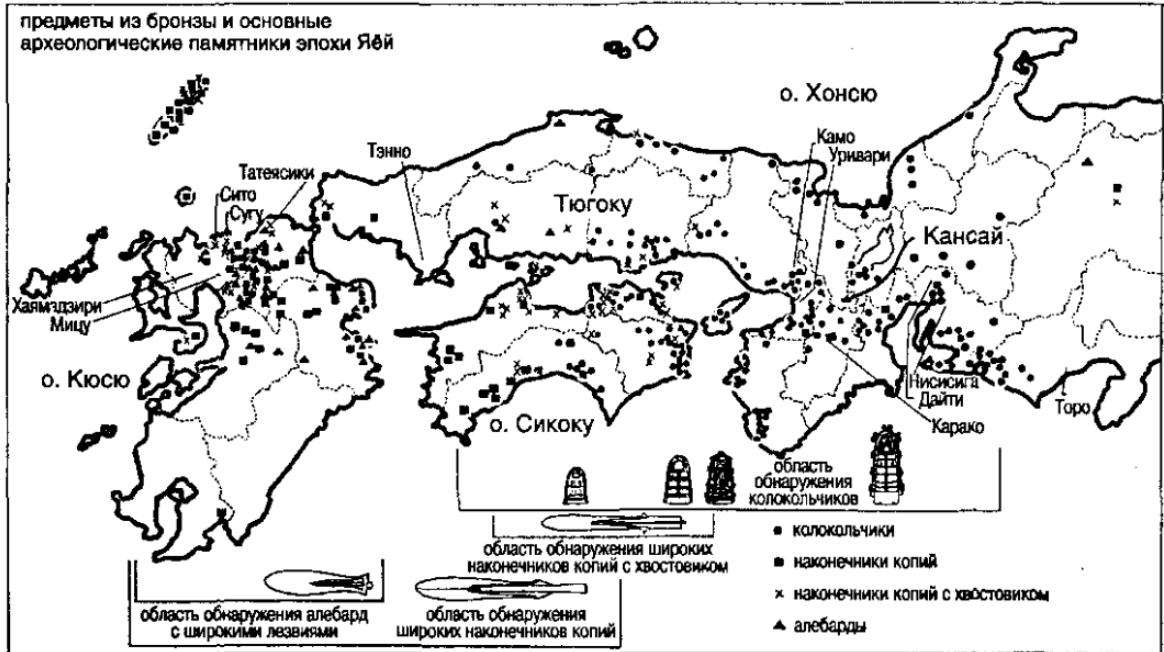
островах размеры этих видов оружия превышали континентальные, и лезвия делались более широкими. Оружие из Сугу имеет остроугольную нервюру и насечки на хвостовике для прочного присоединения к рукояти (фото 42). Кинжалы этого типа очень часто встречаются при раскопках археологических памятников в Корее. Другая находка из Сугу по всей длине имеет продольные желобки — точно такое же оружие попадается и в Корее (фото 44). Такие наконечники копий с хвостовиками и втулками на Кюсю часто находят рядом.

Наконечники со втулкой раннего периода тоже либо короткие и широкие, либо более длинные и узкие — тем не менее и те и другие с точки зрения использования вполне практичны. С течением времени они становятся очень большими и широкими; плоское и сильно расширившееся лезвие приобретает такую форму, которую нельзя назвать функциональной. Учитывая то, что такой наконечник очень легкий и изготовлен из достаточно хрупкого металла, его практическое использование представляется сомнительным (рис. 29, к—м). Таким образом, разница между континентальными образцами и сделанными на островах очевидна: оружие любого типа с широким лезвием явно имеет местное происхождение и, следовательно, оно выполняло чисто церемониальное предназначение.

Оружие было первым попавшим на Кюсю изделием из бронзы, оно на целых полтора столетия опередило основную волну зеркал периода династии Хань. Однако примерно к 50 году до нашей эры, когда поток оружия иссяк, зеркала стали поступать на Японские острова во все возрастающих количествах. Зеркала периода правления династии Хань продолжали завозить сюда почти до середи-

ны II века нашей эры. Уже к концу I века до нашей эры ремесленники-иммигранты и местные мастера отливали оружие в Японии, и такая практика имела место вплоть до конца II века до нашей эры. Позднее, опять под влиянием новых веяний, изменился предпочтавшийся прежде тип оружия: меч стал длинным, острым только с одной стороны, и делать его стали из железа. Так выглядело типичное оружие периода могильных курганов, причем не вызывает сомнения, что ранние образцы этих изделий тоже были привозными и что поступали они в Японию через Корейский полуостров. Примерно в это же время на острова в больших количествах начали завозить зеркала периода Троцарства. Встречающееся в кувшинных захоронениях оружие в основном китайского производства. Лезвия алебард явно континентального происхождения иногда находят в столь далеких местах, как Хиросима на побережье Внутреннего моря и даже за пределами острова Хонсю (карта 4). Однако такие же изделия местного производства редко попадали за пределы острова Кюсю и западной части острова Хонсю — судя по всему, их популярность падала еще до того, как мода на оружие этого типа достигла глубинных районов Тюгоку.

Наконечники копий или, точнее, наконечники-кинжалы смогли продвинуться в глубь территории страны дальше других типов оружия — на удивление много таких изделий работы японских мастеров находят в регионе Внутреннего Японского моря и особенно на северо-востоке острова Сикоку. Китайские оригиналы этого оружия попадаются очень редко. Наконечники-кинжалы — это единственное изготовленное в Японии оружие, которое пытались как-то декорировать. Так, встречаются наконечни-

Карта 4. Места обнаружения предметов из бронзы на занаде Японии

ки-кинжалы со сделанным в процессе отливки геометрическим орнаментом на плоских поверхностях около рукояти. Довольно часто археологи находят такое оружие сразу по нескольку штук — по 10 и более — вне археологических комплексов и отдельно от каких бы то ни было других артефактов. Обычные места подобных находок — склоны гор или ровные площадки в горах, с которых открывается хороший обзор окрестностей. Вероятно, данные предметы наделялись каким-то символическим смыслом или использовались в ритуалах, связанных с вознесением благодарности духам — покровителям равнин, от которых зависит плодородие земель, и просьбами о даровании людям еще больших благ — в те времена такой обычай был в особом почете у жителей побережья Внутреннего Японского моря.

Еще больше загадок связано с наконечниками копий со втулкой. Всего было обнаружено более 300 таких изделий местного изготовления. Клады с наконечниками встречаются вне археологических комплексов, часто в кладе находится сразу несколько (может быть до 16) изделий. Обычно они уложены рядами вплотную друг к другу. В среднем в кладе бывает по 4—5 наконечников. На востоке острова Кюсю в предместье Усуки, префектура Оита, в археологическом раскопе были найдены 7 таких наконечников: два поменьше, три средних и два побольше. Возможно, когда-то они лежали в ящике; острия всех изделий направлены на юг. Длина самых коротких наконечников — 14 сантиметров, самых длинных — 16,5 сантиметра. Таких кладов обнаружено достаточно много, в том числе три на острове Цусима. На Цусиме оружие этого типа находили в цистах, а в двух случаях — поблизости от каменных гробниц, где наконечники были

уложены крест-накрест как будто бы для какого-то обряда.

Даже наконечники со втулками китайского, как считается, производства могут иметь достаточно большую длину, а уж местные изделия, изготовленные под их влиянием, — это просто настоящие колоссы, по размеру заметно превосходящие образцы с континента (фото 43). По длине и ширине они значительно превосходят обычное соотношение между привозными оригиналами и их местными копиями. Отчасти это объясняется общей тенденцией к увеличению размеров изделий, прекрасным примером которой являются бронзовые колокольчики. Кроме того, вероятно, этот тип бронзового оружия появился в Японии позже других, хотя область его распространения свидетельствует об обратном. В Кубиру на острове Цусима археологи столкнулись с тем редким случаем, который помогает определиться с датировкой: щирокий наконечник копья со втулкой был найден в каменной гробнице рядом с керамикой периодов позднего Яёй, Хэйдзи и с серой корейской. Такое необычное сочетание изделий может указывать на то, что наконечники датируются примерно 100—300 годами до нашей эры.

В Корее короткие наконечники копий этого типа встречаются часто, а длинные очень редко (рис. 29, к). Последних и в Японии найдено мало; они попадаются от Нагасаки до побережья Внутреннего Японского моря (рис. 29, л). Наконечники с широким лезвием были обнаружены на Цусиме, на севере острова Кюсю и, что интересно, на юго-западе острова Сикоку. На севере острова Кюсю и на равнине Тикуси археологи нашли несколько каменных форм для отливки таких наконечни-

ков (фото 45). Это еще один аргумент в пользу того, что центр производства этих изделий был на территории нынешних префектур Фукуока и Сага. Формы для отливки широких наконечников и лезвий для алебард — единственные из найденных и датированных. Хотя изделия японского производства и имеют достаточно много вариаций, скорее всего, на островах существовали только один или два центра их производства — вероятно, на севере острова Кюсю. В то время как эти широкие наконечники со втулкой проникли глубоко в регионы побережья Внутреннего Японского моря, большое число обнаруженных на Цусиме наконечников (68) означает, что на этом острове, утратившем былое значение, они были в ходу в течение значительно более длительного периода.

Хотя бронзовое оружие и колокольчики дают много информации о социальной структуре японского общества и верованиях древних японцев, нет сомнения, что о развитии культуры несравненно больше может рассказать керамика. Похоже, что продвижение по стране риса и керамики происходило одновременно, причем последняя достаточно просто поддается датировке, а вот погребальные обычаи, производство бронзового оружия и отливка бронзовых колокольчиков едва ли вписываются в какие-либо легко определяемые схемы времени и области распространения.

В древних японских хрониках, имеющих особую важность для понимания эпохи Яёй, когда происходившие в японском обществе перемены бывали достаточно частыми и радикальными, а противоборствующие регионы и группы стремились получить территориальное и социальное господство, роль одного из основных символов отводилась копью. Оно

символизировало и обладание данной свыше властью и временами даже означало присутствие конкретного божества. Символом богини Солнца было солнечное копье *хибоко*. И в наши дни в некоторых храмах бережно хранится копье — символ храма; оно обозначает место, где обитает божество, которому посвящено это сооружение. По легенде, *хибоко* сделала сестра богини Солнца, исполнявшая танец перед пещерой, куда удалилась сама богиня Солнца, в результате чего всю землю окутал мрак. Танцевавшая украсила свое копье травой Eulalia — здесь на память приходят обвитые корой головки каменных дубинок эпохи неолита. А при создании Японских островов боги Идзанаки и Идзанами месили воды океана «божественным копьем, украшенным драгоценными камнями». Падавшие с него кончики капли превращались в острова; там, где капель было больше, появились Восемь островов.

Если отвлечься от мифов, то более прадоподобным представляется следующее объяснение значения копья как символа: согласно хроникам «Нихон Сёки», в 135 году нашей эры при назначении губернаторов провинций и старост деревень император Сейму «в качестве символа власти дал им всем по копью и щиту». Если применить к этой цитате метод относительной хронологии, то получится, что в Кансае тогда шло III столетие позднего Яёй. Даже допуская то, что в записанные в конце VIII века хроники могли вкрасться неточности, тем не менее, эти исторические записи указывают на то, что такая практика вполне могла появиться в эпоху Яёй. Косвенное подтверждение этому мы находим в хрониках «Цусимакидзи», где говорится, что копья и щиты, которые получали губернаторы и старосты, складывали в каменные сундуки и зарывали в зем-

лю священных холмов в Цуцу и Саго для охраны границ. Таким образом, в данном случае особенно отчетливо отражена мысль о том, что божественное присутствие и божественная сила помогают защищать границы. Это хотя бы частично объясняет наличие кладов с оружием. Если каменные дубинки эпохи Дзёмон устанавливались вдоль дорог (об этом говорит множество одиночных находок), то бронзовое копье после попадания в Японию в значительной степени утратило чисто утилитарные функции и приобрело новые, став символом власти.

Один из типов зеркал свидетельствует о том, что не все новинки из металла были родом их Китая или сделаны по образцу китайских. Это зеркало украшено множеством тонких параллельных линий, как правило образующих соприкасающиеся друг с другом треугольники (фото 47). На этих зеркалах характерный для китайских зеркал куполообразный выступ сменили два смещенных относительно центра мостообразных; край зеркала японского производства полукруглый в сечении. Такие зеркала первоначально появились либо в Корее, либо в Маньчжурии. Хотя многие из этих изделий поражают техникой литья, тип их декоративной отделки явно возник в странах, граничащих с Китаем, — там, где особенно любили геометрические узоры — «зубья пилы» и спирали.

Металл, из которого изготовлены данные изделия, черного цвета, тонкий и хрупкий. Однако не все артефакты украшены столь изящным орнаментом. В Корее были найдены формы для отливки изделий с более примитивным рисунком. Если зеркала этого типа появились и не в Корее, то, без сомнения, там они прошли один из этапов своего развития. В одном из кладов среди предметов корей-

ского происхождения было зеркало, которое вполне можно было бы посчитать изделием местного производства. Можно было бы, если бы не одинственный кинжал. В кладе находились: полированный топор, женские ножи, алебарды *ко* китайского типа и этот бронзовый кинжал, который не имеет аналогов в Японии. Полученная из столь важного археологического комплекса информация наряду с информацией о сделанной в городе Симоносеки на востоке префектуры Ямагути находке (там в одном археологическом комплексе были зеркало и два бронзовых кинжала черешкового типа) подтверждает правильность датировки этих изделий периодом раннего Яёй. Тем не менее, область распространения этих изделий в Японии весьма необычна: они встречаются на севере острова Кюсю и в префектуре Ямагути (главным образом в захоронениях), а также в таких далеких от них местах, как префектуры Осака и Нара; нигде между этими регионами их не находили.

Бронзовые колокольчики — характерная и самая яркая черта японского бронзового века. Они наглядно свидетельствуют о том, что мастера ранних периодов не умели отливать изделия идеальной формы и что совершенство пришло лишь с опытом, когда они научились создавать удивительно законченные по форме и отделке предметы. Мнение о том, что колокольчики являются исконно японскими изделиями, разделяют все археологи, подкрепляя его различными аргументами. Во-первых, в соответствии со сказанным выше, по уровню исполнения ранние колокольчики очень сильно уступают изделиям тех регионов, где они изготавливались давно и где был накоплен большой опыт по их отливке: например, колокольчикам северных районов острова Кю-

сю. Во-вторых, область распространения этих изделий — от региона Внутреннего Японского моря до юга Токая — отнюдь не претендует на включение его в ту зону, куда в эпоху Яёй поступали все чужеземные товары и где после начала их производства в Японии большинство из них претерпело определенные видоизменения. Наконец, в-третьих, формы даже самых ранних колокольчиков весьма далеки от форм китайских или корейских колокольчиков. Последнее утверждение можно оспаривать, ведь мнение одного человека о степени сходства предметов может отличаться от мнения другого. Если говорить о полной идентичности японских колокольчиков китайским и корейским, то совершенно очевидно, что она отсутствует. Однако если речь идет о достаточно близком сходстве, то, судя по отдельным экземплярам корейского производства, во всеобщем процессе создания этого вида изделий действительно не исключено существование какого-то начального этапа.

Тем не менее, в соответствии с существовавшей в эпоху Яёй традицией, форма и внешний вид самых ранних колокольчиков были такими, что эти изделия, по крайней мере, можно было назвать функциональными. Однако более поздние экземпляры стали значительно крупными и менее функциональными — их едва ли можно было использовать в качестве инструмента для извлечения звука. Высота маленьких колокольчиков часто едва достигает 10 сантиметров, высота самых больших составляет почти 130 сантиметров. Места, в которых они были обнаружены, также указывают на ритуальный характер этих изделий. Колокольчик из Фукуды (деревня Фукуги, префектура Хиросима) был найден в комплексе с изготовленными на континенте лез-

вием алебарды и кинжалом со втулкой, что свидетельствует о его раннем происхождении (фото 48). Это единственный зарегистрированный случай обнаружения колокольчика в археологическом комплексе. Данное открытие было сделано в 1891 году. Как говорилось в первых отчетах, предметы были извлечены из гробницы, однако похоже, что это не соответствует действительности. Возможно, это место было бы правильнее назвать каменным тайником. В основном колокольчики находят на глубине 15—20 сантиметров от поверхности земли и, как правило, отдельно от каких-либо других предметов. При раскопках почти 40 археологических памятников они встречались группами по 2, 3, 4 или даже 7 штук — последний случай имел место в Токусиме на востоке острова Сикоку. 8 колокольчиков было обнаружено в кладе на острове Агадзи, 14 — недалеко от озера Бива в Оиваяме, префектура Сига. В 27 случаях было найдено только по два колокольчика. Раскопки показывают, что в земле колокольчики чаще всего лежат горизонтально, причем нижняя часть одного колокольчика обращена к верхней части другого. Кроме того, они попадаются на возвышенностях, с которых открывается хороший обзор окрестностей, и довольно редко на равнинах, точнее, вдоль тропинок между древними полями.

Наличие интересных скоплений этих изделий ни в коей мере не уменьшает количество ставящих в тупик вопросов. Например, такие скопления отсутствуют в префектуре Эхима на острове Сикоку, которая хотя и находится довольно далеко на западе, но оружие там встречается. В то же время в других частях острова — на севере префектуры Кагава и на востоке префектуры Токусима их достаточно много. Они есть на востоке префектуры Вакаяма и в

префектурах Осака и Нара — что касается последней, то только в ее северной части. Кроме того, колокольчики находят вдоль побережья в префектуре Айти и западных районах префектуры Сидзуока, где имеется достаточно большое число археологических памятников периода позднего Дзёмон и эпохи Яёй. География находок позволяет произвести приблизительную датировку: в большинстве регионов они появились чуть раньше, чем бронзовое оружие, и исчезли чуть позже, чем оно. В таких отдаленных местах, как Токай, появление, существование и исчезновение колокольчиков, вероятно, тесно связано с распространением типов керамики.

Примерно в это же время или немного позднее появились колокольчики с зональным рисунком: в расположенных вертикально прямоугольниках заключены двойные спирали, а пространство между прямоугольниками заполнено перекрещивающимися в виде сетки прямыми линиями (фото 50). Следует отметить, что таких изделий найдено немного. Значительно чаще встречаются колокольчики, на которых прямоугольные зоны отделены одна от другой заметно выступающими ребрами, причем со временем ребра становятся все выше. Изделия средних периодов при отливке часто украшали настоящими картинами — их располагали в прямоугольниках на плоских участках с обеих сторон ручки, по бокам, в верхней части колокольчика или же по всей поверхности изделия. Без сомнения, это самые интересные и трудоемкие работы мастеров эпохи Яёй, ведь на колокольчиках изображены животные, птицы, насекомые, дома, лодки, сосуды, иногда человек за какой-то работой, а также менее узнаваемые предметы. Сохранившийся лучше всего колокольчик этого типа (предположительно, из префектуры

Кагава на острове Сикоку) украшен 12 картинками (фото 53). На одной стороне изделия изображены ящерица, танцующий мужчина с палкой, два человека, занятых обмолотом риса, стрекоза, охотник с оленем, заглатывающая рыбу морская черепаха, сухопутная черепаха, богомол с поднятыми вверх передними лапками рядом с пауком, два журавля, охотник с окружившими кабана собаками.

Поражают сильно увеличившиеся размеры колокольчиков: они стали более высокими и узкими, гребни по бокам изделия иногда слегка изогнуты, верхняя часть гребня украшена тремя парами больших двойных спиралей, а боковые — парами спиралей меньшего размера (фото 51). На плоские поверхности гребней нанесен узор в виде зубьев пилы. Колокольчики этого типа тонкостенные, качество литья очень высокое, цвет изделий темно-зеленый. Изображений животных и жанровых сцен на этом типе изделий уже не встречается. Основная часть этих колокольчиков поздних периодов найдена в Кансае, они встречаются также на острове Сикоку и юге Токая. Из обнаруженных на данный момент почти 200 колокольчиков большой процент составляют именно такие.

Из-за почти полного отсутствия в археологических комплексах с колокольчиками других предметов сложно понять, какую роль в жизни человека играли Колокольчики и какое значение им приписывали. Тем не менее, анализ рисунков (даже несмотря на то, что ими украшены главным образом колокольчики средних периодов) должен в значительной мере пролить свет на их предназначение. На большинстве рисунков изображены сцены охоты, рыбной ловли, сбора урожая дикорастущих и культурных растений, обработки собранного и приготов-

ления пищи. Основные предметы и сюжеты рисунков — кабаны, олени, рыба, птицы, лодки рыбаков, танцы крестьян на праздниках урожая, выращивание риса, амбары, сосуды для хранения продуктов. Конечно, насекомые и мелкие животные меньше подходят для изображения в жанровых сценах, однако в сочетании с другими предметами они могут приобретать символическое значение. Следовательно, мы имеем все основания предположить, что колокольчик — это дар охотника, рыболова или крестьянина божеству и просьба даровать хороший урожай, удачную охоту или рыбную ловлю. Возможно, что существовал целый ритуал, когда колокольчики специально закапывали в землю в определенное время и в определенном месте — на какой-нибудь возвышенности. Скорее всего, таким образом люди пытались снискать милость богов-хранителей. Отдавая должное не менее обоснованным теориям, которые, безусловно, обладают массой сильных сторон, стоит еще раз повторить предположение, высказанное Дж. Бюхом. По его мнению, колокольчики могли стоять вдоль дорог в качестве талисманов-хранителей путников. Возможно, они были надеты на каменные фаллосы — этот факт вполне мог и не найти отражения в хрониках, поскольку в высокоморальную эпоху Мэйдзи подобные вещи старались игнорировать и в целом стремились преуменьшить их роль в жизни японского общества. С точки зрения Дж. Бюхом, не исключено, что отверстия в колокольчиках (поначалу их не было, а на этих местах делали символические изображения глаз, сквозными отверстия стали делать позже) предназначались для связи с душой каменного фаллоса; выемки в нижней части колокольчика служили для его закрепления на деревянной подставке. В этом пла-

не предположение Дж. Бюхо напоминает о древней Тьямпе, где металлические колокольчики надевали на фаллические изображения для сохранения плодородия земли. Волнообразный узор на колокольчиках вполне мог быть символом плодородия. Данная теория никак не объясняет, с какими причинами связано снятие колокольчиков с каменных изваяний. Тем не менее, следует заметить, что последние открытия не исключают возможности наличия таких археологических комплексов, в которых колокольчики находились бы рядом с фаллическими символами.

КЕРАМИКА

В основном керамика эпохи Яёй изготовлена на гончарном круге, поэтому, по сравнению с изделиями эпохи Дзёмон, формы керамики Яёй не столь разнообразны; то же самое относится и к приемам декорирования поверхности сосудов. Более того, различия между типами керамики выражены сильнее — и это несмотря на то, что ремесленников-гончаров, которые работали в течение временно-го промежутка во много раз короче эпохи Дзёмон, было значительно меньше. В противоположность керамике Дзёмон, типы керамики Яёй имеют ярко выраженные отличия. В таблице приведены наиболее распространенные типы керамики; в ней отсутствуют изделия регионов, где керамики эпохи Яёй найдено немного — такие, как остров Сикоку, То-сан и средняя часть Тохоку (рис. 30).

Керамические изделия Яёй красноватого цвета, и, хотя они сделаны из разных глин, во всех случаях глина достаточно чистая. По сравнению с изде-

лиями эпохи Дзёмон керамика Яёй довольно тонкая; условия ее обжига стали более совершенными; внешний вид ваз, кувшинов, плошек и подставок свидетельствует об их утилитарном предназначении.

Все специалисты признают, что эта керамика имеет континентальные корни, однако первые изделия этого типа практически невозможно отличить от изготавливавшейся на севере острова Кюсю керамики завершающих этапов эпохи Дзёмон. Несмотря на то что влияние континента просматривается довольно четко, трудно определить, когда произошло фактическое принятие нового стиля, — ведь ситуация с керамикой отличается от ситуации с металлом. Не вызывает сомнения, что гончарный круг тоже попал в Японию откуда-то с континента, скорее всего из Кореи. Примерно до периода среднего Яёй — времени, когда влияние континента усилилось — он использовался не повсеместно. Подобно прочим артефактам этой эпохи, как иностранным, так и местным, которые в своеобразной обстановке Японских островов претерпели множество изменений и в результате превзошли любые прототипы на континенте, тот же путь прошел и гончарный круг.

Керамика Яёй впервые была обнаружена в к्�ёккенмёдинге Мукогаока в Яёй-тё сотрудниками Токийского университета, и уже десять лет спустя термин «Яёй» вошел в научный оборот. Сосуд с отбитым горлом, найденный в этой раковинной куче, до сих пор хранится в коллекции отдела антропологии университета. На острове Кюсю керамика впервые была найдена на берегу реки Онга в префектуре Фукуока, поэтому данный тип керамики получил название Онгагава. Из-за близости грунтовых вод эти сосуды сохранились лишь фрагментарно. Название Онгагава стало использоваться для обозначения

Даты	а. Кюсю	Кансай Тюгоку / юг Токая	Канто / юг Тохоку
- 300	1 2 3 4 5		Области распространения керамики эпохи Дзёмон
ранний		13 14 15 16 17	
- 100	6 7 8 9	18 19 20	26 29 31
средний			
+ 100			
поздний	10 11 12	21 22 23 24 25 26 27	32 34 36
+ 300			

керамики периода раннего Яёй на севере острова Кюсю; керамика среднего Яёй получила название Сугу по имени кладбища, на котором были обнаружены многочисленные захоронения; керамика позднего Яёй на западе острова Кюсю была названа Такамицума. Принимая во внимание тот факт, что мы имеем дело с промежутком времени примерно в два столетия, данные термины не слишком точны; при изучении керамики значительно удобнее рассматривать 75-летние периоды.

В предложенной С. Сугихарой таблице вместо наименования Онгагава используются названия Итадзуке (по имени места, где была найдена керамика эпох Цёмон и Яёй) и Татеясики (фактически это синоним самой ранней керамики Онгагава). Чтобы прояснить последний момент, скажу, что керамика

Рис. 30. Таблица типов керамики эпохи Яёй: 1), 2), 3) — Итадзуке, префектура Фукуока — тип Итадзуке; 4) и 5) Татеясики, префектура Фукуока — тип Татеясики; 6) Сугу, префектура Фукуока — тип Сугу; 7) Такахара, префектура Кагосима — тип Осуми; 8) и 9) Итадзуке, префектура Фукуока — тип Сугу II; 10) Исадза, префектура Фукуока — тип Исадза; 11) Уранона, префектура Кагосима — тип Сапума; 12) Сайсин, префектура Фукуока — тип Дзассё-но-Кума; 13) и 14) Карако, префектура Нара — тип Карако; 15) Катаяма, префектура Эхиме — тип Агата; 16) Карако, префектура Нара — тип Уривари; 17) Нисисига, Нагоя, префектура Айти — тип Нисисига; 18) и 19) Карако, префектура Нара — Кувадзу II типа; 20) Нисисига, Нагоя, префектура Айти — Кайда-тё II типа; 21) Карако, префектура Нара — тип Синдзава; 22) Уривари, префектура Осака — тип Синдзава; 23) Торо, префектура Сидзуока — тип Торо; 24) Мидзухо, Нагоя, префектура Айти — тип Мидзухо; 25) Такакура, Нагоя, префектура Айти — тип Такакура; 26) и 27) Уривари, префектура Осака — тип Ходзуми; 28) Хирасава, префектура Канагава — тип Сувада; 29) и 30) Минамиимияма, префектура Фукусима — тип Минамиояма; 31) Исеяма, префектура Канагава — тип Мияюдаи; 32) Урасима, префектура Канагава — тип Кугахара; 33) Сувада, префектура Тиба — тип Кугахара; 34) Маэно-тё, префектура Токио — тип Яёй-тё; 35) Синохара-тё, Иокогама, префектура Канагава — тип Яёй-тё; 36) Маэто-тё, префектура Токио — тип Маэно-тё; 37) Нагай, префектура Канагава — тип Маэно-тё. Высота № 24 23 см, остальные сосуды даны в том же масштабе, за исключением № 6, который изображен в $\frac{1}{8}$ реального размера

Итадзуке стала прямой наследницей типа Юсу — последнего вида керамики позднего Дзёмон. Для изделий Итадзуке характерно множество процарапанных по поверхности горизонтальных линий, утолщенные край горла и полоса у плечиков сосуда — оба с насечками (рис. 30, поз. 1). Керамику Итадзуке почти невозможно отличить от керамики Юсу. До сих пор нет полной ясности относительно того, к какой эпохе — Дзёмон или Яёй — принадлежит эта керамика. Если она относится к эпохе Дзёмон, то она вполне могла попасть в поселение раннего Яёй, и поэтому какое бы название ни дали керамике Онгагава, она все равно остается самой ранней.

Прежде чем использовать относящийся к эпохе Яёй термин, следует уточнить, чем отличается керамика этих двух эпох. Керамика Татеясики может быть гладкой или с отпечатками раковин — чаще всего это отпечатки зубчатого края створок раковин (рис. 30, поз. 4, 5). Насечки на ободке горловины сосуда сохранились, а сам ободок стал толще — это характерная черта всех изделий данного типа, в том числе и региона Внутреннего Японского моря. В свою очередь, сосуды этого региона имеют местные особенности, однако в целом для них характерны и утолщенный ободок горловины, и наличие горла, и выступающий «пояс» в самой широкой части сосуда. Этот тип керамики получил название Агата. Некоторые отличительные черты этого типа можно найти и в Кансае: например, у сосудов из Карако со слегка вывернутым наружу краем горловины, тем не менее, сохранился утолщенный ободок; кроме того, зачастую горло сосуда отделено от его основной части тройной линией (рис. 30, поз. 14). Изделия из Карако украшены различными нарисованными красной краской узо-

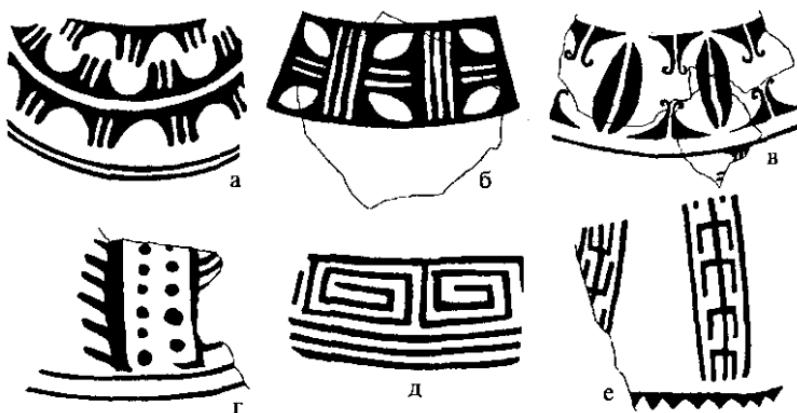

Рис. 31. Расписанные красной краской фрагменты керамики из Карако, префектура Нара

рами, в основном напоминающими стилизованные листья (рис. 31, фото 58). Эта своеобразная техника декорирования и орнамент появились внезапно и также быстро исчезли, оставив ученых размышлять над природой этого феномена. В данном случае мы имеем дело с местным феноменом, хотя в целом рисунок красной краской по поверхности сосудов в эпоху Яёй был распространен и в других регионах, в частности на острове Кюсю и юге Токая. Несмотря на то что керамика Карако декорирована главным образом растительным орнаментом, были найдены сосуды и с рисунками другого типа — с прямоугольными спиральями и Т-образными узорами, напоминающими украшавшие значительно более старые по возрасту бронзовые изделия китайского производства (рис. 31, д, е). Возможно, спирали — это одна из форм волнообразного орнамента, неизвестно как появившегося в Японии. Крышки многих сосудов расписаны узорами в виде «зубьев пилы», расположенных по радиусу листьев, кругов и т. д. Не исключено, что эти мотивы были

навеяны декором зеркал династии Хань I столетия до нашей эры.

Керамика типа Уривари также представлена в Каако (рис. 30, поз. 16). Она отличается расширенной горловиной, наличием ребер на различных частях сосуда (по сравнению с керамикой Агата это шаг вперед), более широкой средней частью сосуда и узкой нижней. Для сосудов типа Нисисига, найденных впервые в городе Нагоя, характерны зубчатый край горловины и грубый, но очень четкий процарапанный рисунок (рис. 30, поз. 17). Такой прием декорирования поверхности продолжали применять и в период среднего Яёй. В различных типах керамики и из различных мест мы видим как хорошо, так и плохо обработанную поверхность изделия. Возможно, в отдельных случаях это указывает на предназначение сосудов: для приготовления пищи или хранения продуктов.

Похоже, что характерная для эпохи Яёй керамика попала на равнину Канто лишь приблизительно в I веке до нашей эры — то есть в пограничный период между ранним и средним Яёй. В среднем Яёй на севере острова Кюсю доминирующее положение как по продолжительности существования, так и по размерам и количеству сосудов занимала керамика Сугу. Большие сосуды были необходимы для захоронений, и эти своеобразные гробы на удивление стандартных размеров и качества могли изготавливаться только в мастерских, специализирующихся на выпуске продукции такого рода (фото 41). Поверхность керамики Сугу лишена каких бы то ни было украшений, только около ободка горловины и в том месте, откуда стенки сосуда начинают сужаться к его нижней части, сделаны горизонтальные валики из глины (рис. 30, поз. 6). Вер-

хняя поверхность горловины плоская, Т-образная в сечении; по боковой части горловины иногда насыщены насечки. Возможно, предназначенные для захоронений сосуды и не требовали особого украшения, однако кухонная керамическая посуда украсена еще меньше, причем даже при наличии какой-либо декоративной отделки последняя сводится к декоративному оформлению края ободка изделия. Как маленькие, так и большие сосуды Сугу более поздних периодов часто просто покрывали красной краской.

На юге острова Кюсю существовали свои особые типы керамических сосудов. Обычно это грубые изделия, лишь отдаленно напоминающие сосуды с севера острова. Судя по керамике, контактов между северной и южной частями острова Кюсю практически не было, это подтверждается и очень малым количеством найденных на юге острова артефактов из металла. При этом с восточными и западными соседями как юг, так и север острова поддерживали отношения. Керамика эпохи Яёй найдена на острове Амамиосима в архипелаге Рюкю, а вот в южной части острова Кюсю она встречается нечасто, хотя наличие там значительного числа поселений эпохи Дзёмон указывает на то, что в неолите эта территория была довольно плотно заселена. Керамика Сугу смогла проникнуть в южные регионы, где под ее влияние попала керамика типа Осуми из Кагосимы (рис. 30, поз. 7). Тот факт, что изделия Осуми в основном (за исключением отдельных особенно примечательных случаев) лишены каких-либо украшений, скорее всего, объясняется влиянием типа Сугу. В керамике Осуми, одном из типов керамики позднего Яёй, появился гребенчатый орнамент, довольно близкий к приемам декорирования изделий

раннего Яёй, хотя и несколько отличающийся от него: так, по сравнению с типами керамики раннего Яёй в гребенчатом орнаменте Осуми насечки расположены вертикально и очень плотно друг к другу (рис. 30, поз. 12). В целом же этот способ украшения поверхности выбивается из общей тенденции отказа от ее декорирования. Вероятно, мода на характерный для изделий Сугу широкий и плоский ободок горловины и, возможно, также на тщательную отделку глиняных валиков проникла даже в самые отдаленные районы острова Кюсю, в частности в Миядзаки, в конце позднего Яёй.

Гребенчатый орнамент — это основной вид декоративного оформления керамики периода среднего Яёй в Кансае, причем мастера этого региона достигли достаточно больших высот в его создании (фото 57 и рис. 30, поз. 19). Часто этот орнамент переходит в волнообразный, который особую популярность приобрел в Карако (рис. 30, поз. 18). Местные гончары почти не уделяли внимания отделке края горловины сосуда, зато об украшении поверхности изделия они практически никогда не забывали. В более северных районах гребенчатый орнамент встречается редко; новомодные течения сначала лишь слегка затронули север — оплот шнурового орнамента, однако постепенно он начал сдавать свои позиции, и по мере продвижения керамики эпохи Яёй в глубь региона на изделиях все чаще стали появляться оба вида орнамента. В этих изделиях зональный шнуровой орнамент либо довольно близко копирует орнамент, которым в северных районах декорировали сосуды в эпоху Дзёмон (например, в керамике Минамиояма), либо используется для украшения всей поверхности сосуда (рис. 30, поз. 29, 30).

В Кансае в период позднего Яёй керамика Синдаава сменила керамику Куладзу с характерным для последней гребенчатым орнаментом. Сосуды Синдаава могут иметь поверхность как свободную от всяких рисунков, так и украшенную гребенчатым орнаментом, состоящим из сравнительно редких полос, часто принимающих вид зигзага (фото 53). Интересно, что у этих изделий появляется такая характерная особенность, как сильно расширенная верхняя часть сосуда (рис. 30, поз. 21). Слегка видоизмененная, она сохранилась у сосудов Яёй и после того, как эта керамика начала свое шествие по равнине Канто, а на севере Кансая верхнюю часть сосуда даже стали украшать шнуровым орнаментом.

Обнаруженные в городе Нагоя сосуды типа Ацути отличаются почти круглой нижней частью и узким основанием, иногда красной краской на них нанесен рисунок — например, по зигзагообразному орнаменту (фото 55).

Только единичные сосуды типа Торо декорированы шнуровым орнаментом, да и то часто он сочетается с процарапанным рисунком, а в отдельных случаях — с гребенчатым орнаментом (рис. 30, поз. 23). Нельзя утверждать, что длинные процарапанные полосы характерны только для керамики позднего Яёй, однако не вызывает сомнения то, что это отличительная черта всех сосудов второй половины данного периода. То же самое можно сказать и о лишенной рисунка и часто достаточно грубой поверхности этих изделий. Горло нескольких сосудов из Торо украшены небольшими глиняными шариками — в этом плане сосуды Торо напоминают сосуды Кугахара с равнины Канто, горло которых декорировано лепным ободком и зональным шнуровым орнаментом в форме зигзагов (рис. 30,

поз. 32). На сосуде из Яёй-тё когда-то тоже были такие же шарики и шнуровой орнамент на плечиках изделия. Если бы верхняя часть этого сосуда не была утрачена, он бы выглядел точно так же, как его собрат из Маэно-тё, префектура Токио (рис. 30, поз. 34). Нижняя часть сосудов, по форме напоминающих чашку со слегка вывернутым наружу ободком, постепенно удлиняется, и в итоге сосуд приобретает вид чашки на ножке. В таблице С. Сугихары этот окончательный вид изделия не нашел отражения. При раскопках многих поселений эпохи Яёй обнаружены подставки для сосудов с круглым дном или для каких-то иных целей. Многие считают, что данные подставки довольно часто использовались в церемониальных целях.

ОБЫЧАИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ

Бронзовые изделия эпохи Яёй — это символы светской власти с магической нагрузкой. Несмотря на то что точное предназначение этих изделий не всегда понятно, они все же имеют самое непосредственное отношение к религиозным обрядам. Замена прежних каменных и глиняных символов бронзовыми произошла тогда, когда в результате стабилизации экономической ситуации японцы стали больше полагаться на собственные силы и оценивать явления жизни с материалистической точки зрения. Новое отношение к силам природы и возлагаемые на эти силы новые надежды основывались на потребностях аграрного общества. Без сомнения, религиозные обряды были связаны с сельскохозяйственными сезонами и включали в себя принесение даров божествам, праздники и танцы в их честь.

Одним из таких обрядов и были «похороны» оружия и колокольчиков. Возможно, такой же ритуал проводился и с глиняными фигурками, которые были обнаружены в песчаном холме в Милюке Мацубаре рядом с деревней Кофудзи в префектуре Фукуока, ведь обстоятельства, в которых они находились, были схожими. Рядом с тем местом, где обнаружили монету Хучжуюань, были откопаны восемь довольно бесформенных фигурок (рис. 32).

Их высота в среднем около семи сантиметров, глаза и нос обозначены дырочками, у фигурок массивная нижняя часть, позволяющая им стоять без опор или подставок. Причудливый внешний вид этих изделий, резко контрастирующий со сдержанностью и даже строгостью фигурок эпохи Дзёмон, свидетельствует о том, что у них было иное предназначение. Вместе с ними находилась небольшая чаша. Поскольку для использования в каких-либо практических целях она слишком мала, можно предположить, что она предназначалась для отправления какого-то религиозного обряда и, вероятно, была специально закопана вместе с фигурками.

Интересные проблемы связаны с сосудами с изображением человеческих лиц, найденными в различных удаленных друг от друга местах. Таких изделий обнаружено довольно много. Похоже, они были изготовлены там, где культура эпохи Яёй все же сумела прорваться в изолированные от внешнего влияния центры культуры неолита. Итогом этого стало появление сосудов, характерных для эпохи

Рис. 32. Фигурка эпохи Яёй из Кофудзи, префектура Фукуока. Высота около 6 см

Яёй, но с присущими эпохе Дзёмон особенностями (фото 56). Такой сосуд был найден в префектуре Ибараки вместе с тремя другими. Обстоятельства, при которых они были обнаружены, позволяют предположить, что они были захоронены специально. Судя по форме данного сосуда, он, вероятно, предназначался для хранения зерна. Возможно, здесь мы имеем дело с редким случаем изображения на изделии божества-покровителя земледелия. Стоит добавить, что контур глаз и область рта обведены красной краской.

Практика подпиливания зубов по-прежнему сохранилась, однако к концу века бронзы и железа она сошла на нет. Представляет интерес один из черепов эпохи Яёй с острова Хирадо. В его куполе имеется небольшое отверстие — судя по всему, оно осталось от остро заточенного копья или пики (фото 46).

Глава 4

ПРОТОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Многоликость и сложность структуры обществаprotoисторического периода, полная интриг жизнь и насильственная смерть как результат любовных похождений и профессиональных занятий, показанные на примере императорского двора и знати, описаны в ранней японской классической литературе: в хрониках «Кодзики» и «Нихон Сёки» (последние известны также под названием «Нихонги») — «Дела минувших лет» и «Анналы Японии» соответственно, если, конечно, У. Астон правильно перевел эти названия. В течение многих столетий описываемые в хрониках события передавались из уст в уста; «Кодзики» были записаны только в 712 году, а «Нихон Сёки» — в 720 году нашей эры. Цель записи этих сказаний заключалась не только в том, чтобы, основываясь на исторических событиях, доказать преемственность власти императоров, но и в том, чтобы еще раз подчеркнуть законность претензий определенных племенных кланов на эту власть. В хрониках делается упор на первенство этих кланов, пользующихся божественным покровительством и на полях сражений регулярно отстаивающих свое право быть первыми. Для этого были привлечены многочисленные источники, в результате объединения которых получилось сложное сочетание явной мифологии, китайских и корейских исторических сказа-

ний и легенд, полуисторических приключений и фактических событий. Временами хроники поднимаютсѧ до уровня эпоса, созданного под влиянием литературного вдохновения, но чаще они очень приземленные и даже примитивные. Они представляют интерес как сочетание очень увлекательных сказок и фантазий, требующих толкования с точки зрения символизма, со вполне правдоподобным изложением событий. В хрониках очень сильно ощущается влияние китайской литературы; собственно говоря, «Нихон Сёки» сразу были написаны на китайском языке, и обе хроники были записаны китайским письмом.

Мы имеем возможность лишь кратко рассказать о значении, которое имели эти книги, и остановиться на их содержании. Запись обеих хроник преследовала одни и те же цели; в них приводятся одни и те же, только с небольшими вариациями, мифы. Информация исторического характера в основном тоже одинаковая, хотя в «Нихон Сёки» ее больше. К древним преданиям обратились для того, чтобы рассказать об истории создания империи, хотя записаны данные хроники именно в поздний период, и подтверждением этого является использование слов и понятий, характерных для того времени, когда уже привычными стали железные и бронзовые мечи, зеркала и другие предметы. Согласно хроникам, события развивались вполне логично — сначала появились боги, потом острова, которые через некоторое время были заселены богами; при этом никаких временных привязок в текстах нет. В первой части «Кодзики» безошибочно узнается влияние китайской философии с ее дуалистской (*ян—инь*) концепцией Вселенной: материя начала стущаться, но ни сила, ни форма еще не появились; тем не

менее, небо и земля уже разделились, и три божества начали процесс созидания; потом возникли Активная и Пассивная сущности, давшие начало всему живому. После этого были созданы Луна и Солнце. В долине Высокого неба боги-родоначальники произвели пять поколений небожителей, которые были поселены на землю. В седьмом поколении богов родились Идзанаки и Идзанами — «царственный мужчина» и «царственная женщина». Эти два бога создали Восемь островов.

«Восемь островов» не являются островами в полном смысле этого слова, скорее это местность на юге Японии. Согласно преданиям, боги определили центр земли — им оказался остров под названием Оногоро, вероятно расположенный неподалеку от острова Агадзи. Если воспринимать сказанное буквально, то возникает вполне правомерное предположение: территория, находившаяся под контролем правителя, по инициативе которого были записаны устные рассказы, распространялась вплоть до равнины Канто. На Оногоро был установлен священный Столб Неба. Через некоторое время были созданы другие острова. Идзанаки и Идзанами породили множество богов, среди них была и богиня Солнца Аматэрасу — настолько красавая, что ее отправили на небеса и назначили там верховной богиней. После Аматэрасу у Идзанаки и Идзанами родились бог Луны и бог грозы. Последний получил имя Сусаноо; из-за своего ужасного характера и поступков, вызывавших гнев и осуждение всех небожителей, он пользовался дурной славой: он осквернил зал, где шло празднество, содрал шкуру с пегого жеребца, портил тропинки между рисовыми полями и совершил другие «подвиги». Как говорится в хрониках, по прошествии определенного времени

острова вышли у небес из-под контроля — возможно, это означает, что воинственно настроенные племена предприняли попытки отстоять свою независимость. Тогда боги поручили внуку богини Аматэрасу отвоевать у людей землю и вернуть ее богам. Вооруженный тремя символами — драгоценным камнем, мечом и зеркалом, — которые придавали ему смелость и одновременно защищали его, он спустился на землю на юго-востоке острова Кюсю. Впоследствии именно оттуда отправился один из его потомков на поиски места, откуда удобнее управлять своими владениями. Имя этого человека было Каму-ямато-ихаребико, в 660 году до нашей эры он стал первым императором Японии Дзимму-тэнно. Легенды говорят, что правил он более ста лет. За это время он собирали и перегруппировывал свои силы, путешествовал по воде на север острова Кюсю, переплыval Внутреннее Японское море; после того как он прошел все земли там, где ныне находится префектура Осака, он обследовал весь полуостров Кии в поисках подходящего места для возведения храма в честь богини Аматэрасу, нашел его (в настоящее время оно известно как «храмы Исэ») и водрузил знамя этой богини в Касиваре на равнине Ямато.

Таким образом, семья императора Дзимму получила законное право называть себя верховной властью; она справилась с трудной задачей объединения враждебно настроенных по отношению к ней племен под своим началом, однако даже хроники не пытаются приукрасить этот процесс, говоря, что он был безболезненным и бескровным. В китайских хрониках, повествующих о «стране ста царств» (тридцать из которых находились под сильным влиянием континента), исторические события тоже да-

ются слишком упрощенно и чрезмерно подчеркивается стремление царств к единству.

Фактически в хрониках переплелись три различные легенды, и они не слишком хорошо стыкуются между собой. Похоже, что легенда, рассказывающая о событиях на острове Кюсю, самая ранняя из трех. Вторая легенда существует в местности Идзумо, известной в наши дни благодаря своему знаменитому комплексу храмов. Третья — это скорее исторические хроники, в которых рассказывается о деяниях и периодах пребывания у власти правителей равнин Ямато. По преданию, жители Идзумо славились своим трудолюбием и мастерством, поэтому за лучшими ремесленниками императорский двор специально посыпал в этот регион. Вполне возможно, что это были главным образом корейцы — ведь в более поздние времена, с приходом буддизма, при изготовлении изображений для храмов они считались непревзойденными мастерами. В любом случае (и здесь у двух легенд находится точка соприкосновения) в конце концов был достигнут следующий компромисс: население Идзумо признало светскую власть правителей равнин Ямато верховной, получив взамен определенную долю власти религиозной.

Трудно сказать, почему Дзимму-тэнно отправлялся в свои походы именно с юго-востока острова Кюсю, если только он не был родом из живущего в тех местах племени и по пути к Кансаю не собирал своих сторонников. Сомнения относительно правдивости этой части легенды возникают потому, что юг острова Кюсю в эпоху Яёй, когда, судя по всему, должен был жить этот император (при условии, что это не выдуманный персонаж), был очень бедным и находился в стороне от основных дорог. По сравнению с Кансаем и могильники появились там

тоже значительно позже; в целом совершенно очевидно, что юг Кюсю развивался под влиянием равнинны Ямато, а не наоборот. Если бы Дзимму приплыл на земли Кумасо с чужого берега, то, возможно, недружелюбно настроенный Кумасо вынудил бы его их покинуть.

Племенные кланы равнинны Ямато конечно же постепенно укрепляли свои позиции и расширяли подконтрольные территории. Некоторые эпизоды из жизни этих кланов описаны в тех местах хроник, где рассказывается о наиболее важных событиях периодов правления различных императоров после правления в III веке нашей эры Судзина. Вероятно, на западе Японии в числе правителей были и женщины, так как в китайских хрониках говорится о Японии как о стране, где правят императрицы; императору Судзину почти удалось покорить одну из правительниц.

Походы против Кумасо на юг острова Кюсю совершились по велению императора Кейко. Во главе войска стоял сын Кейко, он же возглавлял и походы на север, в Токай, — там где-то на территории нынешней префектуры Токио он воевал с местными племенами. Позже, во времена Тюая, предпринимались и другие попытки поставить Кумасо на колени, во время одной из них погиб и сам император.

Одним из самых значительных событий данного полуисторического периода был поход императрицы Дзинго против государства Силла в Корее. Судя по всему, это случилось в 200 году нашей эры, однако не исключено, что данная экспедиция имела место в 346 году нашей эры, о чем сохранились упоминания в летописях Силлы. Успех военной кампании обе стороны оценивали по-разному, тем не

менее, после ухода со сцены этой императрицы японцы поддерживали с Кореей очень тесные связи, и Япония фактически контролировала южные районы Кореи, в частности небольшое княжество Мимана. Завоевателям с Японских островов удалось также покорить два княжества — Пайкхе и Силлу; с Пайкхе, которое было послабее, у японцев сложились хорошие взаимоотношения. В итоге именно из Пайкхе, находившемся в дальнем конце полуострова, в Японию проник буддизм.

Документирование контактов такого рода Японии с Китаем началось задолго до принятия буддизма. После III столетия (а о контактах с континентом свидетельствуют довольно многочисленные находки китайских зеркал в захоронениях в Японии) прямые связи Японии с Китаем сократились, а с Кореей, наоборот, резко возросли. IV, V и VI века были периодом миграций, когда на Японские острова перебирались целые группы населения; приход в Японию буддизма — это всего лишь эпизод, хотя и имеющий особую важность в истории длительных и тесных взаимосвязей островов с континентом. В VII веке китайская культура вновь стала для японцев основным образцом для подражания, а упоминания о различных событиях на континенте нашли отражение в японских хрониках.

Надежность приводимой в японских хрониках до V века датировки вызывает большие сомнения, что подтверждается и их сравнением с корейскими и китайскими анналами. Однако уже с самого начала V века японские хроники постепенно приобретают все большую точность. В соответствии с хрониками, за почти 500-летнюю историю в Японии было несколько правителей, находившихся у власти неправдоподобно долго — слишком долго даже

несмотря на то, что, согласно одной китайской летописи, на западе Японии было множество долгожителей. Другие данные о периодах правления императоров отсутствуют. Примерные годы правления приведены в прилагаемом к настоящей книге списке императоров, правивших до прихода буддизма в Японию; если годы жизни правителя указаны в каких-то исторических документах, то его имя включено в этот список. Чем ближе по времени к моменту записи хроник годы жизни и правления императоров, тем более реальными выглядят цифры.

Хотя древние хроники не претендуют на реалистичное описание жизни общества, однако и по ним можно достаточно много узнать о его структуре. Из хроник понятно, что императора и элиту общества обслуживали рабы, торговцы, ремесленники и мелкая знать. Судя по всему, рабов было не очень много: вероятно, ими становились военнопленные. К крепостным, или, по крайней мере, к тем, кто был лишен свободы передвижения и выбора рода занятий по своему желанию, относились и работники, пополнявшие ряды гильдий ремесленников. Род занятий их членов определялся главным образом родом занятий их родителей; продукция ремесленников предназначалась в основном для знати. Эти гильдии (*бэ*) выпускали самые разнообразные товары; и до настоящего времени последний слог в некоторых японских фамилиях указывает на род занятий предков их обладателей. По мере того как структура общества усложнялась, образовывалось все больше гильдий. Существовали гильдии гончаров, писарей, рыбаков, ткачей, военных, предсказателей, актеров, повитух и так далее — в общем, они охватывали людей практически всех профессий. По своей сути к гильдии очень близка корпо-

рация (*тому*); оба эти объединения обычно были тесно связаны с племенным кланом — они давали ему возможность обеспечивать себя всем необходимым, предоставляя ему работников любых специальностей. В этом сугубо патриархальном обществе глава клана получал власть по наследству; в свою очередь, он присягал на верность главе императорского клана — то есть самому императору. Таким образом, император осуществлял свою власть над подданными через главу каждого племенного клана. Разумеется, между собой многие кланы находились в тесном родстве. Степень знатности клана в значительной мере зависела от числа членов клана и размеров подконтрольной ему территории. При феодальной системе контроль, возможно, не был очень жестким, однако те, которые вступили в игру позднее, не получили таких благ, как их более активные собратья. Незыблемость данной свыше императорской власти фанатично охранялась; статус императора был священным.

ОБЩИНЫ

Если могильные курганыprotoисторического периода (их насчитывается более 10 тысяч) без особого труда может заметить и весьма далекий от археологии человек, то поселение общины — это редкая находка даже для специалиста. Местонахождение большинства поселений выявляют по наличию среди мусора фрагментов керамики периода Хэйдзи и остатков предметов из железа. Изделия из бронзы, а также керамика Суэ и Хэйдзи в раковинных кучах свидетельствуют о том, что в protoисторический период в отдельных регионах морепродукты по-пре-

жнему занимали одно из основных мест в рационе человека. Явного предпочтения какому-то конкретному типу жилищ вprotoисторический период не отдавали: существовали как полуземлянки, так и построенные на поверхности земли и приподнятые над ней на столбах сооружения. Например, в Хираиде, процветающем поселении периода Хэйдзи, насчитывалось 49 полуземлянок: в плане все они были почти квадратными (об этом говорят четыре ямки от столбов), а вдоль одной стены располагались каменные или глиняные печи для приготовления пищи.

Обнаруженные в насыпях крупных могильных курганов модели из глины (*ханива*) жилых домов и других строений представляют собой источник самой точной информации о том, как выглядели деревенские и городские дома, склады и амбары, резиденции императоров и религиозные здания. По сравнению с очень небольшим количеством сведений о постройках эпохи Яёй информации о строениях protoисторического периода так много, что невольно закрадывается подозрение, что, возможно, архитектуру эпохи Яёй мы оцениваем не совсем правильно. Следует добавить, что в восстановлении облика жилищ этого периода помогают и другие источники: например, на бронзовом зеркале начала V века, обнаруженному в могильном кургане в префектуре Нара, изображены четыре здания; при реконструкции синтоистских храмов сознательно и намеренно стараются сохранить их первоначальный облик; в древних хрониках имеется множество упоминаний о частях целых зданий, которые можно было соединять друг с другом, чтобы получать что-то новое.

Если предположение о том, что великие архитектурные достижения относятся ко времени периода

могильных курганов, верно, то, возможно, это объясняется следующим: увеличение контактов с Кореей и оптовые поставки изделий корейских мастеров оказали благотворное влияние на уровень мастерства японских ремесленников, в результате чего он возрос до континентального. Корейские плотники могли показать своим японским коллегам, как при возведении стен и крыш использовать пиломатериалы, как строить на основе точного плана, как при помощи расположенных через равные промежутки окон подчеркивать линейность. Похоже, что тогда же появились и такие новшества, как циновки для стен, и, судя по внешнему виду ханива, штукатурка. Фронтоны стали укреплять наличниками — широкими досками, закрывающими фронтонные стропильные ноги; в двухэтажных зданиях начали полностью использовать оба этажа; вход, по континентальному образцу, переместился на длинную южную сторону. Конечно, вероятно, в основном эти изменения происходили постепенно, однако уже к V веку они были известны и часто применялись при строительстве зданий.

Существовало два основных типа зданий: первый свидетельствовал о пристрастии хозяев к новизне, владельцы домов второго типа отдавали дань традиции (рис. 33, *a—e*). Строений первого типа было больше, это были городские дома и амбары знати, они отличались сложным дизайном, в строительстве использовались пиломатериалы, в том числе и обрешетка под штукатурку. Здания второго типа возводились в сельской местности, это тоже были жилые дома или амбары; в них чувствуется наследие неолита: при строительстве использовались деревянные столбы и шесты, стены штукатурили жидкой грязью, крыши покрывали соломой (рис. 33, *ж—к*).

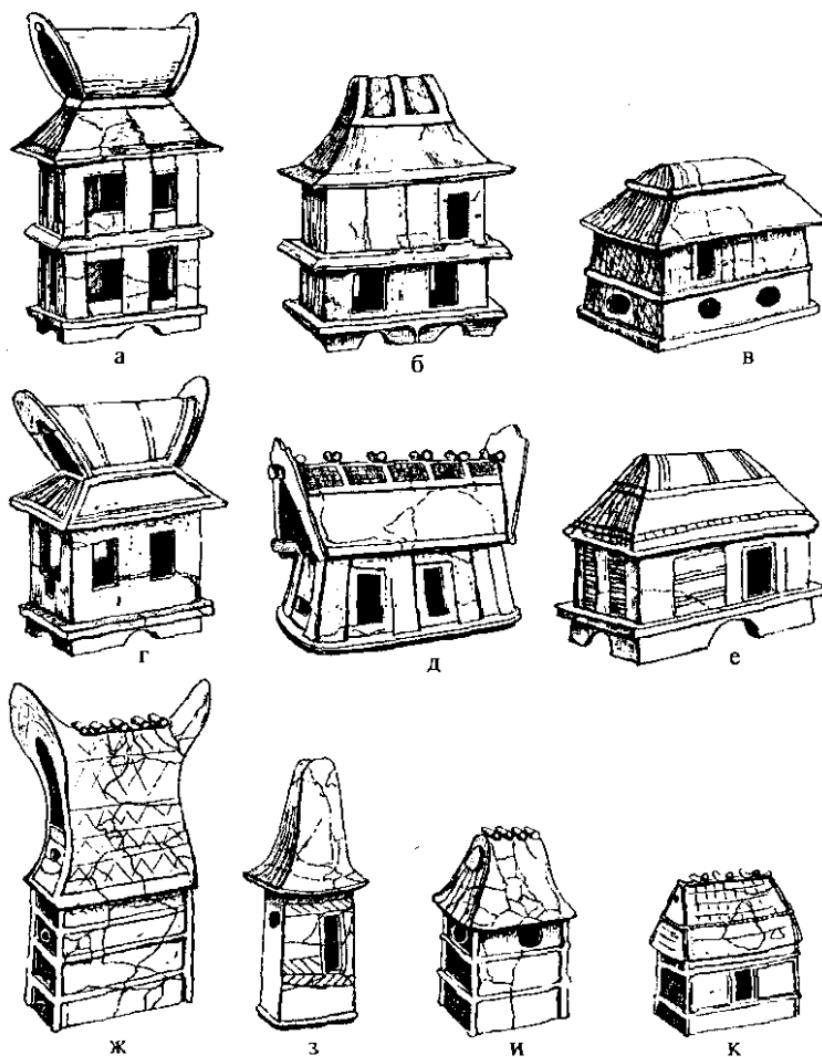

Рис. 33. Выполненные в технике ханива модели жилых и хозяйственных построек: а — Минамиками, префектура Хиого; б — Инарияма, префектура Гумма, высота около 45 см; в, д — Акабори, префектура Гумма, высота ϑ 45 см; г — Тобияма, префектура Нара, высота 40 см; е — Сакураи, префектура Нара; ж — Минамиканая, префектура Сайтама; з — Мияке, префектура Нара; и — Иседзаки, префектура Гумма; к — Симомасуда, префектура Мияги

По-прежнему делали полуземлянки, иногда их строили в комплексе с сооружениями иных типов — такой комплекс зданий изображен на знаменитом зеркале, хотя, с моей точки зрения, эта полуземлянка — скорее большое хранилище, чем зимнее жилище хозяина усадьбы (фото 89). Часто археологам встречаются только крыши ханива, причем положение, в котором их находят, указывает либо на то, что данная двускатная крыша была установлена над полуземлянкой, либо на то, что крыша сама по себе стала приобретать эстетическое значение. Некоторые из этих крыш имеют очень причудливый вид, они устроены значительно затейливее, чем крыша здания из Минамиканай в префектуре Сайтама (рис. 33, ж). Их необычные формы невольно заставляют задуматься над тем, что это в действительности — реально существовавшее когда-то сооружение или же плод воображенияprotoисторического мастера. Ханива жилых зданий и хозяйственных постройек находят повсюду, начиная с юго-востока острова Кюсю, вдоль побережья Внутреннего Японского моря, включая Кансай и кончая центральными горами. Самая интересная коллекция ханива, состоящая из восьми моделей, ни одна из которых не была похожа на другую, была обнаружена при раскопках могильного кургана Тяусуяма в Акабори, префектура Гумма. Как бы то ни было, «съемные» крыши найдены учеными главным образом в префектурах Гумма и Тотиги, датируются они серединой периода могильных курганов.

Ханива одного необычного здания из земель Ку-масо на острове Кюсю, возможно, является ключом к загадке упоминаемого в литературе муро — в ранние периоды его использовали в качестве жилища типа землянки, а позднее — в качестве ледника. Оно

могло служить залом для торжественных приемов, ведь подобное большое помещение было выкопано по приказу императора Дзимму: в этот зал он пригласил своих врагов, которые вошли в него, не подозревая о том, что оказались в ловушке, и после трапезы были убиты. Не исключено, что полуzemлянки для знати надстраивались сверху более капитальными сооружениями. Основная часть дома из Миядзаки возведена над полуземлянкой, затем были пристроены боковые крылья с двускатными крышами, а спереди и сзади здания — еще по небольшому домику, напоминающему аккуратные портики с двускатной крышей конькового типа. Под какой-то из этих портиков должен уходить наклонный пандус. Дворцовый характер сооружения заставляет вспомнить приведенную в «Нихонги» одну из историй о правлении Нинтоку — императора столь доброго и милосердного к своему народу, что ухудшающееся состояние собственного дворца он считал менее важным, чем процветание родной земли. В «Нихонги» приводится рассказ об этом императоре, вероятно несколько приукрашенный: стоявший в столице Нанива (префектура Осака) Такацу — дворец императора настолько обветшал, что «с пристроек и самого здания осыпалась штукатурка, с балок двускатной крыши, конькового бруса и столбов отвалились украшения, покрывавшая крышу солома торчала неаккуратными пучками. Происходило это потому, что ради удовлетворения собственных прихотей император не мог отвлечь людей в сезон сельскохозяйственных работ». Подневольный труд был на время отменен; дворец превратился в руины, однако три года спустя, когда страна превратилась в процветающую, по воле народа был построен новый дворец. В хрониках не говорится, как долго продол-

жалось его возведение, однако «...люди сами, без надсмотрщиков, помогая старым и направляя юных, подвозили древесину, носили на спинах корзины (с землей) и, не жалея сил, сменяя друг друга, работали на строительстве день и ночь. Таким образом все помещения дворца довольно скоро были готовы». Хотя столь явный альтруизм Нинтоку наводит на мысль, что вся эта история была позаимствована из китайской исторической литературы, некоторые утверждения все-таки заслуживают внимания. С моей точки зрения, неподневольный неквалифицированный труд требовался для перемещения больших масс земли в том случае, если дворец состоял из нескольких помещений и под ними было необходимо вырыть ямы. Не исключено, что данный ханива свидетельствует о том, что существовали дворцы разных типов, и это был один из них. Возможно также, что он для торжественных приемов был каким-то образом связан с императорским дворцом, имеющим вход и три расположенных в стратегических точках караульных помещения.

Построенные на поверхности земли дома знати обычно были одноэтажными, очень часто с коньком на двускатной крыше или с сильно выступающим наличником на фронтоне; коньковый брус выступал за наличник; два горизонтальных коньковых прогона придавали всей конструкции дополнительную прочность (рис. 33, д). Похоже, что именно ханива были предтечей двухэтажных сооружений с двускатной крышей конькового типа и с двускатной крышей ломаных линий, при этом, в свою очередь, последний тип крыши стал прообразом характерных крыш буддийских храмов. Кто-то может подумать, что в высоких зданиях делали дополнительный этаж в расчете на то, что со временем он

уйдет в землю, — подобно тому, как в землю втыкаются полые цилиндрики, на которых сверху закреплены фигурки людей или животных, — однако все вертикальные опоры этих зданий не столь высоки и расположены в основном над землей, а не в земле и, как складывается впечатление, в дополнительной поддержке не нуждаются. Только в одном-единственном случае отверстия в нижней части здания напоминают дырочки в цилиндрах с фигурками наверху и указывают на то, что данное сооружение частично было погружено в землю (рис. 33, в).

Высокие, узкие здания южного типа на сваях, которые строили уже к I веку нашей эры (судя по датировке колокольчика), уступили место более массивным, похожим на традиционные японские амбары домам. Правда, эти массивные здания либо не пользовались популярностью у мастеров ханива, либо эти мастера не считали необходимым делать точные копии таких сооружений. На зеркале (фото 89) изображены два здания на сваях с крышами разных типов. У одного из зданий точно такая же, как на колокольчике из Кагавы, скошенная книзу двускатная крыша, а по углам сделаны выступы V-образной формы. У второго строения, более прочного с виду, имеется лестница, ведущая на превращенный в балкон этаж дома; лестница снабжена перилами — вероятно, это указывает на какое-то особое предназначение данного строения. На крыше этого дома, единственного из всех, нет птиц, что может объясняться недостатком места, однако вокруг самого дома немало интересного: реалистичное, нестилизованное изображение деревьев между зданиями делает их легко узнаваемыми; предмет, наклоненный влево, — это, вероятно, своего рода экран для

защиты от палящего солнца, закрепленный над небольшим внутренним двориком. Относительно центра зеркала и деревья и экран расположены по радиусам. Заполняющие свободное пространство с левой и с правой сторон от дома геометрические узоры лучше всего сохранились на этом участке зеркала, они явно позаимствованы из декоративного убранства китайских зеркал. Правда, не исключено, что эти узоры несут смысловую нагрузку и обозначают наличие в непосредственной близости от жилых строений и амбаров рисовых полей.

К возведению зданий на сваях прибегали при строительстве храмов еще в ранний период; создается впечатление, что к зданиям свайного типа относился и дворец Дзимму-тэнно, пока тот еще жил на острове Кюсю. Как повествует «Нихон Сёки»: «Они (местная знать) построили дворец, стоящий над землей на одном столбе...» Совершенно очевидно, что эти строения были временными резиденциями императора, поскольку он постоянно находился в походах или путешествиях. Однако чуть ниже, в той части «Нихон Сёки», где повествуется о его безвылазном трехлетнем пребывании в местности Киби (ныне территория префектуры Окаяма на побережье Внутреннего Японского моря), особо отмечено, что резиденцией императора был «временный дворец». Конечно, в обстоятельствах того времени любой традиционный комплекс дворцовых сооружений строился бы очень долго.

Кроме дворца Дзимму, в древних хрониках есть упоминание о том, что император Суинин перестроил храм Идзуумо, сделав его копией собственного дворца, — наверное, это можно расценить как свидетельство того, что императорские резиденции возводили на поднятых над землей платформах. Воз-

несенный над землей дом и в буквальном и в символическом смысле говорил о почти богоподобном положении его владельца. В данном случае идет речь о том, что определенные архитектурные особенности могли иметь только соружения, принадлежавшие верховным правителям. Согласно другой легенде, явно появившейся в пропагандистских целях, император Юриаки сильно разгневался, увидев дом своего вассала, управлявшего княжеством Сики. Дело в том, что, в подражание императорскому дворцу, на крыше дома было сделано *кацуоги* — то есть по-перек конькового бруса положены бревна сигарообразной формы. Император сначала приказал своим людям сжечь дом дотла, но в конце концов он отменил это решение: управляющий, называя себя рабом императора (кстати, Юриаки называл его так же), в страхе признал, что он «переусердствовал со строительством», и принес в жертву августейшему монарху белую собаку. Этим кацуоги и тиги (*тиги* — продление линии фронтона) по-прежнему придается особое значение в синтоистских храмах, в большинстве которых ревностно оберегают незыблемость древних форм. Претензии императорской семьи на божественное происхождение, что вполне логично, нашли отражение в архитектуре, поэтому архитектура дворцов и храмов имеет много общего.

ЖЕЛЕЗО

Постепенно все большее значение в жизни протоисторического общества стал приобретать такой имеющий широчайшую область применения металл, как железо. Как правило, реальная роль железа при защадке основ экономики страны отступает на второй

план, она не находит должного отражения в литературе, где о железных мечах, щитах, доспехах и тому подобных вещах почти всегда говорится только как об оружии и подарках. Пока не удалось определить, где преимущественно осуществлялась обработка железа, — в других странах или на Японских островах, одинаково возможны оба варианта. Тем не менее, к периоду среднего Яёй на равнине Канто железо уже было хорошо известно: такой вывод можно сделать, исходя из того, что в археологическом памятнике Акасака (город Миура, префектура Канагава) керамика этого периода была найдена вместе с изделиями из железа, в частности с железными топорами. Это может указывать на то, что к данному моменту железо уже попало в регионы, которые позднее оказались на территории государств периода могильных курганов.

Именно в могильниках смогло сохраниться то небольшое количество артефактов из железа, которое удалось найти на сегодняшний день. Как правило, это предметы бытового и ритуального назначения, связанные с жизнью высших слоев общества, однако интересно, что среди них иногда вдруг встречается какой-нибудь сельскохозяйственный инвентарь — несомненное свидетельство того, что покойному принадлежали обширные рисовые поля. Стоит заметить, что со временем эпохи Яёй сельскохозяйственные орудия изменились очень мало. Грабли делали с тремя или четырьмя зубьями, обух топора приобрел несколько другой вид, пилы были короткими, и поэтому при работе требовалось совершать очень много движений. Кроме перечисленных, в повседневной жизни пользовались следующими орудиями труда из железа: ножницами, серпами, рыболовными крючками, гарпунами и наконечниками копий самых разнообразных форм.

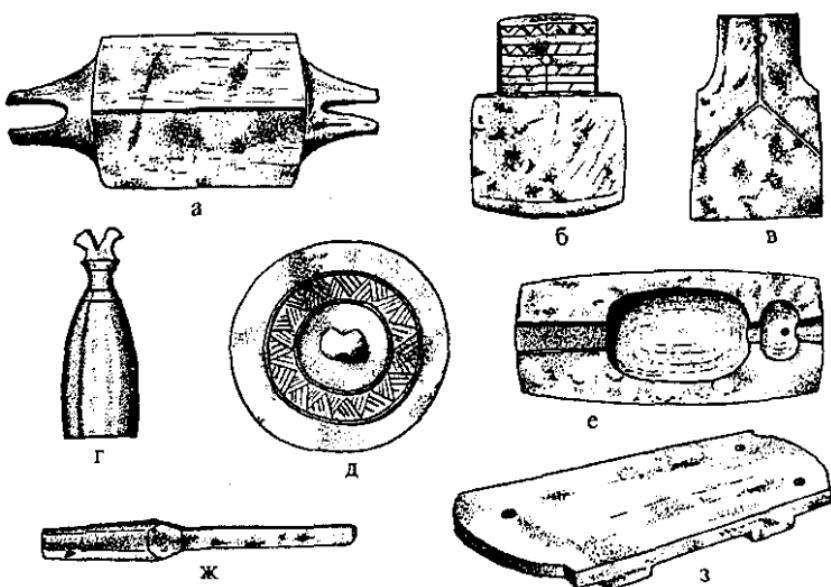

Рис. 34. Каменные копии инструментов и изделий хозяйственного предназначения из захоронений; а — веретено, Минамитатибана, префектура Гумма; б — топор, Сакай, префектура Осака; в — топор, Самида, префектура Нара, высота 4,5 см; г — пест, Акасака, префектура Гифу, высота 8 см; д — зеркало, место обнаружения неизвестно; е — корыто, Тамагава, префектура Токио; ж — долото, Самида, префектура Нара; з — сабо, Охарано, префектура Киото

В тех случаях, когда по бесформенным фрагментам сложно понять, каков был первоначальный вид артефактов, эту проблему нам помогают решить сохранившиеся в захоронениях каменные копии железных, бронзовых и деревянных изделий (рис. 34). Обычно эти небольшие по размеру каменные копии предметов сделаны из зеленого стеатита, тщательно обработаны и довольно часто покрыты красной краской. Такие копии — характерная черта раннего этапа периода могильных курганов; больше всего их находят в захоронениях в Кансасе, на равнине Кантю и в горных районах к западу от нее — то есть там, где железа было достаточно много. Однако в этой

связи стоит особо отметить, что на равнине Канто бронза была практически неизвестна. Поскольку отдельные могильники содержат весьма значительные количества изделий данного типа, можно предположить, что явление копирования свидетельствует о том, что на момент устройства захоронения у людей не было возможности положить в него оригиналы самих изделий. Также нельзя исключать, что люди предпочитали оставлять оригиналы предметов себе для дальнейшего использования, а в могилы класть их копии. Из огромного числа разнообразных изделий в книге мы можем привести рисунки лишь небольшой их части, причем следует оговориться, что некоторые из них имеют явно церемониальное предназначение. Производство деревянной утвари и других товаров из дерева (например, пестов для ступок и башмаков сабо), вероятно, осуществлялось в соответствии со строгой системой стандартов, если оно вообще не было массовым (рис. 34, 2, 3). Изготовление каменных копий этих изделий требовало большего времени, усилий и даже более тщательного выбора материала, чем создания их оригинала — в этом заключается парадокс, объяснить который не так-то просто.

МОГИЛЬНЫЕ КУРГАНЫ

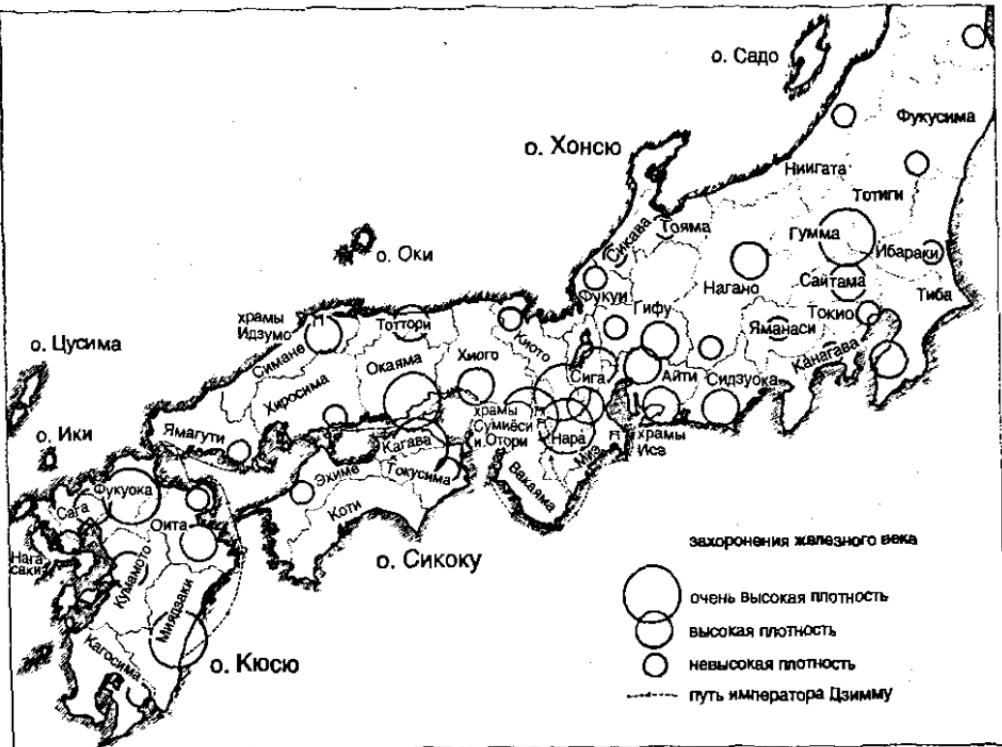
Из-за того, что поселений, относящихся кprotoисторическому периоду, найдено слишком мало, особую важность для археологов приобретают могильные курганы. Являясь наглядным доказательством существования огромной разницы между жизнью аристократии и крепостных, они в то же время говорят о том, что поселения процветали, амбары

были полны, правители успешно руководили подчиненным им народом, а жители — по крайней мере высшие слои общества — несомненно, гордились своими достижениями. Да и на современного человека величественность этих сооружений производит глубокое впечатление, оставляя на втором плане социальные условия, при которых стало возможным возведение таких великолепных мавзолеев.

Места для могильных курганов раннего этапа, что вполне логично, выбирались в высоких точках, откуда открывался хороший обзор окрестностей, — на склонах гор, обращенных к долинам, земля которых всегда ценилась очень высоко. В среднем этапе могильные курганы, как правило, возводили на равнинах, причем эти грандиозные сооружения зачастую сами были похожи на горы в миниатюре и были видны за много километров; иногда, в соответствии с личными предпочтениями и топографическими условиями, были возможны и другие варианты. Могильные курганы позднего этапа строили как на равнинах, так и на склонах гор: возможно, это объяснялось тем, что наиболее подходящие участки были уже заняты. Скорее всего, обычай курганных захоронений пришел на Японские острова из Кореи и попал прямо в центр культуры Ямато, где для этого имелись благоприятные условия: наличие рабочих рук и желание местных правителей сначала возвести такие же сооружения, а затем и превзойти континентальные образцы. Это произошло в Кансае в конце III столетия или в начале IV. В течение одного столетия новое веяние переняли местные правители и начальники рангом пониже в регионах к западу (по всему побережью Внутреннего Японского моря и на острове Кюсю) и востоку (на равнине Канто и дальше) от Кансая. V век был

полон контрастов: с одной стороны, он стал периодом возведения самых больших по размерам могильных курганов, включая захоронения императоров Нинтоку и Ритю — достоверность принадлежности этих захоронений весьма высока и традиционно не оспаривается; с другой стороны, могильный курган императора Юриаки имеет очень скромные размеры и выглядит слишком просто — принадлежность данного захоронения вызывает сомнения, ведь Юриаки находился у власти в течение двадцати лет и за это время мог бы успеть соорудить себе более серьезный мавзолей. Средний этап периода могильных курганов заканчивается с завершением V века; VI и VII века, даже несмотря на начало принятия буддизма, относятся к позднему этапу этого периода.

По концентрациям могильных курганов можно судить о границах наиболее населенных территорийprotoисторического периода; в основном эти концентрации уже хорошо известны, в том числе и по частым упоминаниям в литературе (карта 5). Всего насчитывается пять наиболее крупных сосредоточений могильных курганов, три из которых — вдоль побережья Внутреннего Японского моря, на острове Кюсю и на территории префектур Осака, Киото и Нара — являются своего рода этапными по пути к Кансаю. Самая южная концентрация могильных курганов находится на острове Кюсю. Несмотря на все «грехи», в которых обвиняли юго-восток острова Кюсю, — злословием в адрес этого региона особенно отличались авторы «Нихон Сёки», что вполне объяснимо, ведь местные племена никак не удавалось покорить, — равнина Садовара буквально усыпана могильными курганами, чему, вероятно, может быть только одно объяснение: за довольно короткий срок

Карта 5. Сосредоточения могильных курганов железного века

естественной или насильственной смертью умерла значительная часть местного племени. Этот регион отделен от основной части острова горами, в него можно было попасть главным образом по морю — вот почему Дзимму-тэнно был вынужден отправиться в плавание. Самый северный регион, где имеются концентрации могильных курганов (попутно следует сказать, что даже в эпоху Дзёмон данные территории были плотно заселены), — это высокогорные районы восточной части префектуры Гумма, расположенные строго к северу от равнины Канто и примыкающие к префектуре Сайтама. Кстати, в долинах и предгорьях последней тоже имеются концентрации могильных курганов, хотя и не столь значительные. Перечисленные, а также другие как более, так и менее крупные концентрации курганов отмечены на карте. Они есть в имеющей особую важность зоне Идзумо, поблизости от храма, в некоторых известных в эпохи Дзёмон и Яёй регионах, однако при этом в таких процветавших в эпоху Яёй местностях, как территория нынешней префектуры Коти на острове Сикоку, скопления этих памятников почему-то отсутствуют. Необходимо особо оговорить, что на карту нанесены только концентрации могильных курганов, а не единичные захоронения, поэтому о наличии последних из карты узнать нельзя. Например, на расположенных между Кореей и Японией островах Цусима и Ики имеется достаточно большое количество таких захоронений. В любом случае, если что-то и позволяет нам получить представление о том, какой увидели Японию китайские хроники, то есть «страной сотни царств» — то это круги, обозначающие концентрации могильных курганов.

Названия отдельных могильных курганов и их концентраций говорят сами за себя: Сендзука («Ты-

сяча могил»), Хякудзука («Сто могил»), Цукахара («Поле могил»), а наличие суффикса -цука в названиях гор и захоронения Оцука («Большая могила» или «Царская могила») говорит о том, что курганы стали неотъемлемой частью пейзажа и даже географическими понятиями.

Многие могильные курганы окружены легендами; широко распространено поверье, что на всяко-го, кто попытается раскопать большой курган, обрушатся беды и несчастья, однако, к глубокому сожалению археологов, это суеверие далеко не все воспринимали и воспринимают всерьез. Ряд могильных курганов носит имена синтоистских и буддистских богов, на некоторых курганах выстроены храмы, а в самих захоронениях имеются изображения буддистских святых или алтари.

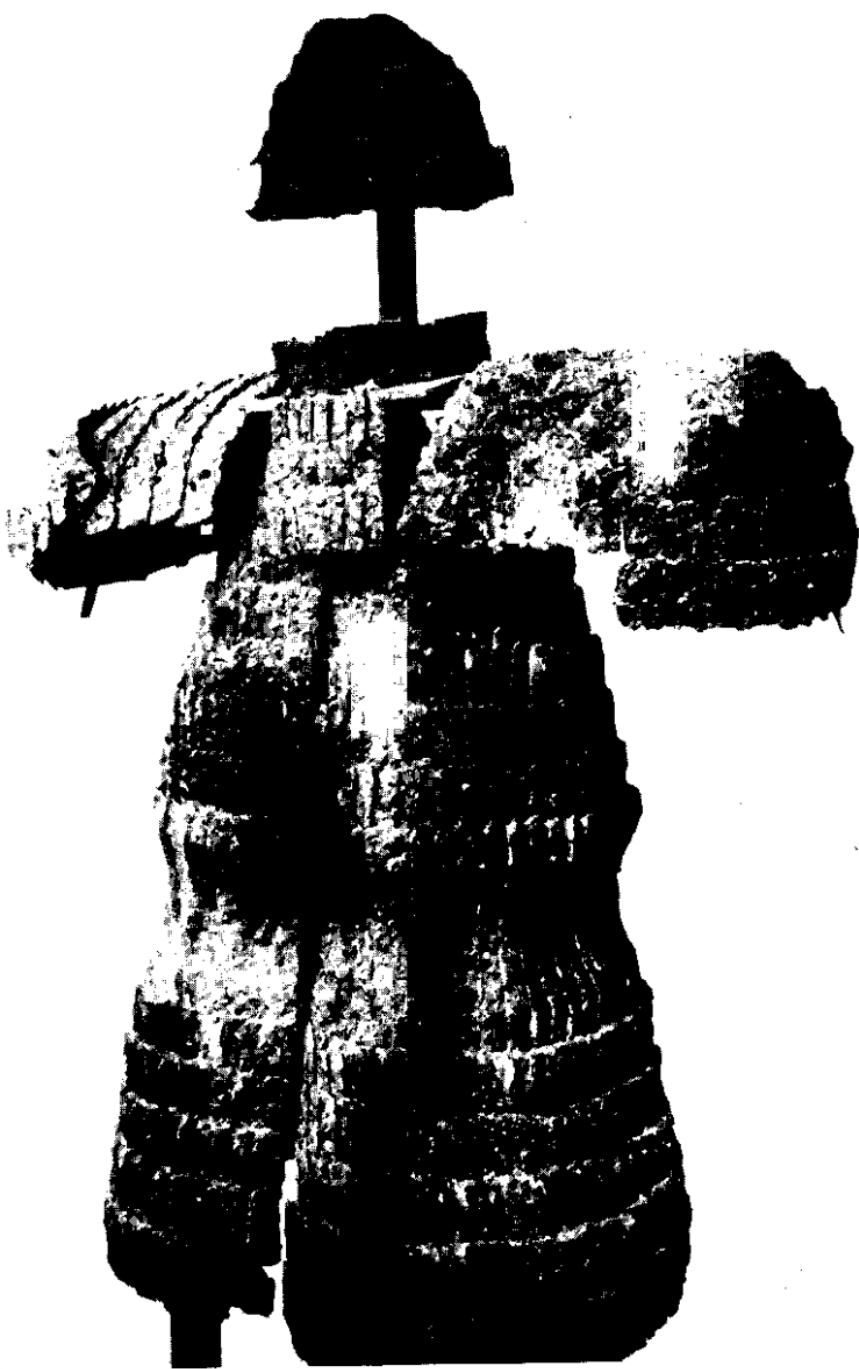
Правительство страны принимает строгие меры против вандализма в отношении этих памятников, в начале XX века были предприняты шаги, направленные на изменение отношения населения к данным археологическим памятникам, что положительно сказалось на ситуации в целом. Разрушение могильных курганов происходило в период Нара, причем тогда оно достигло таких колоссальных масштабов, что специальным правительенным декретом воровство из могильников было запрещено. Основным видом воровства в то время была добыча из захоронений каменных плит. Несмотря на все запреты, отдельные случаи грабежа могильных курганов предотвратить все же не удалось. Второй крупный период разорения могильников пришелся на послевоенное время, когда шло массовое строительство дорог, жилья и промышленных предприятий, а населению, испытывавшему острую нехватку земли, требовались все новые и новые территории. Тогда

часть этих археологических памятников была уничтожена, а многим другим был нанесен значительный ущерб. Безусловно, и население перестало относиться к могильным курганам с пietетом. Небольшие курганные захоронения археологи имели возможность раскапывать всегда, и, вероятно, стоит особо отметить, что им было дано разрешение проводить раскопки и некоторых крупных, ранее не исследованных курганов. Найденные в них предметы ученые должны были либо после соответствующего изучения возвращать на место, либо оставлять для музейного хранения и восстанавливать только первоначальный внешний вид захоронений.

Существовало несколько типов могильных курганов; на разных этапах этого периода отдавалось предпочтение разным их типам. Но на протяжении всего периода могильных курганов возводили круглые курганы любых размеров и пропорций, иногда с террасами, со рвами или без них, в редких случаях на одном крае кургана делали маленькую квадратную площадку. Некоторые курганы соприкасались друг с другом, напоминая в проекции цифру 8. В течение всего периода устраивали квадратные в плане могильники, хотя на его заключительном этапе им явно отдавали предпочтение. Для захоронений позднего этапа было характерно наличие каменных камер недалеко от вершины кургана. Из ряда прочих захоронений этого типа выделяются цепи из трех квадратных могильников, вытянутых вдоль одной линии, причем средний из них по размерам больше, чем боковые. Основание квадратной формы может также выполнять функции террасы и служить платформой для небольшого круглого холма.

Самым характерным для Японии является круглый курган с выступающей прямоугольной площа-

кой, напоминающий по форме замочную скважину. По курганам этого типа можно проследить эволюцию таких сооружений на протяжении всего периода. В Японии их называют «дзэмпо-коэн» — «квадратный спереди, круглый сзади». Не стоит пытаться объяснить происхождение данного уникального типа тем, что поначалу у каких-то курганов сбоку появился маленький холмик, который постоянно увеличивался в размерах, — на самом деле начало было другим и весьма многообещающим — это был не холмик, а длинная, узкая и низкая насыпь. Если бы этот выступ увеличивался в соответствии с тем, как расширялась погребальная камера, постепенно превращаясь в коридорную гробницу, то никакой загадки и не было бы. Однако превращение камеры в коридорную гробницу происходило только на завершающей стадии периода могильных курганов, но даже тогда, несмотря на наличие коридора, он заканчивался либо в круглой части кургана, либо в квадратной. М. Суэнага убежден, и это мнение в отдельных случаях находит подтверждение, что для того, чтобы круглую часть возведенного на горе могильного кургана изолировать от горы, участки склона горы просто срывались. Это предположение представляется вполне разумным хотя бы потому, что достаточно много могильных курганов раннего этапа находится на вершинах или склонах гор. Согласно другой теории, наличие выступа объясняется стремлением создать видимость пристроенного храма — подобно тому, как это делается в Китае, и, можно добавить, соображениями психологического плана, ведь для эпохи Яёй было характерно стремление все удлинять и расширять — именно это и имеет место в данной части захоронения. В отличие от других, Дж. Бюхо считает, что причину появле-

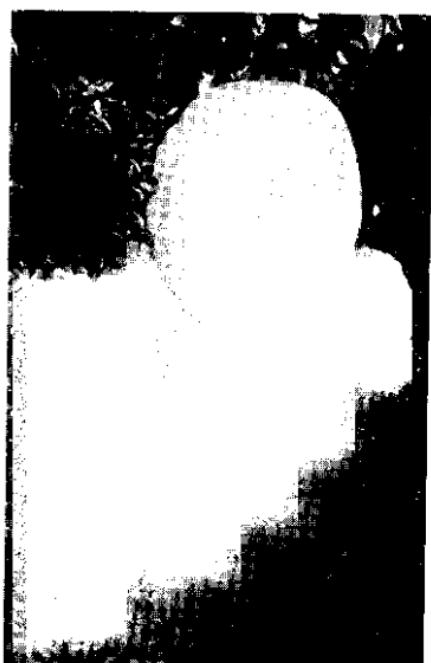

106

107

108

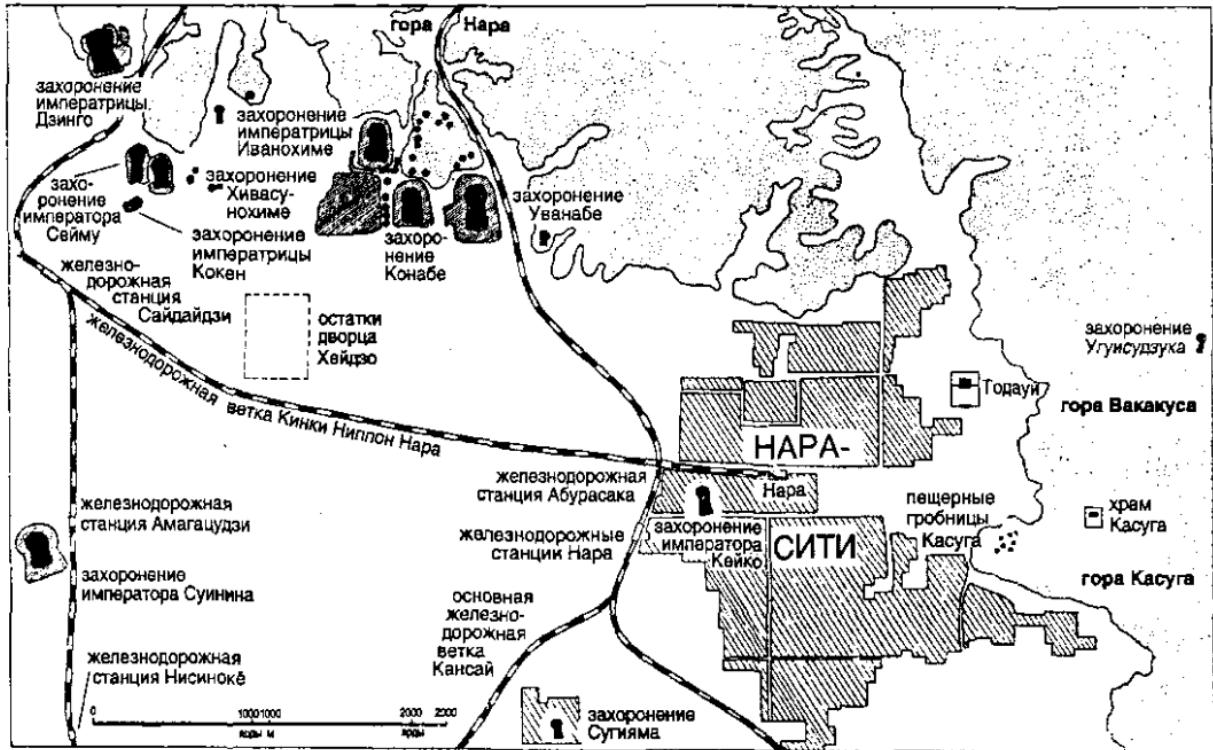
ния столь необычной формы кургана следует искать в символике — в китайском понятии «ху», которое напрямую ассоциируется с тыквой-горлянкой. Вероятно, без символики тут действительно не обошлось, ведь возможен и другой вариант — сначала появился курган, а уже потом его связали с китайским символом. Как бы то ни было, могильные курганы, по форме напоминающие тыкву-горлянку, возводили только на последнем этапе периода.

Прекрасным примером могильного кургана раннего этапа является Тяусуяма в Сакураи, префектура Нара (фото 60). В данном случае выступ лишь немножко расширяется, он значительно ниже, чем круглая часть кургана. Хотя сам ров исчез, то место, где он проходил и откуда была вынута земля, по-прежнему заметно. Раскопки круглой части кургана выявили сделанную по принципу полуzemлянки погребальную камеру длиной 6 метров 42 сантиметра и высотой около 1,5 метра. Камера сделана из большого количества уложенных горизонтально камней, покрытых красной краской, потолок образуют 12 длинных каменных плит. Покойник был похоронен в деревянном гробу, вокруг которого и была сооружена погребальная камера. В захоронении были также найдены китайские зеркала и нефритовый жезл (рис. 53, а).

К V веку прямоугольный выступ заметно увеличился в размерах, по высоте он почти сравнялся с круглой частью кургана, а по ширине превзошел ее, при этом форма прямоугольника стала более четкой, а углы более ровными. Поблизости от могильного кургана, обычно в четырех направлениях от него, начали делать небольшие земляные возвышения — иногда круглые, чаще квадратные или даже в форме замочной скважины. Считается, что они

предназначались для жертвоприношений (к этому мнению склоняется большинство специалистов) или для захоронений членов императорской семьи или их родственников, однако М. Суэнага придерживается иной точки зрения — он думает, что они были предназначены для захоронения реликвий. Самый величественный из таких мавзолеев — это могила императора Нинтоку. Она находится на равнине Сакаи недалеко от Осаки, в окружении 13 более мелких могильных курганов (фото 62). Всего в данной группе могильников насчитывается около 20 курганов, в их число входит и захоронение императора Ритю. Комплекс императора Нинтоку занимает площадь 3,2 гектара, общая длина комплекса, считая от внешнего края рвов, составляет около 820 метров. Несколько лет назад в результате оползня это захоронение оказалось частично вскрытым, на поверхность земли попали хранившиеся в нем богатства, в том числе и великолепный каменный саркофаг, установленный в прямоугольном выступе.

Не вызывает сомнения, что на возведение этих могильных курганов требовалось значительное время и привлечение огромного числа работников. Литературные памятники помогают нам понять, как все это происходило. Например, как говорится в хрониках, император Нинтоку начал строить себе могильный курган, будучи 66 лет от роду; поскольку он прожил еще двадцать лет, понятно, что у него было вполне достаточно времени для того, чтобы завершить это масштабное мероприятие. Что касается смерти императора Тюая, то, согласно хроникам, он умер во время войны с Силлой и поэтому не мог быть похоронен должным образом — это прямая ссылка на то, что строительство захоронения требовало привлечения больших людских ресурс-

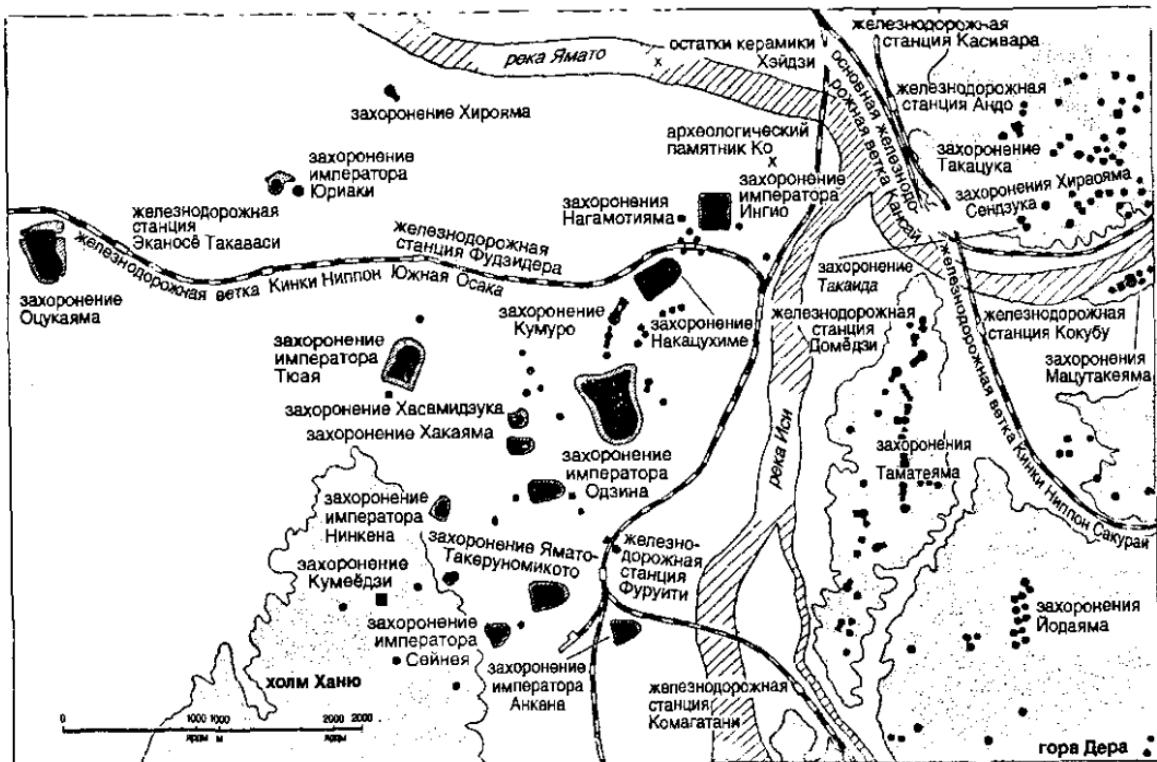

Карта 6. Могильные курганы в окрестностях г. Нара

сов. В основном императоров хоронили через несколько месяцев после кончины — вероятно, должен был пройти период траура, и, при необходимости, за это время можно было возвести подобающее захоронение. На наличие этих двух причин недвусмысленно указывают «Нихонги», повествуя о кончине императора Ингио. Узнав о смерти Ингио, царь Силлы отправил на похороны 8 кораблей с плакальщиками; через девять месяцев после наступления смерти император Ингио был похоронен недалеко от столицы Нанивы после того, как все собрались «в храме временного успокоения». Император Анко дождался погребения только через три года после того, как был убит.

В некоторых регионах в разное время, похоже, уделяли большое внимание ориентации могильных курганов по сторонам света. Так, в находящемся за пределами города Нара — там, где поднимается плато, — комплекс могильных курганов, основная часть крупных, окруженных рвами и относящихся в основном к IV веку могильников обращена на юг (карта 6). Многие удаленные от гор захоронения оказались фактически выстроенными в один ряд в зависимости от своей величины, поэтому четкую ориентацию данных курганов в одном направлении отчасти можно объяснить. Главным образом это могилы правителей V века, в том числе и невероятных размеров захоронение императора Одзина (карта 7). Создается впечатление, что эти расположенные на равнине к западу от реки Иси недалеко от города Фуруити в префектуре Осака захоронения были построены без учета какого-то единого принципа ориентации, хотя необходимо отметить, что многие небольшие, окруженные рвами курганы обращены на юго-запад. Такое же впечатление беспо-

ПРОТОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Карта 7. Могильные курганы в окрестностях г. Фуруити, префектура Осака

рядочного расположения оставляют и могильники Таматеямы. В комплекс Таматеямы входят 33 могильных кургана как круглых, так и в форме замочной скважины. Вероятно, все это можно объяснить следующим образом: со временем большее значение стали придавать не тому, в каком направлении обращена внешняя часть могильника, а тому, как ориентированы погребальная камера и тело усопшего. Последние часто располагаются под самыми неожиданными углами, однако в целом они обращены в южном направлении.

К концу периода могильных курганов выступающая часть могильника в форме замочной скважины по высоте почти сравнялась с его круглой частью, а острые углы стали сглаженными. Размеры захоронения уменьшились, ров делался не всегда, отдавалось предпочтение построенным на склонах гор коридорным гробницам, почти полностью отказались от возведения отдельно стоящих курганов. Особенно живописно выглядят могильники в виде замочной скважины с воздуха, они производят большое впечатление как в сезон выращивания риса, когда окружающие курган поля залиты водой, так и в любое другое время. Древние рвы по-прежнему охраняют первоначальную форму могильника, однако его хозяева, без сомнения, были бы недовольны тем, что утрачена значительная часть его былого монументального величия (фото 61). Так, в каменный коридор в этом захоронении Набеямы можно попасть через ход, находящийся в доме на противоположной стороне круглой части могильного кургана. В захоронении стоят два саркофага из вулканической породы, по форме напоминающие дом, — один в погребальной камере, а второй в коридоре.

В самых первых захоронениях этого типа усопшего клали в гроб, сделанный из двух половинок выдолбленного изнутри бревна, которые затем соединяли. Гроб устанавливали ближе к вершине кургана. Там в земле вырывали длинную могилу, ее дно делали слегка закругленным, а стены обкладывали не скрепленными между собой камнями (фото 64). Существовал и другой способ: гроб помещали в каменную погребальную камеру, потолок которой защищал его от давления почвы. Иногда параллельно этой могиле выкапывали еще две-три могилы по меньшему, вероятно предназначенные для вещей, которые клали с покойным. Кроме бревен, гробы делали также из толстого деревянного бруса. От данного способа захоронения в вырытой в земле могиле полностью никогда не отказывались просто потому, что из всех прочих способов этот был самым простым и экономичным.

Для среднего этапа периода могильных курганов характерны гробы из более долговечных материалов. Существовало два основных типа каменных гробов-саркофагов, первый из них сильно напоминает выдолбленный изнутри ствол дерева. У таких гробов внутренние стенки могут быть как закругленными, так и прямыми (фото 65, 66). Возможно, появление саркофагов в форме лодки — фактически это все-таки лишь несколько видоизмененный ствол дерева — связано с изменением взгляда на идею переноса духа умершего в иной мир. Такие гробы обычно находят в погребальных камерах, сделанных из грубо отесанного камня; стены камер подходят к саркофагу вплотную, судя по всему, их достраивали уже после того, как устанавливали гроб. Второй тип саркофагов сделан по принципу дома: в сечении он квадратный, его крышка, подобно крыше дома, со-

стоит из четырех установленных под наклоном секций. Как правило, эти саркофаги относятся к более поздним периодам, их ставили в типичных для V века частично заглубленных в землю погребальных камерах и в коридорных гробницах, где было достаточно места и можно было разместить и не один такой гроб. Существует много разновидностей саркофагов этого типа: с закругленной крышей, с плоской и так далее, однако основные характеристики у всех одни и те же. Известны случаи, когда проход оказывался слишком узким для того, чтобы через него можно было пронести саркофаг, — вероятно, это означает, что его устанавливали в погребальной камере еще до того, как заканчивали строительство коридора. Бывало, что возникала необходимость поместить в могильник второй саркофаг, но недостаточная ширина прохода между залом и камерой не давала возможности это сделать, тогда не оставалось ничего другого, как оставить саркофаг в коридоре.

Каменные саркофаги обоих типов сравнительно редко бывают богато декорированы. Как правило, декоративное убранство сводится к незамысловатой лепнине и похожим на рейки полосам — часто это сочетание напоминает бамбук. Есть очень немногочисленная группа богато декорированных саркофагов, к ним относится и знаменитый саркофаг из могилы Секидзинъямы в Фукуоке со сложным резным узором из диагональных линий и кругов (фото 72). Некоторые саркофаги покрыты красной краской. Те, что сделаны в форме дома, бывают, как и их предшественники, высечены из одного куска породы, а также, что встречается значительно чаще, сложены из шести отдельных каменных плит, причем пять из этих плит искусно соединены между собой. Очень

редко плит бывает больше. На боковых и торцевых плитах саркофагов имеются выступы: на большинстве ранних экземпляров они круглые, на более поздних — квадратные, а самые поздние по времени саркофаги могут быть вообще без этих выступов. Во многих саркофагах из различных регионов Японии сделаны аккуратные отверстия в боковых стенах или торцах. Вероятно, через них в саркофаги клали труп или позже добавляли еще какие-то предметы; особенно удобны были эти отверстия в тех случаях, когда погребальная камера была слишком маленькой и крышку саркофага снять было трудно. Часто так же поступали и тогда, когда саркофаг захоранивали без погребальной камеры непосредственно в землю: сначала на место устанавливали огромный каменный саркофаг, а потом через отверстие в него задвигали деревянный гроб. Почти все захоронения саркофагов без погребальной камеры датируются поздним этапом периода могильных курганов.

Встречается еще одна разновидность саркофагов, скорее, это даже элемент устройства погребальной камеры: длинные каменные плиты уложены наподобие того, как укладывались плиты в цистах. Это более характерно для южных районов Японии. Так, в захоронении императора Марукумаямы две соседние цисты имеют общую стенку — каменную плиту (фото 69). А в захоронении Оцуки в префектуре Окаяма цисты огорожены как с торца, так и с боков (рис. 35, а).

В первые века, когда тела усопших стали кремировать, извлечение каменных саркофагов из могил было, вероятно, своего рода спортом и развлечением. Об этом можно судить по плитам от саркофагов, обнаруживающимся сегодня в самых неожи-

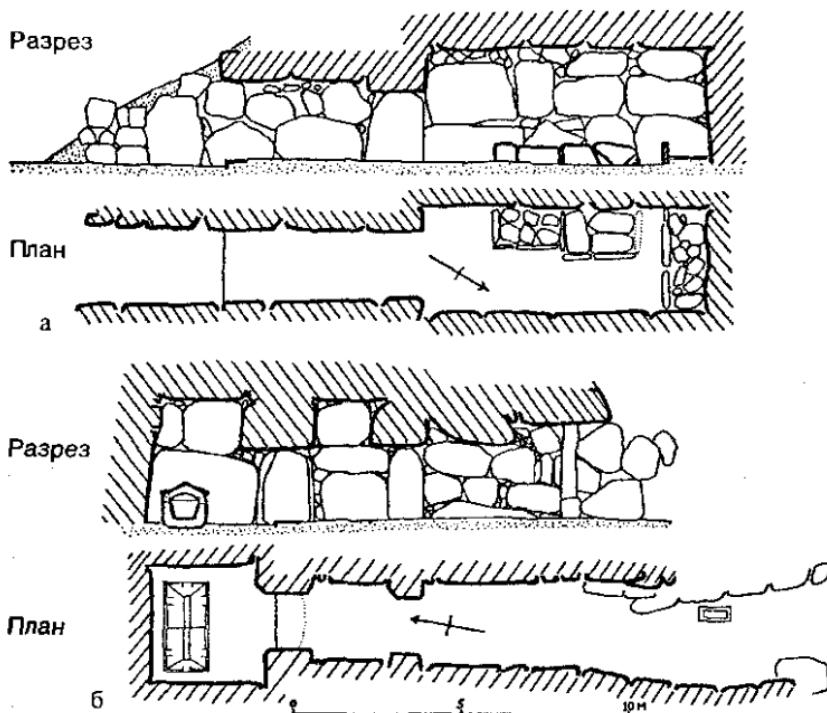

Рис. 35. Схема гробницы коридорного типа: а — захоронение Оцука, Ята, префектура Окайма; б — захоронение Аяцука, княжество Мияко, префектура Фукуока

данных местах. Они встречаются на прилегающих к храмам территориях, в садах, где используются как небольшие бассейны, из их фрагментов сделаны водоводы; бывает, что они служат корытами или кормушками. Крышки от саркофагов можно увидеть на кладбищах, где они установлены вместо надгробных плит и на залитых водой рисовых полях, где они приспособлены вместо мостиков, а также во многих других местах. Вдоль всего ребра знаменитого саркофага из храма Футай в городе Нара идут многочисленные углубления — вероятно, в этом месте поколения крестьян затачивали

серпы. Многие саркофаги в Кансае сделаны из туфа, добытого на горе Футагами, находящейся на границе префектур Осака и Нара. Скорее всего, это произведения всего лишь нескольких мастерских каменотесов, специализировавшихся именно на этом товаре.

Глиняные гробы получили наибольшее распространение в префектурах Окаяма и Хиого (то есть в регионах Внутреннего Японского моря); довольно много таких гробов найдено в Кансае, на равнине Канто и даже на севере — в префектуре Фукусима. Против ожидания глиняные гробы так и не вошли в моду на острове Кюсю, где еще в эпоху Яёй гончары достигли большого мастерства в изготовлении погребальных сосудов. В целом глиняные гробы очень точно повторяют свои каменные аналоги; чаще всего встречаются гробы в форме дома с закругленной или острой крышей и стенками, оформленными в виде панелей (фото 63). Они сделаны из той же красной глины, что и ханива; они тоже состоят их четырех частей; на крышке тоже имеются выступы. Гроб стоит на 30 коротких полых глиняных ножках, расположенных в три ряда. На одном гробу из Окаямы имеется лепной орнамент. В целом эти гробы датируются поздними периодами; многие из них найдены в могильных курганах в горах, в каменных погребальных камерах или специально выбитых пещерах; иногда встречаются захоронения без погребальных камер. В некоторых наиболее поздних по времени захоронениях, относящихся к эпохе Хакудо (673—86 гг. н. э.), глиняные гробы покрыты слоем лака — такая ненужная роскошь, вероятно, очень осуждалась той частью общества, которая уже приняла буддизм и старалась привыкнуть к мысли о кремации.

Помимо глиняных гробов, взрослых хоронили и в глиняных цилиндрах, закрытых с обоих концов специальными крышками. Эти захоронения немногого напоминают кувшинные захоронения эпохи Яёй. В гробах, сделанных по принципу ханива — цилиндра, оставались характерные круглые отверстия. Гробы с крышками, как правило, имеют большое количество ребер. Для детских захоронений использовались гробы в форме мокасина, правда, следует отметить, что таких захоронений было очень мало.

Во многих каменных саркофагах имеется вытесанное прямо в плите изголовье; часто встречаются по два таких возвышения — для головы и для ног, а в цистоподобных саркофагах — по два изголовья рядом (фото 66). В литературе нередко можно увидеть упоминания о совместных погребениях, особенно супружеских пар, и в большинстве случаев это объясняется соображениями экономии. Без сомнения, ими же руководствовались и при возведении коридорных гробниц, предназначенных для нескольких захоронений. В поздние периоды наряду со «встроенным» изголовьем стали делать отдельные каменные «подушки»; особую популярность они приобрели в Токая и на равнине Канто, а в южных регионах по-прежнему отдавали предпочтение первому типу изголовий. Однако в покрытой изнутри краской гробнице Оцуки в префектуре Фукуока есть изголовья обоих типов — возможно, это объясняется тем, что похороненные там имели разный социальный статус. Внешний вид «подушек» может быть самым разным, начиная от камня цилиндрической формы с простой ямкой и кончая богато орнаментированным изголовьем с аккуратно вырезанным углублением для головы.

Погребальные камеры устраивали как в круглой части кургана, так и в прямоугольной. Случалось, что одновременно в каждой из частей было по погребальной камере, а иногда в какой-то одной делали сразу две камеры. Во время войны было обследовано находящееся на равнине Кавати в префектуре Осака захоронение Курохимеямы. В нем между передним и задним помещениями не оказалось никакого соединяющего их коридора, что объясняется следующим образом: одно было предназначено только для захоронения умершего, а второе — для оружия и различного погребального инвентаря.

Как правило, каменный коридор могильника позднего этапа периода могильных курганов постепенно расширяется и переходит в погребальную камеру; он может состоять из трех смежных помещений, хотя значительно чаще делали что-то вроде прихожей (рис. 35, б). Площадь пола погребальной камеры редко полностью соответствует площади ее потолка. В обычной выложенной ступенчатой кладкой усыпальнице верхняя часть стен имеет наклон внутрь — это сделано для того, чтобы уменьшить расстояние, которое необходимо перекрыть перемычками. Существовало много вариантов устройства камеры; узкие горизонтальные ряды кладки остались в наследство от камеры более ранних периодов, которая по своей сути была простым саркофагом. Чаще всего встречаются камеры, стены которых выложены большими грубо отесанными камнями с заполненными более мелкими камнями промежутками между ними. Совершенно естественно, что в различных регионах и в зависимости от доступности строительных материалов применяли разные приемы строительства. В провинции уровень мастерства строителей рос медленнее, чем в крупных населенных пунктах.

Считается, что практика возведения коридорных гробниц появилась в Японии, а именно на острове Кюсю, под влиянием континентальных обычаев. В данных гробницах выход в основном обращен на юг, в погребальной камере в ту же сторону головой лежит и усопший. К концу периода могильных курганов каменотесы добились великолепных результатов в искусстве резки и подгонки каменных плит: этим по праву славится западная гробница курганного захоронения Мондзюйна в префектуре Нара, где на поверхности гранитных блоков, которые к потолку приобретают наклон внутрь, сделаны специальные желобки, в результате чего создается впечатление, что блоки из одного ряда кладки заходят на блоки следующего ряда (фото 67, 68). В коридоре около входа в потолочном камне тоже имеется желобок — это признак того, что когда-то здесь была дверь. Погребальная камера накрыта одной громадной каменной плитой, немного выпуклой с внешней стороны — наклон помогает направлять воду к углам камеры, откуда она может стекать, а стены меньше подвергаются ее воздействию. Выполненной в полный рост фигуре буддистского святого Фудо, вероятно, много сотен лет.

Самое мощное сооружение этого типа традиционно носит название Исибутай («Каменная сцена»). Оно находится под склоном холма недалеко от нескольких старых храмов Асука около Симаносё в префектуре Нара (фото 70, 71). Захоронение было ограблено, вероятно, около тысячи лет назад; раскопки могильника проводились в 1935 году. По всему периметру этого имеющего квадратную форму захоронения проходит ров, края которого были выложены камнем; коридор и погребальная камера находятся ближе к центру захоронения. Чтобы лучше

представить себе размеры сооружения, скажем, что длина коридора составляет 11 метров 59 сантиметров, средняя высота камней в кладке — 1 метр 83 сантиметра, длина погребальной камеры — 7 метров 62 сантиметра, ширина — 3 метра 35 сантиметров, максимальная высота потолка — 4 метра 74 сантиметра. При виде необычного угла соприкосновения внутренних поверхностей огромных валунов удивление современного зрителя, скорее всего, ничуть не меньше, чем было удовлетворение древних строителей от своей работы. Пол имеет небольшой уклон, щель стен помещения сделаны специальные желоба, по которым вода стекает сначала к задней стене, а оттуда — в центральный желоб, находящийся под полом погребальной камеры и выходящий из-под пола в коридоре. Два гигантских камня, из которых сделана крыша, по приблизительным подсчетам весят около 100 тонн каждый. Все материалы для строительства привезены сюда из расположенной в трех километрах от захоронения каменоломни в горах. Согласно одному преданию, здесь был похоронен один из самых могущественных людей Симы Сога-но-Умако, который умер в 626 году до нашей эры. У археологов не вызывает сомнения, что Исибути принадлежит к числу поздних захоронений и что он вполне мог быть возведен в VII веке.

В Японии есть место, известное своими вырубленными в скале искусственными пещерами. Подавляющее большинство таких пещер имеет вход, который можно закрыть дверью, и короткий сужающийся коридор, ведущий в почти прямоугольную погребальную камеру. Эта расположенная в префектуре Сайтама группа пещер Йосими состоит из более чем двух сотен захоронений. Склон горы буквально испещрен ими, их делали настолько близко

одна к другой, насколько это было возможно. Внутри большинства пещер сделано по два или три небольших возвышения с изголовьями — на них, судя по всему, клали тела усопших. В ходе проводившихся в XIX веке раскопок были найдены разнообразные бусины, железные мечи, ножи и наконечники копий, золотые кольца, а также керамика Суз периода могильных курганов. Иногда в пещерах встречаются глиняные гробы, а на стенах пещеры Таканда в графстве Накаравати, префектура Осака, обнаружены процарепанные рисунки фигур в блузах с поясом и мужских брюках, одетых в характерном для изделий ханива стиле.

Соображения экономии и окончательный переход к буддизму, практиковавшему кремацию, нанесли последний удар по обычаям возведения могильных курганов. С тех пор в них стали хоронить только императоров и их ближайших родственников. Согласно «Нихонги», указы императора Котоку в 646 году нашей эры предварялись словами: «До недавнего времени нищета нашего народа целиком объяснялась возведением усыпальниц». Размеры захоронений (кроме императорских) определялись в указе: так, для принцев и обладателей более высоких титулов «...работы должны быть выполнены силами 1000 человек в течение семи дней»; соответствующим образом устанавливались и объемы работ по строительству захоронений для четырех других категорий обладателей титулов. «Никому — от принцев до простолюдинов — не разрешается возведение никаких сооружений для временного упокоения». В могилы усопших было запрещено класть какие-либо ценности; сами захоронения должны были производиться на специально предназначенных для этого кладбищах. Несмотря на то что указ был

отправлен во все провинции, похоже, что некоторое время строительство могильников еще продолжалось; наиболее эффективным средством борьбы с этим обычаем оказалось повсеместное принятие обряда кремации.

СОДЕРЖИМОЕ МОГИЛЬНЫХ КУРГАНОВ

Погребальный инвентарь, как правило, размещали непосредственно рядом с телом усопшего в определенном порядке: оружие могло лежать как справа, так и слева от покойного, доспехи рядом с головой или, как в захоронении Сандо в префектуре Киото, снаружи саркофага (рис. 36, а). В данном случае из-за недостатка места внутри шлем, доспехи и наконечники стрел были положены снаружи. Дно этого саркофага представляло собой подушку из мелких камней толщиной около восьми сантиметров.

Знаменитое захоронение Тёсидзуки в Икисане, префектура Фукуока, было возведено во второй половине IV века; погребальная камера сложена из камня, в ней установлен деревянный гроб. Пример именно этого могильника лучше всего показывает, что древние наделяли зеркала магическим смыслом: вокруг верхней части тела покойного было разложено десять зеркал — два у головы и по четыре по бокам. Создается впечатление, что это сделано с целью защиты умершего. Здесь же были обнаружены и несколько мечей, ножей и бусин. В очень многих захоронениях в ногах усопших находят керамические сосуды — часто их ставили просто на пол, а иногда — на деревянные полочки, которые в конце концов от старости или по другим причи-

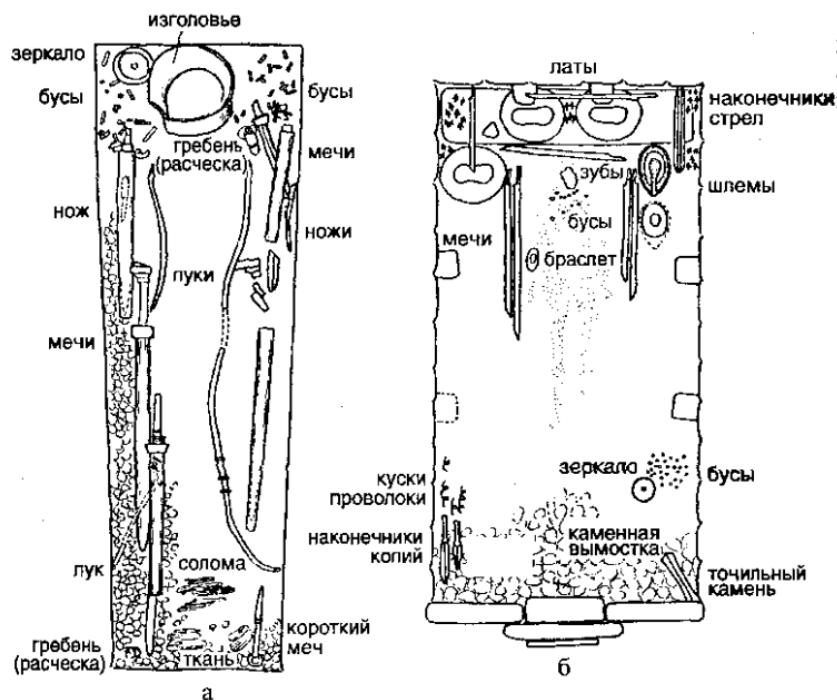

Рис. 36. Расположение погребального инвентаря в захоронениях:
а — захоронение Сандо, Такено, префектура Киото; б — захоронение Токумару, Титосе, префектура Фукуока

нам падали, рассыпались, и все находившееся на них билоось, превращаясь в беспорядочную кучу чепреков. Керамику складывали также в прихожей, хотя в отдельных случаях специально для погребальной утвари делали дополнительное помещение.

На севере острова Кюсю находится от 40 до 50 захоронений, в которых имеется какое-либо декоративное убранство — резные орнаменты, стенная роспись или то и другое одновременно. В основном это коридорные гробницы позднего этапа периода могильных курганов, датирующиеся 500—700 годами нашей эры, причем главным образом это сооружения VI века. Хотя появление в Японии практики

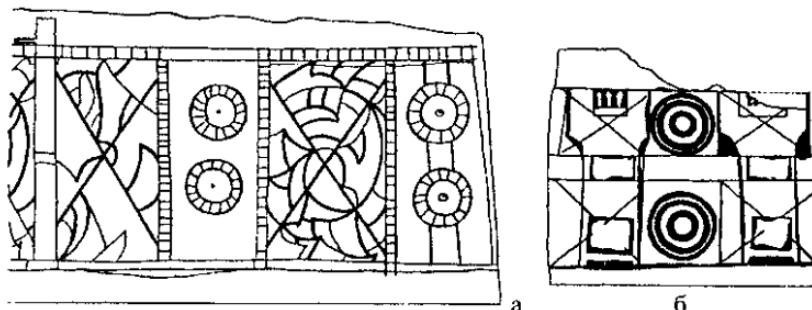

Рис. 37. Росписи стен и каменных экранов в гробницах: а — захоронение Идера, Рокка, префектура Кумамото; б — захоронение Сегонко I, Осима, префектура Кумамото. Высота рисунка около 45 см

возведения таких гробниц явно объясняется влиянием находящейся неподалеку Кореи, общих черт между украшенными росписями гробницами в Корее и на Японских островах неожиданно мало. В некоторых случаях на саркофагах, стенах цист и погребальных камерах встречаются одинаковые узоры, из них чаще всего встречается орнамент в виде концентрических окружностей, нарисованных красной краской, — наверное, это символическое изображение зеркала или солнца или же того и другого. Среди других абстрактных рисунков — сложный орнамент, состоящий из пересекающихся диагоналей и изогнутых линий (*тёkkомон*) — впервые он появился в Кансае, откуда распространился по Японским островам; им украшали разнообразные изделия — зеркала, браслеты, ханива, рукояти и ножны мечей, а также многое другое. Судя по всему, этот орнамент имел какой-то тайный смысл, однако проникнуть в него не удалось и по сей день. Кроме упомянутых, встречаются также орнаменты из треугольников и еще нескольких геометрических фигур (рис. 37). Более узнаваемы на рисунках лошади, колчаны, мечи, щиты; кроме того, часто можно увидеть изображе-

ние, напоминающее морскую звезду с несколькими хвостами. Поскольку очевидным становится то, что отдельным орнаментам и повторению каких-то их частей придавалось особое значение, почти не остается сомнений в том, что им приписывалась магическая сила. Вероятно, они были призваны снижать расположение добрых духов и заручиться их помощью. В захоронениях в Корее концентрические окружности рисовали значительно реже, что, вероятно, отчасти объяснялось несовершенством методов строительства погребальных камер, на стенах которых художнику было сложно проявить себя, так как там почти не было подходящих поверхностей — ровных и без трещин (фото 73). Однако более вероятным представляется другое объяснение — что идея орнамента в изобразительном искусстве в то время все еще находилась на очень примитивной ступени развития. Так, «хвосты» морских звезд, о которых мы говорили выше, часто встречаются и отдельно от самих звезд; тем не менее, орнамент, состоящий из «хвостов», даже расположенных в разных направлениях, вполне может быть символическим изображением церемониального веера, свидетельствующего о статусе своего владельца. Такой веер — это опосредованное заимствование из Китая (рис. 38).

Самая интересная настенная роспись находится в гробнице Оцуки в префектуре Фукуока, причем там расписаны стены как прихожей, так и собственно погребальной камеры. В последней по обе стороны от входа нарисовано по миниатюрной фигурке всадника на черной лошади; на этой же стене изображено 14 больших колчанов. На двух других стенах сохранились достаточно четкие изображения щитов — 10 на одной и 11 на другой, свободное пространство между

которыми заполнено треугольниками. В алькове, рассчитанном на двоих усопших, прямо над изголовьем, сделана полка; перед альковом установлены две каменные плиты — на них во время погребальной церемонии ставили светильники (фото 74, 75). На камнях нарисованы веера; значительная часть поверхности стен в непосредственной близости от того места, где должны находиться тела, разрисована небольшими треугольниками желтого, черного, красного и зеленого цветов.

Среди разнообразных изображений на стенах очень мало жанровых сцен, где были бы показаны люди в процессе какой-либо деятельности. Такие рисунки есть в захоронении Горояма в префектуре Фукуока. Наряду с изображениями луков, колчанов и стрел, там имеется несколько схематичных рисунков сцены охоты: люди натянули тетивы луков, направленных в сторону каких-то животных на четырех ногах. Хотя рисунки сохранились довольно плохо, вполне очевидно, что один охотник верхом на лошади, не исключено, что и двое других тоже. Несмотря ни на что, со временем рельефных изображений на колокольчиках и процарапанных рисунках на керамике эпохи Яёй не было достигнуто никакого прогресса ни в плане композиции картин, ни в плане пропорций фигур. Наиболее совершенный по дизайну рисунок найден в захоронении Такехары — на нем изображен человек, подвергшийся нападению двух животных; по обе стороны от него находится по большому вееру. Значительный инте-

синий красный белый

Рис. 38. Изображение разноцветного церемониального веера на стенах захоронения Камао в Нисисато, префектура Кумамото

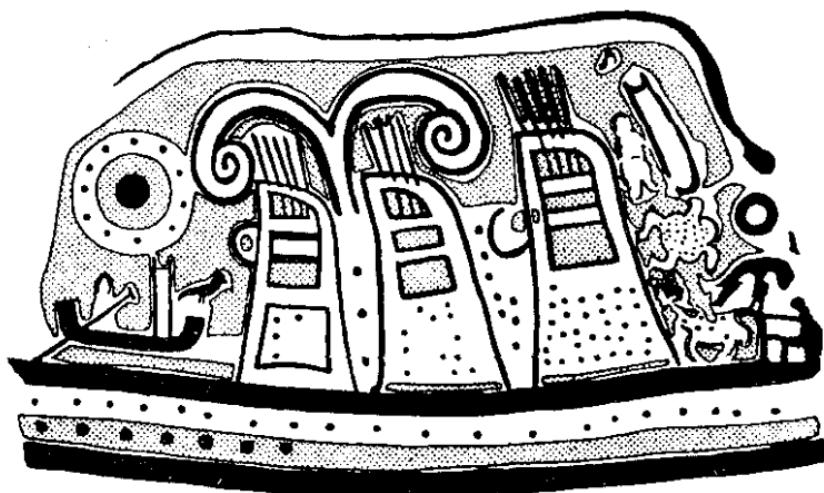

Рис. 39. Рисунок на стене захоронения Медзураси в Фукутоми, префектура Фукуока

рес представляет настенный рисунок из захоронения Медзураси тоже в префектуре Фукуока — это необычное сочетание колчанов, спиралей и солнц с другими предметами (рис. 39). Там есть лодка — похоже, под парусом; на носу лодки сидит ворона — двуногая, в отличие от корейской трехногой, являющейся символом солнца; с противоположной стороны мы видим лягушку — не исключено, что это символ луны.

Интересно, что в ряде захоронений среди прочих настенных изображений весьма заметное место занимают лодки. Скорее всего, этот образ связан с транспортировкой души умершего в иные края. Так, в могильнике Оnidзука в префектуре Оита нарисована лодка, судя по всему, с парусами, а на западной стене захоронения Мидорикава в префектуре Кумамото имеется достаточно четкий процарапанный рисунок плывущей лодки, однако его древность вызывает определенные сомнения (рис. 39, 40). На-

противоположной стене, сделанной, как и упомянутая выше, из твердого андезита, изображена целая флотилия лодок — по крайней мере, не меньше десяти штук (рис. 41). Можно предположить, что на одной-двух еще не распущены паруса, а также то, что, судя по сходству с аналогичными изображениями из других захоронений, похожие на листья предметы — это, вероятно, весла. Многие возможные вопросы нам помогает снять выполненная в технике ханива лодка из Миядзаки (фото 102). Все эти лодки относятся к типу гондол; непонятно, почему нигде нет ни одного рыбака. Люди изображены только в одном случае — на процарпанном рисунке в коридоре выдолбленной в скале гробницы в Такаиде, Касивара, префектура Осака (рис. 42). На приведенном фрагменте мы видим шесть человек, обращенных к зрителю лицом, на всех одинаковые костюмы и высокие головные

Рис. 40. Рисунок лодки на стене захоронения Онидзука в Ими, префектура Оита

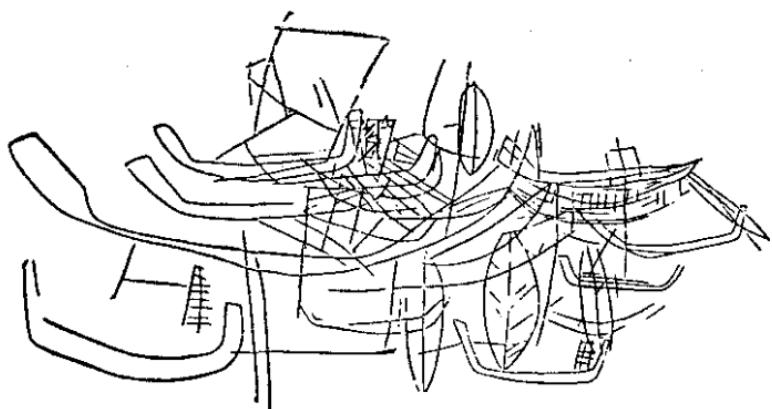

Рис. 41. Вырезанный рисунок лодок на стене выдолбленной в скале гробницы в Мидорикаве, префектура Кумамото

Рис. 42. Фрагмент рисунка с изображением мужчин и лодок, вырезанного на стене выдолбленной в скале гробницы. Такаида, Касивара, префектура Осака

уборы, у троих в руках копья. По крайней мере один человек стоит в лодке; не исключено, что и второй тоже, но в данном месте рисунок становится нечетким. Чем-то это напоминает группу военного десанта. Отдельные детали позволяют понять, что лодка управляется одним веслом, а в качестве якоря используется тяжелый камень.

В префектуре Кумамото есть несколько устроенных в скале гробниц, вероятно датирующихся VI веком, участки скалы непосредственно перед входом в которые украшены примитивными скульптурными изображениями. Перед входом находящейся в деревне Набета гробницы имеется изображение двух человек: в руках одного лук, второй человек виден только со спины, которую частично закрывает какой-то другой рисунок (фото 76). Другие аналогичные скульптуры подтверждают предпо-

ложение, что таким образом было принято показывать фигуру человека со спины в том случае, когда на плече у него висит колчан. Вероятно, этот человек собирается выпустить из лука стрелу, которая хорошо видна слева. Ниже изображен еще один колчан, но уже другого типа; между мужчинами мы видим кружок — это *тому*, инвентарь лучника; возможно, не выбитый до конца рисунок внизу — это какое-то животное, добыча, которую преследовали охотники. В гробнице № 7 в Омуре, считающейся одной из самых ранних в этом комплексе, имеются изображения лошадей: по крайней мере на одной лошади в верхнем ряду надето седло. Животное с длинными ушами в нижнем ряду очень похоже на осла. Слева видны предметы, висящие на какой-то длинной палке, — вероятно, это сильно увеличенные изображения одного маленького и двух больших колокольчиков, которые подвешивали на шею лошадям (фото 77).

Нательная амуниция очень хорошо известна по находкам во многих могильниках и по образцам ханива, дополнительно проливающим свет на этот предмет. Наиболее распространенными изделиями из железа были кирасы или латы, состоявшие из горизонтальных, находящих одна на другую и соединенных клепкой полос металла; по бокам они усиливались вертикальными полосами (рис. 43, в). Судя по ханива, подобные приспособления из кожи могли привязывать и спереди; достаточно широкое распространение имели защитные наплечники (рис. 43, б). Более сложным было полное защитное одеяние, замечательный образец которого был найден в Нагамотияме в префектуре Осака (фото 78). Небольшие железные пластины закреплялись при помощи кожаных шнурков. Была защитная амуниция

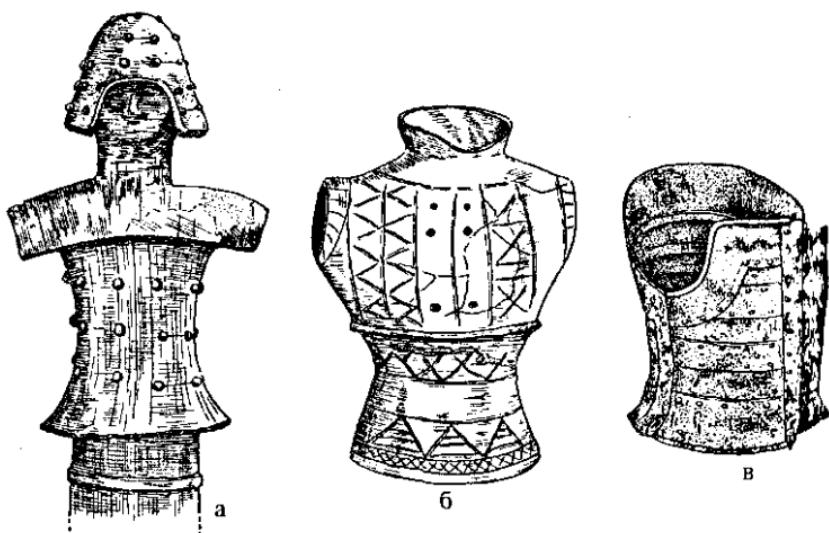

Рис. 43. Железная кираса и выполненная в технике ханива амуниция: а — Тацукава, префектура Гумма; б — Симомасуда, префектура Миаги, высота около 40 см; в — Киса, префектура Хиросима

для рук, ног, щек и специального щитка для шеи, прикреплявшегося к шлему.

Из железа делали два вида шлемов, один из них — овальный сзади и заостренный спереди — часто встречается в сочетании с кирасой того типа, о которой мы только что говорили. Другой вид шлемов имеет округлую форму, часто у него бывает укрупненное орнаментом забрало, а сверху — напоминающий чашу держатель для плюмажа (фото 79). Вероятно, как правило, оба эти вида шлемов были снабжены щитками, предохраняющими от повреждений шею и, возможно, также щеки. Обычно большое внимание обращают на декоративную отделку шлемов второго вида: судя по всему, изображения рыб, птиц и животных говорят об общественном положении владельца данного изделия. Не вызывает сомнения то, что вprotoисторический период ору

жие и амуниция изготавливались под сильным влиянием континента, тем не менее, похоже, что запечатленные на предметах амуниции странные фантастические существа своим появлением целиком обязаны фантазии японских мастеров.

Фигурки ханива в шлемах демонстрируют нам значительно большее разнообразие шлемов как металлических, так и изготовленных из кожи. Безусловно, последние сделаны по подобию первых. Однако, с моей точки зрения, едва ли какой-то из кожаных шлемов является плодом вымысла автора фигурок (рис. 44). Некоторые шлемы кажутся более практичными, чем другие, поэтому нельзя исключить, что последние были предназначены главным образом для церемониальных целей. Основная часть найденной амуниции датируется средним этапом периода могильных курганов; способ соединения между собой небольших железных прямоугольников появился только во второй половине V века.

Племенной союз Ямато отдавал явное предпочтение длинному одностороннему мечу, прообразом которого был китайский меч династии Хань. Отчасти это предпочтение объяснялось большим, по сравнению с коротким мечом, психологическим воздействием на врага. В одной гробнице было найдено четырнадцать таких длинных мечей, а по десять или около того штук в захоронении встречается довольно часто. Некоторые мечи вложены в погрытые золотом ножны, на золоте сделан выпуклый рельеф; рукояти мечей перевиты золотой проволокой (рис. 46). Из Кореи пришел меч с рукоятью в виде кольца, на Японских островах, как обычно, это усовершенствовали. Корейский орнамент в виде трилистника и рукояти в форме трех арок в Японии встречаются очень редко, а вот такие известные в

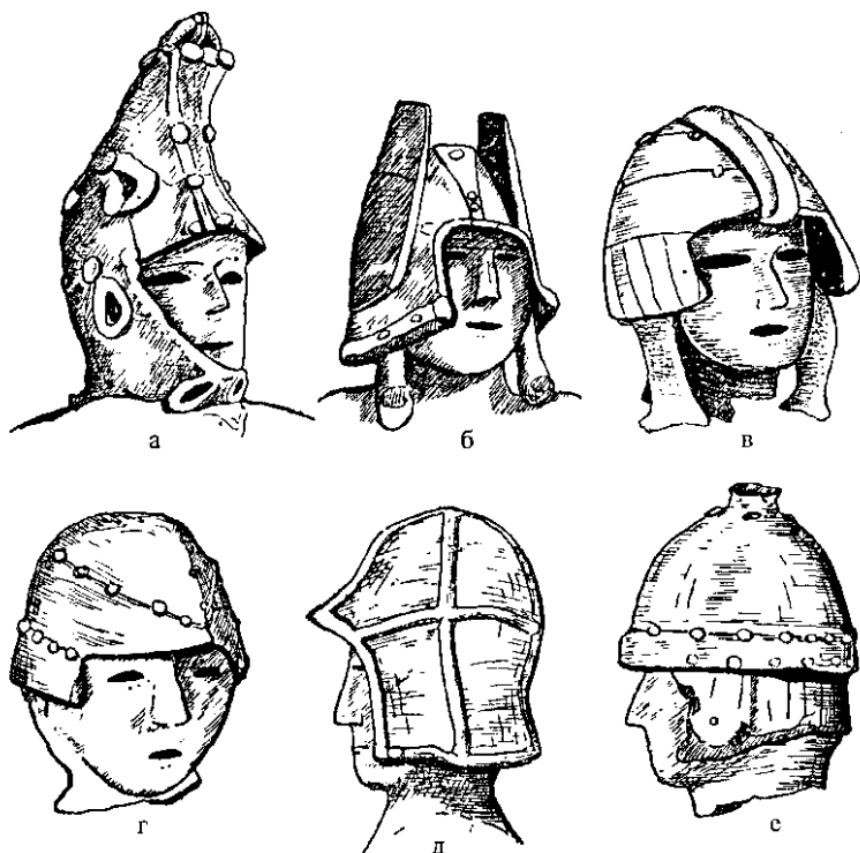

Рис. 44. Защитные шлемы, представленные на фигурках ханива:
 а — княжество Сава, префектура Гумма; б — Минова, префектура Гумма; в, г — место обнаружения неизвестно; д — Тибата, префектура Сидзуока; е — Тюдзо, префектура Сайтама

Корее мотивы, как головы драконов и птиц (поодиноке, друг напротив друга или затылок к затылку), попадаются здесь чуть ли не повсюду (фото 81). Одно изображение анфас звериной морды — рисунок очень китайский по духу — можно увидеть в нескольких вариантах. Самое сложное и тщательно выполненное изображение — это две головы друг напротив друга, удерживающие один мяч; часто оно покрыто позолотой (рис. 45). Скорее всего, это был

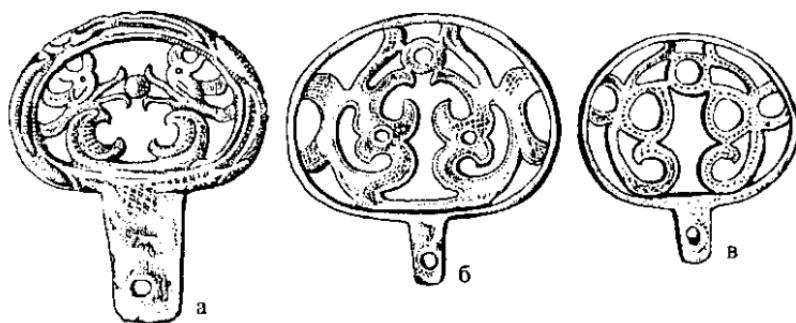

Рис. 45. Навершия мечей с изображением голов дракона: а — Кусе, префектура Окаяма, высота 8,5 см; б — Йоккайти, префектура Миэ, высота 8 см; в — Иино, префектура Тиба, высота 6 см

один из характерных для буддизма символов (сначала, как обычно, весьма реалистичный), на примере которого в полной мере проявился талант японцев превращать первоначальный реальный замысел в нечто абстрактное. С течением времени, в данном случае в таких регионах, как префектуры Окаяма, Миэ и Тиба, изображения голов в профиль стали делать более плоскими, они приобрели стилизованный и чисто декоративный характер. В книге «Шесть законов» китайской императорской династии Тан есть упоминания о покрытых орнаментами рукоятках церемониальных мечей, которые вполне могут быть прообразами данных японских произведений; при этом следует отметить, что китайские оригиналы, подходящие под это описание, пока не обнаружены. Корейские аналоги этих японских произведений родом из княжества Силла. Во второй половине VII века в Японии появился меч с круглой головкой рукояти, как правило тоже украшенной причудливым орнаментом.

Три основных типа бронзовых наконечников стрел с хвостовиками имели самое большое распространение на раннем этапе периода могильных курганов, в

Рис. 46. Железный меч с отделкой из золота. Ниихари, префектура Ибараки. Длина около 110 см

захоронениях этого времени они встречаются вместе (фото 80). Реже находят наконечники с тонким, как лист бумаги, лезвием, отверстиями в центре, треугольным зубчатым основанием и коротким хвостовиком, не выступающим дальше нижних углов копья. Так же редко попадаются наконечники без хвостовиков, рабочий конец и тело этих наконечников имеют выпуклые очертания, а углубление в форме буквы U перекрыто тонкой перемычкой.

Щиты находят в гробницах настолько часто, что внешний вид типичного щита (выгнутый аркой сверху и немного вогнутый по бокам) всем хорошо известен (рис. 47, б). На одном из зеркал, наряду с изображениями множества небольших человеческих фигур, есть и изображения щитов — больших и имеющих изогнутую форму (рис. 47, в). Однако необходимо заметить, что по поводу этого зеркала возникает целый ряд вопросов. Прямоугольные железные щиты, состоящие из полос металла, соединенных между собой при помощи клепки, встречаются среди погребального инвентаря. Для практического применения они едва ли пригодны, ведь они слишком высоки — примерно 1 метр 20 сантиметров — и тяжелы. Вероятно, это были наградные щиты, которые император вручал своим подчиненным, — о таких щитах есть упоминания в литературе. Более удобными в применении представляются щиты из дерева и ко-

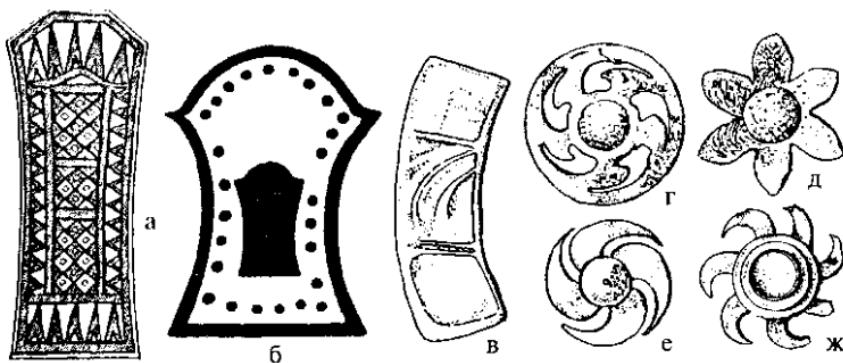

Рис. 47. Щиты и украшения для щитов: а — щит из захоронения Сакурадзука (реконструкция), Тойнака, префектура Осака; б — рисунок на стене захоронения Оцука, префектура Фукуока; в — изображение щита на зеркале с фигурами охотников, префектура Гумма; г, д — украшения из захоронения Кинреи, города Кисарадзу, префектура Тиба; е, ж — места обнаружения неизвестны

жи. Судя по окрашенным остаткам щита из кожи, обнаруженным в захоронении Сакурадзука (город То-ёнака, префектура Осака), такие щиты, похоже, покрывали лаком или обтягивали парчой (рис. 47, а). Складывается впечатление, что украшения из бронзовых окружностей, цветов и «водоворотов» придавали изделию дополнительную жесткость и лишь отчасти выполняли декоративные функции (рис. 47, г—ж).

Переносной колчан в основном привязывали за спину — об этом мы можем судить по ханива, каменной скульптуре и рисункам на стенах гробниц (рис. 48, а). Однако несколько фигурок ханива имеют огромные, в рост человека колчаны; поскольку у этих колчанов слишком много общих особенностей, едва ли они являлись плодом воображения изобразивших их мастеров (рис. 48, в). Вероятнее всего, такие колчаны делали из дерева. Сейчас можно только строить предположения, как их переносили с места на место (вероятно, силами двух-трех человек) и для чего они были предназначены (воз-

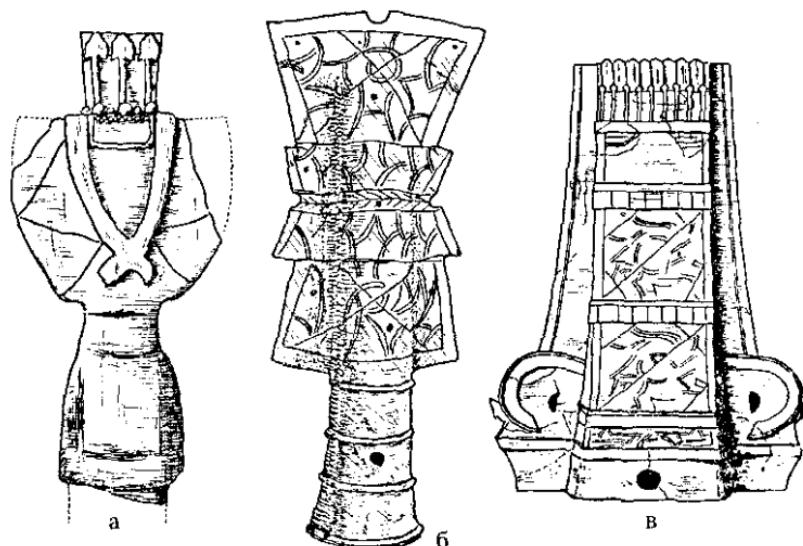

Рис. 48. Колчаны, выполненные в технике ханива: а — Годо, префектура Гумма, высота около 70 см; б — Мияке, префектура Нара, высота около 115 см; в — Окубо, префектура Киото, высота около 105 см

можно, для обучения и тренировки лучников). Не исключено, что их могли носить во время торжественных процессий, использовать по прямому назначению во время соревнований лучников или имеющих непосредственное отношение к соревнованиям церемоний. Интересно, что, подобно многим другим колчанам, в этих стрелы тоже поставлены остриями вверх.

Каменные копии обнаруженных в гробницах ножей, кинжалов, наконечников копий, а также разнообразных оружия и амуниции в некоторых случаях отражают такое явление в психологии человека, как вера в то, что число талисманов и амулетов пропорционально числу магических заклинаний. Одними из самых известных сторонников этой точки зрения являются собиратели *магатам*. В захоронении Катон-

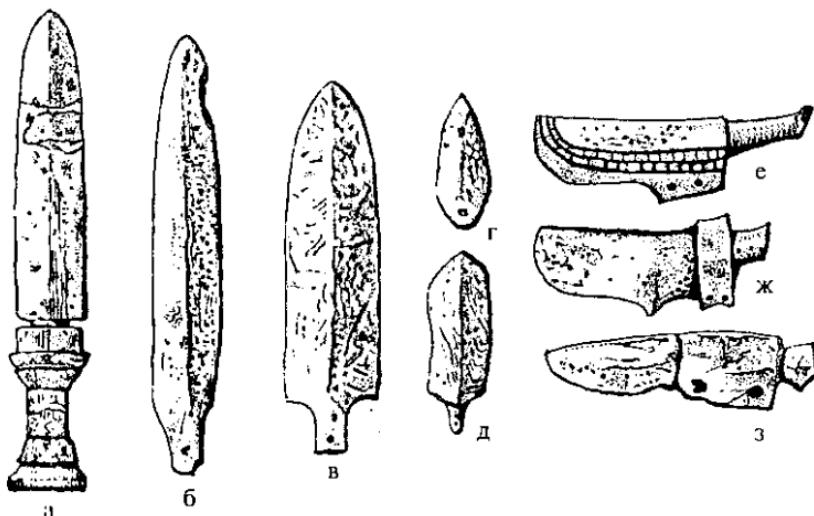

Рис. 49. Каменные кинжалы, наконечники копий и ножи из захоронений: а — Миromи, префектура Гифу; б, е — Каваи, префектура Нара; в — префектура Гумма; г — Йокогама, префектура Тотиги; д — Умами, префектура Нара; ж — Минамитатибана, префектура Гумма; з — Ивахана, префектура Гумма

бояма в городе Сакай были найдены более двух десятков миниатюрных — длиной около 2,5 сантиметра и шириной около 1,5 сантиметра — ножей в ножнах, похожих на те, что изображены на рисунке 49, е—з. На рисунке показаны небольшие ножи с выгнутым режущим краем, а у фигурок ханива ножи находятся в закрепленных на поясе кожаных футлярах, поэтому об их точной форме можно только догадываться. Однако не вызывает сомнений, что это похожие на мясницкие ножи с широким лезвием, имеющие один режущий край. До сих пор никому не удалось дать какое-либо правдоподобное объяснение этому факту, что лезвия ножей почти всегда спрятаны.

Стремительный рост популярности лошади во второй половине V века заставил обратить внимание на необходимость защиты ног всадника и кру-

па лошади и создание соответствующей амуниции для конного воина. От прежней амуниции не отказались в одночасье, однако она уже ни фактически, ни психологически не соответствовала потребностям пересевшего на коня мелкопоместного дворянства первой половины позднего этапа периода могильных курганов. VI век, к которому относятся выполненные в технике ханива фигурки лошадей, стал временем расцвета искусства. Страна находилась на пороге перехода к буддизму, и гильдии ремесленников аккумулировали традиции и совершенствовали мастерство, необходимое для того, чтобы удовлетворять запросы богатых людей, желавших в качестве погребальной утвари иметь высокохудожественные произведения. Кроме того, подсознательно ремесленники уже готовили себя к работе по изготовлению убранства для буддистских храмов. Поэтому, хотя в конце VI и начале VII веков, как часто бывало и раньше, приходилось привозить в Японию корейских мастеровых — в данном случае для обучения японцев изготовлению совершенно незнакомых для последних предметов поклонения и другого убранства буддистских молелен, переход к новым видам работы прошел довольно гладко. Например, гончарам, специализировавшимся на серой керамике, было несложно переключиться с производства церемониальной погребальной утвари на производство изразцов для храмов.

Ренессанс искусств VI века в Японии проходил на фоне постоянных в этот период на континенте политических потрясений. Похоже, что какое-то из сильных тюркских племен, вероятно населявшее не слишком удаленные от прежнего государства Вэй в Китае земли, через Корею пришло в Японию и к этому времени уже составляло значительное боль-

шинство высшего сословия. Благодаря частым бракам с людьми чужой крови оно находилось в тесном родстве с аристократией Силлы; на новую родину оно принесло законы, привычки и обычай своей страны. По мнению Н. Эгами, некоторыми своими важными особенностямиprotoисторический период в Японии обязан влиянию внутренних областей Евразийского материка. Он предположил, что произошедшие изменения были напрямую связаны с приходом на остров Кюсю воинов-пастухов, которые навязали себя японскому аграрному обществу в качестве правителей. Справедливость этого предположения не лишена оснований, особенно для тех, кто готов согласиться, что несколько волн миграций привычных к коню жителей степей действительно имело место (а такая вероятность очень высока) и что основная часть переселенцев прибыла на острова ближе к концу VI века — как раз на это время приходится период, когда японцы окончательно пересели на лошадь. В противном случае, как объяснить появление характерных для внутренних областей Евразийского материка особенностей в культуре периода могильных курганов? Удовлетворительного объяснения этого феномена нет.

Меч с круглой головкой рукояти — постоянный компаньон боевого убранства коня, хотя его история в Японии, по сравнению с началом массового производства средств для защиты лошади в бою, насчитывает, как минимум, на пятьдесят лет больше. Тем не менее, примерно в середине VII века перестают делать как одно, так и другое. Интересно наблюдать знакомые по фигурам ханива детали в скульптурных рельефах материального Китая, которые изображают мужчин в мешковатых штанах, вооруженных похожими мечами.

Рис. 50. Серебряная накладка в виде лошади на железном мече из захоронения Фунаяма, Кикусуи, префектура Кумамото

Ханива в очередной раз приходит нам на помощь, когда мы пытаемся понять, какой была конская сбруя и какие декоративные элементы в ней использовались (фото 101). В фигурках ханива лошадь предстает дружелюбным созданием, молчаливым защитником, животным неподвижным и одновременно полным сдерживаемой или скрытой до времени энергии, которая в любой момент готова выплеснуться. С другой стороны, на рукояти меча из префектуры Кумамото мы видим редкое изображение бегущей лошади — оно выполнено в виде серебряной накладки (рис. 50). Качество техники, в которой оно выполнено, чуть выше посредственного, однако именно благодаря его несовершенству фигура животного наполняется первобытной силой и энергией, которые в других изображениях отсутствуют. Спиральные завитки на крупе лошади, возможно, свидетельствуют о наличии опосредованных связей со скифами.

Уздечки варьируются от самых простых и лишенных каких-либо украшений до отделанных золотыми S-образными пластинами экземпляров, что тоже говорит об отдаленном влиянии культуры скифов. Подобным же образом привлекающий внимание реализм цветочных узоров второй половины позднего этапа периода могильных курганов явно имеет истоки в искусстве времен китайских династий Суй и Тан, хотя те из цветочных узоров, которые отличаются большей стилизацией, несомненно, имеют местное японское происхождение. Типичные стремена — судя как по фигуркам ханива, так и по нескольким под-

Уздечки варьируются от самых простых и лишенных каких-либо украшений до отделанных золотыми S-образными пластинами экземпляров, что тоже говорит об отдаленном влиянии культуры скифов. Подобным же образом привлекающий внимание реализм цветочных узоров второй половины позднего этапа периода могильных курганов явно имеет истоки в искусстве времен китайских династий Суй и Тан, хотя те из цветочных узоров, которые отличаются большей стилизацией, несомненно, имеют местное японское происхождение. Типичные стремена — судя как по фигуркам ханива, так и по нескольким под-

линным находкам, — представляли собой похожие на мешочки изделия круглой или овальной формы, которые иногда под ногой всадника заметно расплющивались снизу (рис. 51). Лошадь ханива без стремян — это нечто из ряда вон выходящее; у одной фигурки имеется какой-то поврежденный бесформенный предмет — вероятно, мастер предпринял попытку изобразить позолоченное бронзовое стремя, какие были в моде в конце периода. Стремена, очень похожие на стремя из префектуры Фукуока, в настоящее время находятся в Сёсоине и Хорюдзи.

Обнаруживаемые в гробницах остатки седел чаще всего представляют собой металлические дуги (от задней и от передней частей седла) с орнаментом. Седло на фигурах ханива имеет мало общего с удлиненным седлом государства Вэй, а вот с седлом более близкого соседа — Силлы определенное сходство заметно.

Ханива отлично демонстрируют нам, насколько разнообразными были такие украшения лошадей, как подвески (рис. 52). Очень часто эти позолоченные изделия ажурного литья, выполненные в виде миниатюрных седел более или менее квадратной формы, декорированы характерными континентальными цветочными узорами или сердечками, а также различными кругами, овалами, ромбовидными фигурами или сочетаниями окружностей и пятиугольников (фото 82). Маленькие сферические бронзовые или золотые колокольчики подвешивались к упря-

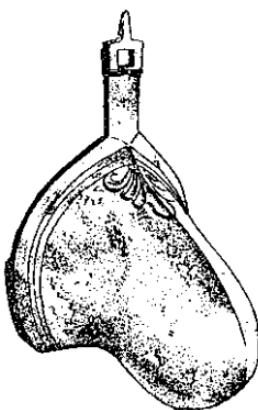

Рис. 51. Стремя из захоронения Миядзигоку, префектура Фукуока. Позолоченная бронза

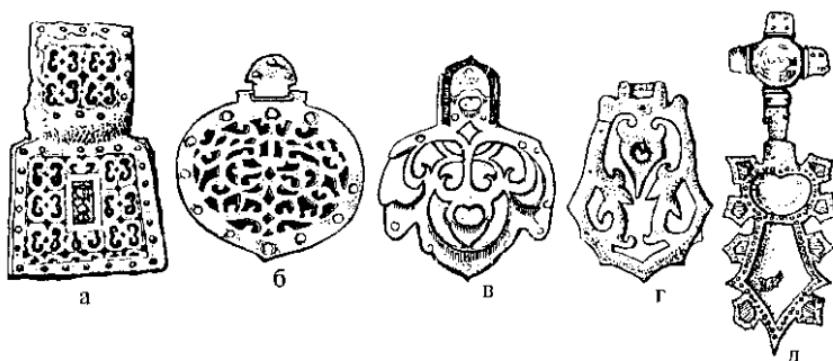

Рис. 52. Украшения для конской сбруи: *а* — Фуруити, префектура Осака; *б* — Цума, префектура Миаги; *в* — Мэйдзи, префектура Тотиги; *г* — Сайтама, префектура Сайтама; *д* — захоронение Ошука, префектура Фукуока

жи на голове, шее и боках лошади, а большие вешались на шею (фото 84). Колокольчики, идентичные представленным на фотографии, были найдены в захоронении Мендори в одноименной деревне в префектуре Эхиме на острове Сикоку. Колокольчиками другого типа украшали щеки и круп лошади — это были сферические колокольчики, закрепленные с внешней стороны кольца, диска или покрытой мелкими бугорками пластины. Такое украшение, очень напоминающее бронзовое зеркало с небольшими колокольчиками, было обнаружено в Синтаку, префектура Сайтама (фото 83).

Среди прочих предметов в гробницах раннего этапа периода могильных курганов встречается множество разнообразных аккуратно вырезанных и отполированных предметов из камня, предназначение которых остается неясным (рис. 53, *б—г*). Они похожи одновременно на стилизованные фигурки, рукояти мечей, магатаму на сломанном мече, слегка стилизованные фаллические символы и другие предметы — как воображаемые, так и реальные.

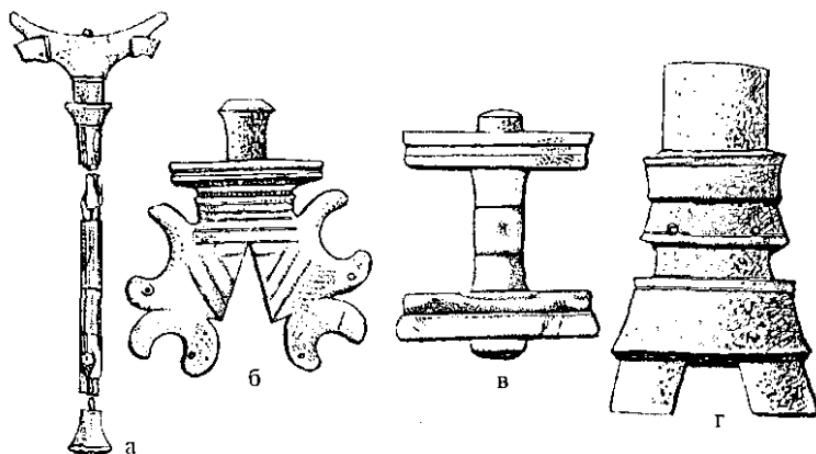

Рис. 53. Артефакты из камня из захоронений: а — захоронение Тяусуяма, префектура Нара, высота 48 см; б, в — захоронение Маруяма, Томио, префектура Нара; г — Иsigами, префектура Нара. Высота б 6 см, в и г даны в том же масштабе

Следует отметить, что почти все они имеют общие черты, к числу которых относится и наличие двух ножек; последние иногда уменьшаются до небольшого выступа, имеющего форму рыбьего хвоста (изображенный на рис. 53, в предмет — исключение из правил). То ли по простому совпадению, то ли нет, но в Кансае эти предметы находят в тех же могильниках раннего этапа, что и «браслеты-мотыги», и также часто.

Р. Моримито считает, что данные изделия из камня объединяет общее происхождение, причем явно японское, однако он не отрицает наличия и определенного континентального влияния. Строя свою теорию на том факте, что вырезанный из рога оленя предмет в форме пlectра гитариста был найден в коридорной гробнице, он выдвигает предположение, что эти изделия — сильно стилизованные варианты кобылок, которые подкладывают под каж-

дую струну *кото* — упоминаемого в ранней литературе музыкального инструмента; за игрой на нем изображены некоторые фигурки ханива. Кстати, в числе изделий ханива обнаружен и плектр для игры на *сямисэне* — инструменте, напоминающем гитару.

Каменный предмет из гробницы Тяусуяма, датирующейся ранним этапом периода могильных курганов, специалисты признали символом власти (рис. 53, а). Он имеет форму меча, на одном конце у него сделано навершие, а на другом — совершенно бесполезная рукоять; изделие усилено железным стержнем, проходящим по всей его длине.

Должно быть, ценность каменных копий браслетов из раковин и металла заключалась в их количестве: так, в гробнице в Акасаке, префектура Гифу, обнаружено 54 круглых браслета и один «браслет-мотыга»; в одной из гробниц княжества Цудзуки в префектуре Киото найдено 11 браслетов четырех разных типов (рис. 54). Каменные браслеты могут встречаться целыми комплектами, состоящими из браслетов разных размеров, часто они покрыты красной краской. Наиболее распространенными являются браслеты в форме кольца. Изделия, похожие на гарду эфеса, встречаются в нескольких вариантах, наибольший интерес из них представляет так называемый «браслет-мотыга» (рис. 54, а). Таинственные легенды связывают его обретение с лисой и с богом риса Инари: судя по всему, первый «браслет-мотыга» был выкопан из земли лисой. Нет сомнения, что это крайне несерьезное объяснение. Скорее всего, данное изделие — это сильно увеличенное в размерах и потерявшее свой первоначальный вид приспособление лучника. Со временем его характерные черты были утрачены, и сейчас его происхождение с полной уверенностью определить невозможно.

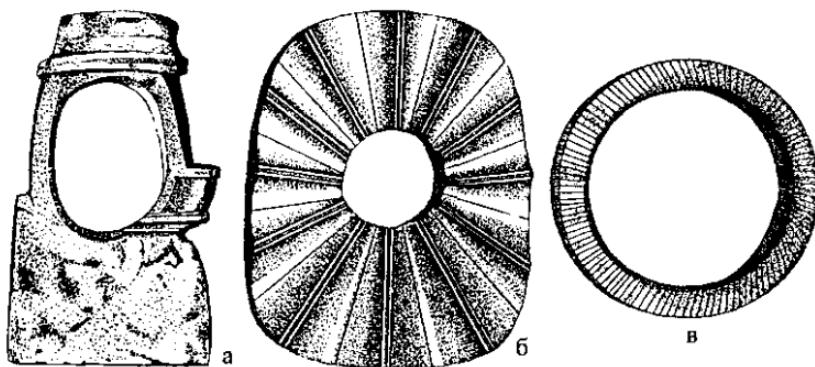

Рис. 54. Браслеты из камня из захоронений; а — захоронение Ма-
руяма Томио, префектура Нара; б — место обнаружения неизвестно;
в — захоронение Яватамати, префектура Киото, диаметр 8 см

Иммигранты из Кореи принесли с собой в Японию декоративные головные уборы и, возможно, именно благодаря корейцам аборигены островов нашли их весьма привлекательными — о таком отношении островитян к этим изделиям свидетельствуют ханива и остатки погребального инвентаря. Небольшой золоченый головной убор из гробницы Фунаяма в префектуре Кумамото, без сомнения, сделан в Корее: на проходящем по краям изделия жестком каркасе закреплено ажурное металлическое полотно со сложным рисунком с изображением животных (фото 85). Считается, что такие головные уборы носили в сочетании с короной — подобно тому, как это делали на юге Корейского полуострова. Высокие вертикальные короны обнаружены в префектурах Гумма, Фукуи, Тиба, Сига, Эхиме и во многих других местах. Одна из найденных корон состоит из удлиненных выступов, напоминающих деревья с тремя ветками, а к ним на золотых проволочках могли подвешивать небольшие магатамы или диски — это изделие очень похоже на те, что делали в корейских

княжествах Мимана и Силла и, соответственно, говорит о наличии непосредственной связи с Кореей. На фигурках ханива представлен великолепный ассортимент головных уборов, в том числе и корон (рис. 64).

Бронзовые туфли с позолотой тоже имеют аналоги в Корее — это наводит на мысль о том, что владельцы этой обуви прибыли на острова совсем недавно, ведь переселившиеся в Японию члены корейской королевской семьи неоднократно упоминаются в письменных памятниках (фото 86). Большинство подвесок на туфлях до нашего времени не сохранилось, а когда-то даже с их подошв свисали миниатюрные рыбки. Ни на одной из фигурок ханива нет подобной обуви, поэтому можно сделать вывод о ее церемониальном предназначении — в первую очередь погребальном. Следует отметить, что такие туфли являлись предметом роскоши и были недоступны ни большинству элиты, ни кому-либо другому, кроме носителей титула.

В число личных вещей, которые клади в могилу с усопшим в VI веке, входили также серьги и украшения для пояса (рис. 55). Большое сходство с аналогичными корейскими изделиями говорит о том, что с того времени, как К. Хамада и С. Умехара сделали вывод об их корейском происхождении, не случилось ничего такого, что бы изменило данную точку зрения. По мнению этих исследователей, серьги и украшения для пояса, наряду с бронзовыми туфлями, были изготовлены либо в самой Корее, либо в Японии корейскими мастерами. Китайцам рассчитанная на публику демонстрация подвесок для ушей была чужда, а вот в Силле очень любили различные висячие украшения — подвески, бусы, сердечки, диски и прочее — и декорировали ими самые

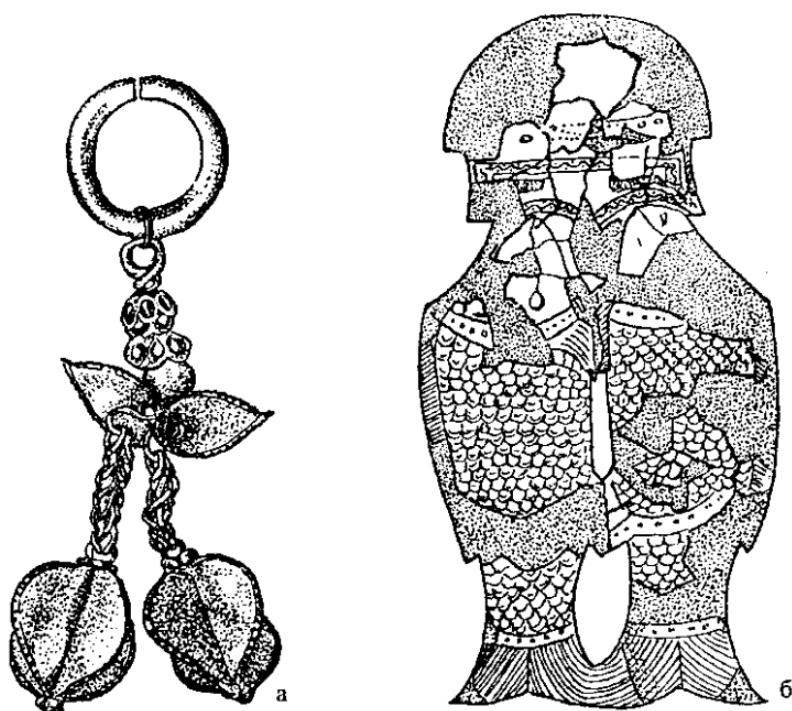

Рис. 55. Одна серьга из пары золотых серег и одна подвеска из пары позолоченных бронзовых подвесок в виде рыб: а — захоронение Камоинариёма, Мидзё, префектура Сига, длина около 6 см; б — Киёкава, Кисарадзу, префектура Тиба, высота 18 см

разнообразные предметы, в том числе и серую керамику, которую в качестве погребального инвентаря клали в захоронения. Корейцев в шутку можно назвать создателями «культуры подвесок». Техническое исполнение серег находится на высочайшем уровне, а филигрань на некоторых из них явно указывает на то, что сделаны они были корейцами. Позолоченными подвесками в форме рыб украшали пояс одежды — это особенно любили китайцы времени правления династии Тан. Вероятно, в странах Дальнего Востока вера в то, что эти подвески выполняют функции талисманов, уже тогда насчиты-

вала многое столетий. Что касается данных рыб, то обнаруженные в могильниках Кореи и Японии копии этих украшений могут достигать длины 20 сантиметров.

Говоря о древних символах, нельзя не упомянуть о магатаме — бусине изогнутой формы, игравшей такую важную роль в защите потомков богини Солнца (рис. 56). Уже в эпоху Дзёмон к ней относились как к талисману-хранителю, она существовала и в эпоху Яёй, хотя особой популярностью не пользовалась и в крупных поселениях этой эпохи была практически неизвестна. Расцвет магатамы пришелся на период могильных курганов, что, возможно, связано со вновь усилившимся влиянием корейской культуры. Появляется огромное количество новых форм, магатамы изготавливают из практически любого доступного камня и из стекла. В некоторых захоронениях встречаются целые коллекции магатам, насчитывающие сотни экземпляров. Временами попадаются очень крупные изделия, длиной больше 10 сантиметров. При всем разнообразии каждая магатама состоит из двух частей, соединенных по принципу «спина к спине» и «на закорках» (или, по японской терминологии, «мать и дитя»). Отдельно магатамы не встречаются, они используются в сочетании с другими предметами, на которых они закрепляются.

В захоронении Кинреи (город Кисарадзу, префектура Тиба) за саркофагом, среди черепков разбитых керамических сосудов были найдены две плоские бронзовые с позолотой резные пластины. Их местонахождение в погребальной камере указывает на то, что первоначально и они, и керамика находились на деревянной полке. Одна пластина очень сильно повреждена, а вторая почти целая, за исключением сло-

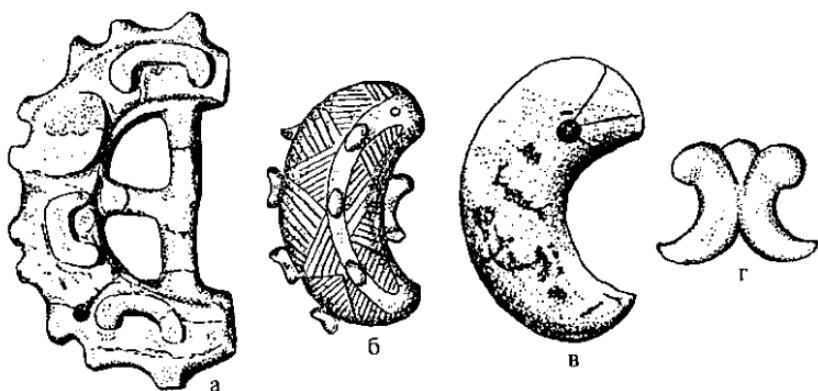

Рис. 56. Каменные магатамы из захоронений: а — захоронение Кагасаки, Мацуз, префектура Симана; б — Утиура, префектура Сидзуока, длина 8 см; в — найдена рядом с захоронением императора Нинтоу, Сакай, префектура Осака, длина 6 см; г — захоронение Кагамидзука, Исохама, префектура Ибараки

манных завитков по краю и нескольких утраченных подвесок (рис. 57). Специалисты узнали в них церемониальные веера, к которым прикрепляли перья или что-то в этом роде; опахало насаживали на длинное древко. Медленные движения опахала сопровождались приятным перезвоном, призванным отгонять рыщущих поблизости злых духов. Судя по использованному в ажурном рисунке пластины мотиву труб и по другим свидетельствам, обнаруженным в ходе обследования гробницы, эти изделия, вполне вероятно, были созданы в VII веке. Попутно следует заметить, что еще в 1932 году в этом постепенно открывающем свои богатства захоронении были обнаружены бронзовые с позолотой туфли, а в ходе раскопок 1950 года — саркофаг, конская упряжь (три неполных седла и различные детали из металла), а также амуниция, шлем, железные мечи с круглой рукоятью, многочисленные бронзовые колокольчики, серебряные наконечники стрел для лука, золотая тесьма, два бронзовых сосуда, одно зеркало, первоначально находив-

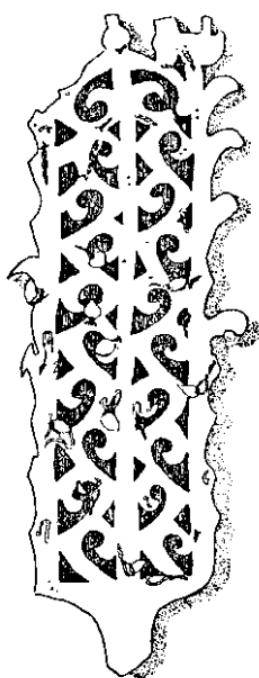

Рис. 57. Бронзовый веер с позолотой из захоронения Кинреи, Кисарадзу, префектура Тиба. Высота около 30 см

шееся на груди усопшего, сотни бусин и около 210 керамических изделий в различной степени сохранности.

Однако вернемся к вееру. Изображения церемониального веера сохранились как на стенах гробниц, так и в фигурках ханива; края веера могли быть как круглыми, так и зубчатыми, причем последние сохранились значительно хуже (рис. 38; 58, а). В Японию были принесены два вида церемониальных вееров, придававших особое достоинство высеченным на барельефах китайского государства Вэй фигурам местной аристократии, причем со временем, даже учитывая воображение местных умельцев, ни один из них не претерпел слишком сильных изменений. Стоит отметить, что изображенные в технике ханива веера по крайней мере на столетие старше этих бронзовых экземпляров. Вероятно, веера ханива — это одна из вариаций продолговатого китайского опахала V века, а веера из гробницы Кинреи — другая вариация изделий того же века, изображения которых сохранились на стенах пещерных храмов Лунмынь в Китае.

Подобное произошло и с зонтом от солнца. Но он, в отличие от веера, приобрел весьма живописный и в то же время нехарактерный для этого предмета вид (рис. 58, б). Правда, не исключено, что он произошел от довольно большого по размеру пере-

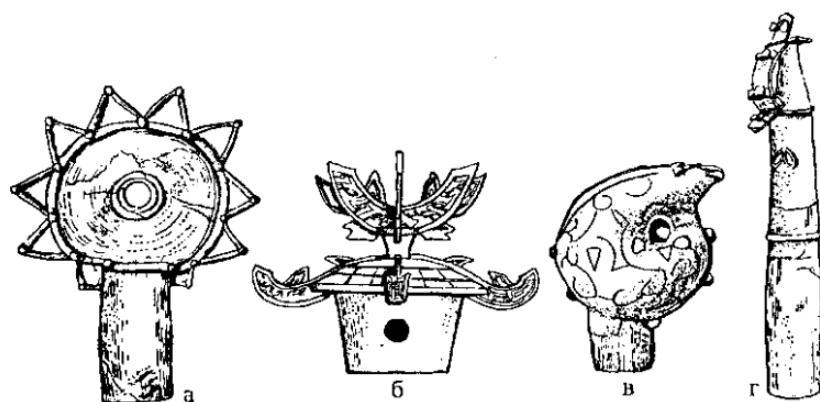

Рис. 58. Выполненные в технике ханива веер, зонт от солнца, приспособление лучника и меч: а — префектура Гумма; б — захоронение Хибасухиме, префектура Нара; в — Иседзаки, префектура Гумма; г — Денентёфу, район Ота, Токио, длина 100 см

носного зонта для защиты от солнца — такие зонты изображены на зеркале с четырьмя зданиями. Сохранились свитки с зарисовками сцен одной из церемоний в храме Исэ: участники процессии несут зонты, украшенные различными декоративными элементами, отделка по краю зонтов поднята вверх. Судя по иллюстрациям, пышность изделий действительно заметно преувеличена, однако не до нереальных масштабов. Некоторые зонты декорированы вездесущим узором *тёkkомон*. На скульптурах воинов часто можно видеть *томо* лучника — пустотелое шарообразное приспособление, помогающее послыять стрелу и усиливающее сопутствующий этому звук; обычно его вешали на пояс. Увеличенный во много раз по сравнению с обычными размерами, он тоже стал достойным для изображения в ханива (рис. 58, в).

Мечи ханива помогли по-новому взглянуть на проблемы, связанные с предметами, не представленными в захоронениях в своем натуральном виде.

Внешне эти мечи напоминают небольшой ручной огнетушитель, имеют гарду, защищающую тыльную сторону руки, и всегда вложены в длинные ножны (рис. 58, г). Ничего подобного, выполненного в бронзе или железе, в захоронениях найдено не было, поэтому, по мнению С. Гото, можно предположить, что мечи такого типа не были предназначены для обычного использования по своему предназначению. Он считает, что эти мечи имеют непосредственное отношение к церемонии Сенгусики в храме Исэ, связанной с переносом каждые двадцать лет резиденции божества в новое святилище. Участники этой церемонии, совершающей в точном соответствии с книгой X века «Энгисики», традиционно несут определенные символы: зонт на длинной ручке, опахало тоже на длинной рукояти, копье, щит, колчан и меч. Меч относится как раз к тому типу, который изображают ханива. Следовательно, предназначение таких мечей чисто церемониальное, вероятно не имеющее никакого отношения к культуре мертвых и всему, связанному с ним. Однако это не исключает такой возможности, что данные мечи могли нести участники храмовых и погребальных церемоний, а после того, как государственным декретом были запрещены сложные погребальные мероприятия, мечи стали использовать исключительно в храмах. То же самое, вероятно, имело место и в том случае, когда положение умершего с точки зрения служителей храма не было высоким.

Найденные в захоронениях изделия из стекла представлены главным образом бусинами, однако были обнаружены и две великолепные стеклянные чаши: одна, якобы извлеченная из гробницы императора Анкана, правившего в эпоху Токугава в 534—535 годах нашей эры, а до того принадлежавшая

Сайриндзи, почти идентична чаше из захоронения императора Нинтоку (рис. 59). Поскольку по происхождению ни одна из них не может быть японской, в поисках возможного места ее создания представляется необходимым обратить внимание не только на ближайшие страны континента, но и на более отдаленные места — например на Византийскую империю. Самое древнее в Японии стекло было найдено в Сугу и Микумо в одной ассоциации с кувшинными захоронениями, оно датируется примерно I веком до нашей эры или нашей эры. Это были целые бусины и их фрагменты. В эпоху Яёй появились другие изделия из стекла, в том числе магатамы. Учитывая то, что магатамы имели ценность только в Корее и Японии, напрашивается вывод, что их не могли делать где-то далеко. Возможно, уже к началу периода могильных курганов стекло изготавливали в Японии из импортного китайского сырья; напомним — на этот момент в Китае была уже давно известна одна из разновидностей свинцового стекла. Из встречающихся в захоронениях стеклянных изделий обращают на себя внимание предметы, где участки разноцветного полосатого стекла заключены в круги стекла другого цвета. Тем не менее, кажется совершенно невозможным, что техника шлифовки стекла и резки по нему достигла такого высокого уровня, чтобы позволить изготовить чаши Анкана и Нинтоку. Нет сомнения, что они свидетельствуют о связях Японии с отдаленными государствами на уровне посланников.

Местные ремесленники обычно быстро начинали производить на месте товары по образцу заграничных, однако в случае с зеркалами было иначе. Дело в том, что совершенно непонятная японцам чужеземная символика и та поначалу неоднознач-

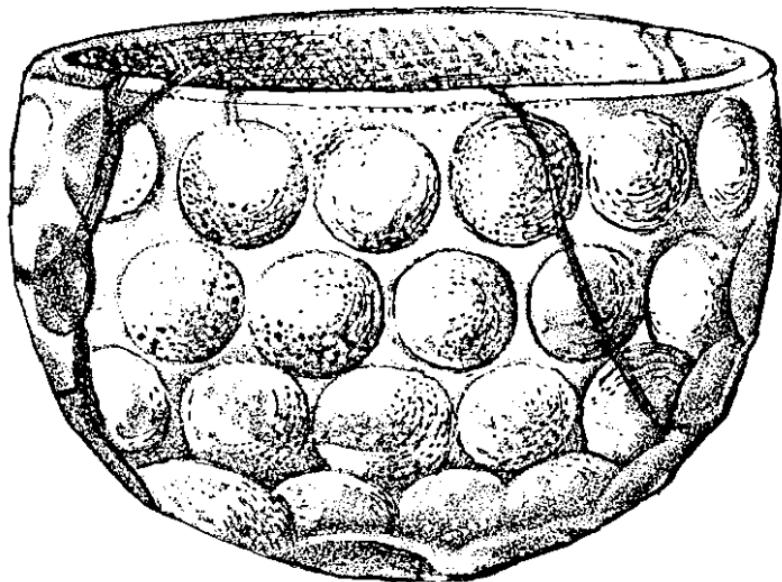

Рис. 59. Стеклянная чаша; традиционно считается обнаруженной в захоронении императора Анкана, Фуруити, префектура Осака. Высота около 8 см

ная роль, которую играло зеркало в религиозной практике, могли выступить в качестве сдерживающих факторов, препятствующих местному производству зеркал. В течение трех столетий Китай удовлетворял потребность Японии в этом товаре, а когда под влиянием буддистских верований зеркал там стали делать меньше и, соответственно, сократилось их поступление в Японию, местные мастера были вынуждены компенсировать их нехватку. Это произошло примерно в середине III века, в то время, когда племенной клан Ямато стремился укрепить свои позиции, поэтому началом производства зеркал японцы, возможно, обязаны именно этому клану, покровительницей которого была богиня Солнца. В этот период зеркало, до того момента имевшее особую важность только для группы Кинки, так как

она считала его символом Солнца, стало символом лояльности.

Прототипами изображений на большинстве японских зеркал были давно и хорошо знакомые по даосизму божества и священные животные, духи которых обрели форму во времена правления династии Хань и чьи воплощения сохранились с некоторыми вариациями до времени государства Вэй. Незначительные отличия в Японии заключались в объединении трех или четырех символов, причем последние утратили все свои характерные признаки и стали аморфными и похожими на червей, за счет чего приобрели еще большую таинственность (фото 91). Вероятно, следует упомянуть и о тех случаях, когда зеркала, отлитые в одной форме, потом находят в одной гробнице или в гробницах по соседству. Сразу же возникают вопросы о центре производства, контроле за распространением, о том, не были ли зеркала переданы кому-то в качестве дара и являются ли они свидетельством признанной власти.

Возвращаясь к китайским зеркалам, скажем, что в той части хроник «Вэй Ци», где описываются события 239 года нашей эры, есть отрывок, посвященный народу Японии. В нем идет речь о том, как передавались зеркала. Хроники утверждают, что Пемифу (по японской терминологии, химеко, — общепринятое название женщины-правительницы), королева Яматай (Ямадай) преподнесла императору государства Вэй много даров, а в качестве ответного дара ей была прислана сотня бронзовых зеркал. Имеющиеся в рассказе неточности усиливают сомнения относительно местонахождения Ямадай. Фонетическое сходство с названием Ямато вполне очевидно, и сторонники точки зрения, что на самом деле Ямадай — это Ямато, утверждают: путаница свя-

зана с тем, что летописцы Вэй хорошо знали только Западную Японию и поэтому отождествили одну из местных правительниц — среди правителей, судя по всему, были и женщины — с верховным владыкой равниной Ямато. Те, кто считает, что Ямадай находится на острове Кюсю, отмечают, что, согласно историческим анналам, в Ямато правила только одна императрица — Дзинго. Годы жизни этой императрицы, которые указывает традиция, не противоречили бы хроникам, однако фактически она жила на 150 лет позже, поэтому и хронология Вэй этого периода представляется более приемлемой. Получается, что все аргументы «за» — на стороне тех, кто ставит знак равенства между Ямадай и равниной Ямато, ведь многие упоминаемые в китайских хрониках детали могут относиться только к столице достаточно густонаселенной местности — например Кансая.

Японские зеркала часто имели весьма внушительные размеры и находились в захоронениях в больших количествах. Как говорят, вместе с зеркалом с изображениями четырех зданий во вскрытой в 1881 году гробнице было обнаружено 35 других зеркал. В захоронении Синъяма были найдены 23 зеркала, в том числе три со знаменитым орнаментом тёккомон (фото 90). Две явно фальшивые надписи на одном из четырех зеркал типа TLV из данной гробницы в определенной степени подтверждают то, что содержимое могильника относится, скорее всего, к концу IV или началу V века; эти зеркала воспроизводят малопонятный и вышедший к тому моменту из употребления вид изделий (фото 88). К V веку появляются поражающие воображение усовершенствования континентальных образцов изделий, и наиболее удивительным и характерно японским является

в этом смысле зеркало из префектуры Гумма, на котором изображены люди с мечами и щитами. К сожалению, оно и зеркало с четырьмя зданиями были найдены довольно давно и отчеты об обстоятельствах их обнаружения отсутствуют. Тем не менее, они — по крайней мере последнее, где даже сохранились остатки ткани, в которую оно было завернуто, — не похожи на подделки. С меньшей уверенностью можно утверждать то же самое в отношении зеркала с изображением фигур охотников. Весьма необычны и его зеленое, как глазурь, покрытие и само изображение (фото 92). Обращает на себя внимание тот факт, что на зеркале все мужчины — левши (они держат щит необычной формы в правой руке) и, хотя традиционно изображение на нем называют сценой охоты, самих охотников, похоже, совершенно не интересует добыча — олень. Щиты представляются излишне тяжелой и бессмысленной ношней во время погони за зверем, да и для танца перед началом охоты на столь миролюбивое животное, как олень, тоже. Люди показаны анфас, а их расставленные, как у лягушки, ноги — в профиль; угрожающие занесенные мечи производят впечатление обрюдоострых. В целом сценка напоминает традиционный танец. Круги и параллельные линии, заполняющие свободное пространство, бугорки и отделяющие части рисунка полосы в нескольких случаях образуют своеобразные косички. Во внутреннем круге виден сосуд с расширяющейся кверху горловиной. Безусловно, народа, все представители которого были бы левшами, никогда не существовало, иначе китайские летописцы наверняка оставили бы упоминания о нем. Судя по всему, отливавший зеркало мастер не очень внимательно отнесся к работе и не перевернул изображение таким обра-

зом, чтобы получилась правильная картинка. Несмотря ни на что, трудно отказаться от мысли, что на зеркале изображен магический ритуальный танец, предшествующий охоте. Тем не менее, это объяснение представляется не слишком состоятельным. Однако после всестороннего детального анализа изображения почти фарсовый характер вполне правдоподобной сцены едва ли можно объяснить простой некомпетентностью изготавлившего зеркало мастера.

Почти 60 зеркал известного происхождения с прикрепленными к ним колокольчиками являются наглядной демонстрацией того, как континентальные изделия прижились и видоизменились в Японии под влиянием местных условий (фото 87). Анализируя находки, Р. Моримото обнаружил, что давляющее большинство этих артефактов поступило из региона центральных гор, чуть меньше — с равнины Канто и из Токая, еще меньше — с равнины Ямато. В регионах вокруг побережья Внутреннего Японского моря зеркала встречаются редко; судя по сообщениям, два зеркала были найдены на острове Кюсю. Приблизительно такова же и схема распределения браслетов с колокольчиками. На зеркалах в основном по пять колокольчиков, однако в остальных случаях их число обычно зависит от размеров зеркала и может быть как четным, так и нечетным. Колокольчики делали на зеркалах с любым рисунком, иногда даже с китайскими мотивами. В целом, говоря о воинственном среднем этапе периода могильных курганов и позднем этапе этого периода, можно сказать, что зеркала — это одна из составных частей культуры пересевшего на коня мелкопоместного дворянства первой половины позднего этапа. При этом следует отметить, что рас-

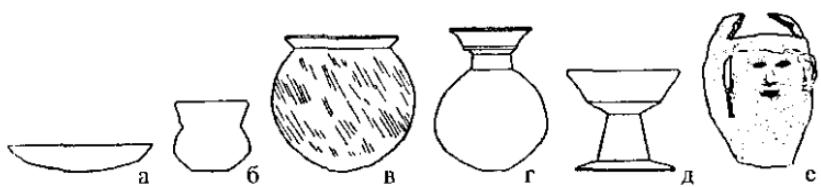

Рис. 60. Керамика Хэйдзи: а — Сувада, Итикава, префектура Тиба; б — Минке, префектура Сидзуока; в — Фурудоме, префектура Нара; г — захоронение Тяусуяма, Сакураи, префектура Нара; д — Исицу, префектура Осака; е — Хосина, префектура Нагано. Высота е — около 13 см, остальные даны в том же масштабе

пределение мест обнаружения зеркал не полностью совпадает с местами обнаружения конской упряжи.

Керамика Хэйдзи местного изготовления периода могильных курганов получила свое название благодаря древним хроникам, в которых слово «хэйдзи» использовалось для обозначения людей, работавших с глиной. Соответственно, слово «хэйдзибэ» означало гильдию гончаров. Поскольку, как складывается впечатление, потребность в керамических изделиях Хэйдзи была значительно меньше, чем в изделиях Суз (другом типе керамикиprotoисторического периода), и поскольку она в большей степени отвечала национальным традициям, керамика Хэйдзи, в противоположность церемониальной Суз, совершенно не похожа на однообразные изделия массового производства. Хэйдзи — это красная керамика, прямая наследница аналогичной керамики эпохи Яёй; обычно она лишена какого-либо декоративного оформления, а сосуды имеют довольно ограниченное количество форм, причем большинство из них с круглым дном (рис. 60). Довольно редко встречаются сосуды с процарпаненным рисунком, однако есть и один уникальный пример декорирования изделий — это сосуд с лепным изображением головы

человека (рис. 60, *e*). Возможно, это говорит о том, что даже керамика Хэйдзи могла использоваться в церемониальных целях — в пользу этого предположения говорят и обстоятельства обнаружения данного сосуда: он был найден под камнями в таком месте и положении, которые указывали на его преднамеренное захоронение. Внутри сосуда сохранилась шелуха от рисовых зерен; внешняя поверхность изделия покрыта красной краской.

Трудно точно определить, где и когда керамика эпохи Яёй превратилась в керамику Хэйдзи — вероятно, это произошло в период расцвета группы Кинки и, скорее всего, в то время, когда гончаров одного региона организовывали в гильдию и приказывали заниматься изготовлением конкретного вида изделий. Ранняя керамика Хэйдзи очень похожа на керамику позднего периода эпохи Яёй, она отличается от последней только отсутствием декоративного оформления поверхности и изменившимися формами. Пик производства сосудов Хэйдзи пришелся на V век, и затем, по крайней мере до VIII века, производство сохранялось на таком же уровне. За этот период керамика Хэйдзи попала даже в такие отдаленные регионы на севере, как южная часть острова Хоккайдо. В различных регионах керамика часто получала разные названия: так, на равнине Канто ее чаще всего называли Идзуми.

Во времена императора Суинина хэйдзибэ было поручено лепить глиняные скульптуры (ханива) для могильных курганов и наблюдать за сохранностью погребальной скульптуры. Литературные источники только подтверждают то, что с точки зрения археологии является очевидным — ханива и керамика Хэйдзи имеют общие корни. Следовательно, это означает, что сосуды, которые использовали в по-

вседневной жизни, делала одна гильдия гончаров, а предназначенные для помещения в гробницу (Суэ) — другая. Это интересное разделение труда, объясняемое развитием двух разных традиций. В «Энгисики» перечислены три типа керамики — Хэйдзи, Суэ и Сино, каждую из которых делала своя гильдия.

Керамика Суэ (в настоящее время считается неправильным использовать ее второе название — *Иваибэ* — «церемониальная керамика») — это специальная погребальная керамика. Японцев с ней познакомили корейцы; она изготавливалась в мастерских высокопрофессиональной гильдии, основу которой, скорее всего, составляли корейцы. Считается, что Суэ появилась в Японии в середине V века, во времена правления императора Юриаки, и что в год, соответствующий 473 году нашей эры, этот правитель приказал гильдии сделать сосуды для его вечерних и утренних трапез. Этим должны были заняться гончары из Сеттсу, Ямасиро, Исэ, Тамбы, Тадзими и Инабы — из провинций, принадлежавших Кинки и соседних с ними. Это не что иное, как список центров производства; по другим источникам, Суэ изготавливали также в Бидзене, Хариме и Оваре на побережье Внутреннего Японского моря и на юге Токая. Возможно, в Кинки она появилась во второй половине IV или V веков; на VI век пришелся ее расцвет, и она продолжала существовать еще долгое время после того, как началась эпоха буддизма: сейчас доказано, что некоторые печи для обжига использовались при изготовлении как сосудов для захоронений, так и черепицы для крыш храмов.

Несмотря на то что Хэйдзи классифицируется как керамика исключительно для повседневного использования, а Суэ — как церемониальная, наверное, будет точнее сказать, что первая была предназ-

начена для простого народа, а вторая — для высшего сословия. Возможно, исключением в этом смысле был юг Японии, где керамических изделий Суэ было так много, что ею едва ли пользовалась только верхушка общества. Именно захоронения стали своеобразным водоразделом между сословиями, что подтверждается и различиями в находящейся в них керамике. Остатки керамики Суэ иногда встречаются в мусорных кучах поселений; на равнине Канто она попадается в ямах от жилищ, значительно чаще ее можно найти в Кансае, где уровень жизни был более высоким. Кроме того, как уже отмечалось выше, временами керамика Хэйдзи использовалась в церемониальных целях. Таким образом, рассмотрение этой керамики позволяет предположить, что различия между сословиями не были столь сильными, как хотелось бы думать археологам.

Существуют различные разновидности керамики Суэ, она делится на группы в зависимости от места и времени изготовления. Однако все то огромное количество изделий Суэ, которое дошло до наших дней, поразительно однородно — это объясняется единообразием подготовки гончаров и тщательным контролем за процессом ее изготовления. Согласно общепринятой терминологии, это серая керамика, ее цветовая гамма варьируется от коричневого до почти черного, включая серо-голубой. Средний слой изделия часто светлее, чем его поверхность. Эта керамика тонкая, легкая, довольно хрупкая; судя по всему, она обжигалась при высокой температуре. В отдельных случаях поверхность покрывает глазуроподобный слой выступивших солей — это результат обжига при очень высокой температуре; специально нанесенное покрытие из глазури появляется примерно к VII веку. Поскольку Суэ делали на

высокооборотном гончарном круге, и на изделиях образовывались тонкие кольцеобразные полоски. Их не старались как-то замаскировать, и временами они играют роль единственного украшения поверхности. Когда сосуды все же декорировали, то обычно это были чередующиеся ряды полос, образованных тонкими линиями или зигзагами. Изредка встречаются шнуровой и штампованный, сделанный при помощи специальной лопатки, орнаменты.

Определить, насколько активно высшие слои общества пользовались керамикой Суэ в повседневной жизни, не представляется возможным. Тем не менее понятно, что постоянно пользовались спросом кухонные очаги, состоящие из трех частей (рис. 61). Несколько таких изделий было найдено в гробницах в Кинки. Самый верхний сосуд с ручками представляет собой дуршлаг с пятью или более отверстиями в дне, однако часто отверстия намного превышают размеры рисового зерна — это говорит о том, что для изделий, предназначенных в качестве погребального инвентаря, функциональность была не важна. Некоторые очаги состояли из четырех частей; четвертый предмет имел цилиндрическую форму и использовался в качестве подставки под дуршлаг, когда последний снимали с огня.

Весьма многочисленны высокие и низкие чаши на ножках; чаши маленького размера имеют крышки (рис. 62). Перфорация на ножках больших сосудов для возлияний выполнена в виде треугольников, прямоугольников и иногда — кругов; то же самое

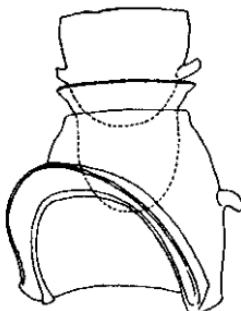

Рис. 61. Керамическая пароварка из захоронения Сандёэ, г. Асия, префектура Хиого. Высота в сборе около 29 см

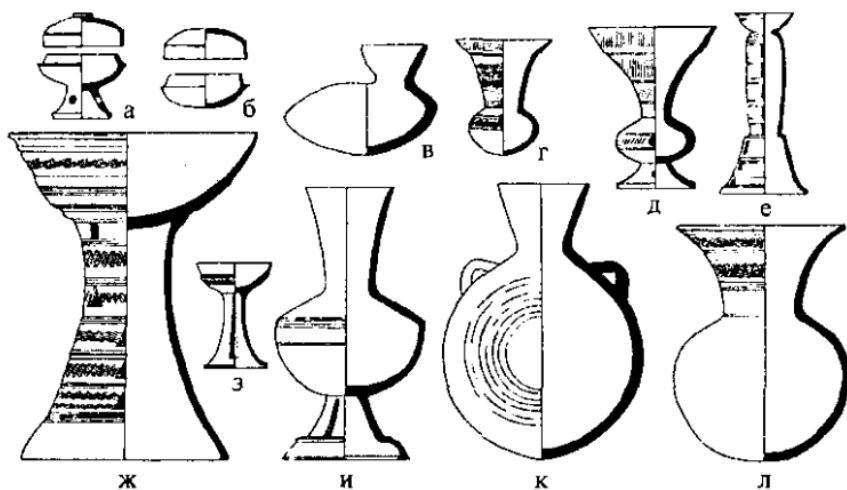

Рис. 62. Керамика Суз: а — захоронение Оцукаяма, префектура Хиого; б — Сакай, префектура Осака; в, и — захоронение Оябу, префектура Осака; г, ж, з, л — захоронение Инарияма, префектура Сига; д, к — захоронение Киреи, префектура Тиба; е — Цусима, префектура Нагасаки. Высота ж — 60 см, остальные даны в том же масштабе

можно наблюдать и у некоторых корейских предшественников этих сосудов. Шея и горловина других сосудов с окружной средней частью обычно сделаны в форме растрюба. Несколько довольно неожиданных форм нарушают однообразие сосудов, но в целом их производство, в соответствии с принципами выпуска массовой продукции, продолжалось с монотонной регулярностью.

На более крупных кубках, которые обычно дела-ли на высоких ножках и в комплекте с несколькими чашками с плечиками, иногда имеются фантастические орнаменты в виде фигур людей, животных и — сравнительно редко — в виде других предметов. Все это вполне в духе Силлы. Недостаточная четкость лепки мешает правильно идентифицировать многие изображения, однако поскольку эти сосуды для возлияний — часть погребальной утвари, то в целом они

должны иметь отношение к церемонии захоронения, в том числе к организации погребальных мероприятий, принесению в жертву животных и перемещению души умершего. В регионе Внутреннего Японского моря и примыкающего к нему Кинки были найдены наиболее интересные экземпляры (фото 95). На одном из самых больших, обнаруженных в префектуре Окаяма, изображены: двое борцов, человек, которого в наши дни мы бы назвали рефери, лошадь и конный всадник. Хуже сохранился сосуд, вероятно, из того же региона, на котором сделана лодка с четырьмя гребцами: трое налегли на весла, четвертый с широким веслом находится на корме (фото 94). На обратной стороне изделия, которая не представлена на фотографии, изображены животные: олень с двумя оленями, еще одно сильно поврежденное животное — возможно, четвертый олень — и еще два зверя, предположительно, кабан и собака. Хотя такие изображения представляют безусловный интерес, нет сомнения, что их авторы утратили мастерство, продемонстрированное своими предшественниками из Силлы, и не достигли уровня мастеров Хэйдзи, изготавливавших ханива для захоронений.

СКУЛЬПТУРА МОГИЛЬНЫХ КУРГАНОВ

Чтобы не использовать для характеристики скульптур, которые устанавливали на склонах могильного кургана, очень громоздкие описания, я выбрал японское слово ханива. Буквально оно означает «глиняный круг», а в зависимости от ситуации может толковаться и как «глиняный цилиндр». Однако, учитывая то, что в разные времена эти скульптуры располагали по кругу, возможно, между данным термином и по-

рядком размещения предметов все же существует какая-то связь. О происхождении этого термина рассказывает в «Нихон Сёки» в связи с историей, имеющей целью поведать о том, как появилась практика изготовления таких фигурок.

Дело было в период правления императора Суйнина — вероятно, в III веке нашей эры. Когда умер дядя императора, «были созваны все его ближайшие слуги и затем погребены заживо стоящими в пределах его мисасаги. Они не умирали в течение нескольких дней, день и ночь были слышны их крики и стоны. В конце концов они умерли и тела их начали разлагаться. Собравшиеся стаи собак и ворон съели их». Пришедший в ужас от случившегося — так, как будто бы он впервые столкнулся с этим малопривлекательным обычаем, — император приказал советникам придумать, как положить конец этой практике. В «Кодзики» говорится, что данный случай погребения заживо был первым, однако, судя по приводящемуся в «Нихон Сёки» более полному варианту рассказа о событии, эта традиция была достаточно древней. Возможность изменить традицию представилась примерно пять лет спустя, когда умерла императрица. Знаменитый борец Номино-сукунэ предложил вместо живых людей, лошадей и реальных предметов устанавливать на могильном кургане их глиняные изображения. Он посоветовал выбрать в Идзумо из гильдии гончаров сотню мастеров и приказать им изготовить из глины такие фигурки. Это было исполнено; получившие название *ханива* глиняные фигурки впервые были установлены на могильном кургане Хибасухиме-но-Микото. Император был в восторге, Номи-но-сукунэ получил награды и был назначен начальником гильдии гончаров. Ему дали новое имя — Хайдзи-но-Оми.

Рассказ завершается словами: «Вот как случилось, что Хэйдзи-но-Оми стал руководить организацией похорон императоров».

Археологам еще предстоит найти подтверждения того, что этот зафиксированный хрониками рассказ о происхождении скульптуры действительно имеет под собой какие-то основания. Доказано, что обычай погребения заживо или принесение человека в жертву существовал в Китае, но в Японии едва ли стали бы это делать либо в самой гробнице, либо в каком-то другом месте, где сохранность останков не была бы полностью обеспечена. И даже несмотря на то что в условиях абсолютизма и фактического наличия рабства такая практика представляется вполне логичной, она, вероятно, не была очень широко распространена. Для сомневающихся в истинности описанных в хрониках событий скажу в их подтверждение, что недавно изделия ханива были обнаружены в могильном кургане, который, согласно «Нихон Сёки», был возведен для супруги императора Суинина. Если не принимать этого традиционного объяснения, то придется согласиться с тем, что скульптуры появились именно под влиянием культуры другой страны, а это значительно труднее хотя бы потому, что у ханива нет практически ничего общего с континентальной скульптурой погребального предназначения, которую, кроме прочих отличий, на континенте помещали внутрь гробницы. Ясно, что рассказ о происхождении ханива — это попытка найти рациональное объяснение упомянутым различиям и показать, почему в Японии скульптуру устанавливали за пределами гробниц, вдавливая в землю. Следует учитывать и чисто национальные особенности этих изделий, уходящих корнями вдалекое прошлое: их первыми авторами были гончар-

ры эпохи Яёй, а мастера периода Хэйдзи продолжили дело своих предков. Судя по всему, легенда о происхождении ханива попала в литературу и сохранилась там благодаря людям, отвечающим за поддержание могильных курганов в надлежащем состоянии. Однако, несмотря на все это, ханива были забыты почти на два столетия. Если в древности уход за могильными курганами осуществлялся должным образом, то ко времени написания хроник эту скульптуру, вероятно, по-прежнему можно было видеть на курганах.

Большое количество ханива, найденных на равнине Ямато, скорее всего, непосредственно связано с их происхождением. Довольно редко они встречаются на острове Кюсю, где большое влияние на культуру оказывала близость моря и где явное предпочтение отдавали скульптурным изображениям лодок (фото 102). Многие ханива на острове Кюсю, что совершенно очевидно, сделаны по образцу изделий Кансая. В районе Идзумо — там, откуда якобы были родом первые мастера, — ханива тоже не очень много. В Окаяме такая скульптура встречается довольно часто, хотя зачастую в ней явно ощущается налет провинциальности. Могильные курганы равнины Канто, включая невысокие горы префектуры Гумма на северо-западе и южные районы Тохоку на севере, буквально изобилуют этими изделиями — главным образом фигурками людей и животных. Именно в данном регионе искусство ханива достигает своей высшей точки, именно там примитивная традиция развивается до логического расцвета этого вида искусства. В Кинки, напротив, все усиливающееся давление со стороны новой культуры — буддизма — ранее ожидаемого остановило развитие скульптуры. Регион равнины Ямато отли-

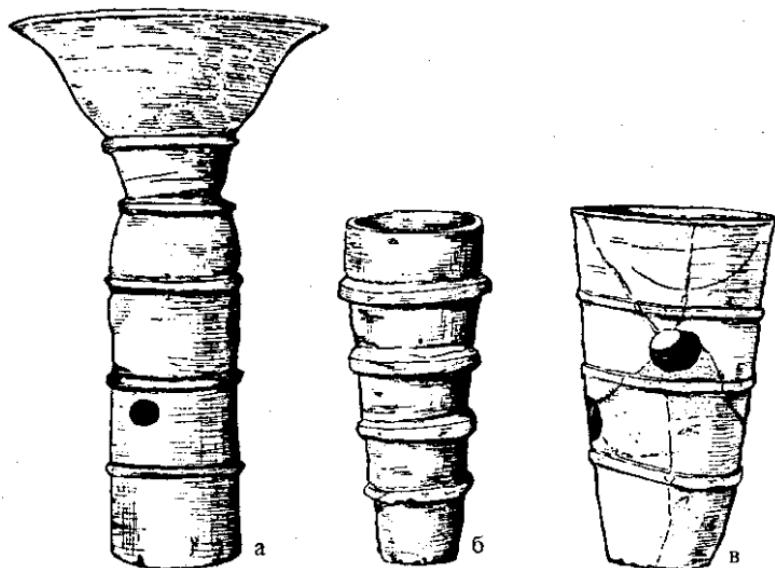

Рис. 63. Цилиндры ханива из захоронений: а — место обнаружения неизвестно; б — Хигасияма, префектура Айти; высота 43 см; в — Миаке, префектура Нара

чается тем, что там мастерам лучше всего удавались изображения лошадей и символических предметов.

В целом скульптурные изображения неодушевленных предметов начали делать раньше, чем фигуруки людей, — они датируются главным образом V, а не VI веком, причем некоторые, как складывается впечатление, появились еще до этого времени.

Первыми ханива были разнообразные цилиндры, они относятся примерно к концу III века; такие цилиндры можно увидеть везде, где есть могильные курганы (рис. 63). В литературе, где рассказывается о происхождении этих предметов, не принимается во внимание тот факт, что цилиндры почти на целый век старше изображений предметов и одушевленных существ. Вероятно, авторы хроник просто об этом не знали.

Цилиндры выстраивали рядами по краям могильного кургана, они образовывали своеобразные террасы, иногда даже по три ряда; часто их ставили по кругу или располагали в обход острых углов вдоль передней прямоугольной части кургана. Самые древние цилиндры ставили через большие промежутки, а к V веку их начали размещать вплотную друг к другу. Кроме того, их располагали в шахматном порядке — фактически зигзагом.

Верх некоторых цилиндров напоминает венчик вьюнка; такими изделиями иногда перемежали высстроенные в ряд более простые цилиндры (рис. 63, а). Что касается места расположения, то их ставили только на самом верху, в самом низу или в других местах кургана. Принимая во внимание этот факт, а также то, что самые ранние цилиндры часто размещали на расстоянии примерно двух метров один от другого, напрашивается следующий вывод: предположение о том, что цилиндры были предназначены для защиты склонов могильного кургана от эрозии почвы, неверно. Согласно другим теориям, цилиндры могли выполнять чисто декоративные функции или являться фаллическими символами. С. Гото считает, что с их помощью делали своего рода защитный барьер или символический забор, обозначавший границы захоронения императора Нинтоку три рва и 20 тысяч цилиндров, вероятно, представляли собой непреодолимую преграду для вынашивающих недобрые замыслы злых духов. Не стоит говорить, что если бы этот могильный курган возводился в XX веке, то даже тогда едва ли можно было бы создать что-то более масштабное и величественное.

Если к цилинду добавлять различные детали, то результат несложно предугадать: получатся разнооб-

разные новые предметы, в основе формы которых лежит цилиндр. Среди ханива такие предметы составляют весьма значительный процент. Некоторые изделия этого рода представляют собой всего лишь длинную трубочку со схематичным изображением черт лица человека, однако более поздние отличаются высокой реалистичностью изображения. Наш современник, приученный современными скульптурами к абстракции и примитивизму, не может не обратить внимания на характерные для изделий мастеров древности наивность и кубизм.

Сохранились фигурки, изображающие участников церемоний, проводившихся в периоды траура: тех, кто приносил дары, музыкантов, танцоров и комедиантов — как мужчин, так и женщин (фото 99). Музыканты, играющие на *кото* (местная разновидность арфы), барабанах и других инструментах, одеты в специальные костюмы; фигурки согнувшихся в низком поклоне людей — возможно, чтецов — заставляют предположить, что это прототипы персонажей театра Кабуки. Изображения мужчин в полной боевой амуниции обычно устанавливали на вершине могильного кургана и нередко в его передней части. Фигурки воинов-участников похоронной процессии тоже ставили на могильном кургане, где они выполняли функции стражей, охраняющих погребение. Лучшие экземпляры этих изображений дают нам прекрасное представление о том, как выглядел в действительности воин в полном боевом обмундировании и с оружием: тело защищали кожаные доспехи, застегивавшиеся на груди на левую сторону (обычная, не предназначенная для боя одежда воина застегивалась на правую сторону). Колчаны носили за спиной, скорее всего, во время различных церемоний, а в бою — на боку.

В целом изображений мужчин больше, чем изображений женщин. К числу последних относится группа фигурок, достаточно вольно названных медиумами, которым, вероятно, была отведена определенная роль в религиозных церемониях раннего синтоизма. Фигурки в длинных одеяниях — в основном это знать, а изображенные по пояс и более схематично — их подданные. В соответствии с той второстепенной ролью в японском обществе, которая была уделом женщины, чаще всего женские фигурки — это всего лишь поясной портрет. И совершенно неудивительно, что женщины задавали тон в погребальных церемониях, ведь похороны — это чисто женское дело. Что касается изображений представителей низших сословий, то фигурка человека довольно аристократического вида с изогнутым серпом у пояса и — сравнительно редко — с мотыгой на плече больше похожа на владельца крестьянского хэзяйства, чем на одного из его работников. Стоит добавить, что, как правило, на нем надет головной убор крестьянина-кули, а уши иногда украшают серьги.

На женщинах жакеты с плотно прилегающим к шее воротником, узкими рукавами и слегка расклешенным низом, в ушах серьги, а на шее — бусы (фото 98). Надо лбом возвышаются гребни для волос, а голова часто прикрыта головным убором наподобие плоской академической шапочки с квадратным верхом, которые носят английские студенты и профессора. Особую популярность у женщин приобрело ожерелье с магатамами (фото 97). Незамужние девушки обычно носили длинные волосы, распуская их по спине; у замужних женщин волосы были короче; мужчины делали пробор посередине, волосы закрывали уши и спускались на плечи. Как и у женщин, у мужчин в моде тоже были различные укра-

шения. Мужские головные уборы отличались огромным разнообразием, причем некоторые из них, без сомнения, также являлись характерным признаком, говорившим о профессиональной принадлежности их владельцев.

Лица многих фигурок разрисованы краской: как правило, это полосы, идущие от области глаз, однако иногда краской покрыты только лоб или полностью все лицо, а случается, что и шея (рис. 64). Это не зависит от пола или рода занятий изображаемого лица. Вероятно, раскрашивание лиц у фигурок просто свидетельствует об общепринятом тогда способе украшения своей внешности, причем не о нанесении татуировок. Правда, необходимо отметить, что во времена императора Ритю ряд племен практиковал татуировки, но, вероятнее всего, на фигурках они были бы обозначены черной сажей. В китайских хрониках — в той их части, где содержится рассказ о варварских, с точки зрения китайцев, обычаях, — имеется упоминание о существовании в Японии практики нанесения татуировок. Позднее татуировка лица фактически свелась к клейменю — в наказание за преступления. Следует добавить, что окрашивание красной краской других частей фигурок ханива ни в коем случае не является чем-то необычным, ею могут быть покрыты головные уборы, одежда, доспехи и оружие.

Для того чтобы фигурки животных не падали, их тоже втыкали в землю. Именно этим объясняется наличие у них чрезмерно длинных на первый взгляд ног. Каким бы странным это ни показалось, но древним мастерам удалось выразить и дружелюбие собаки, и ум лошади, и дурной характер кабана, и робость лани с помощью незамысловатых приемов лепки поверхности, при этом глаза и пасти живот-

Рис. 64. Головы скульптур ханива, иллюстрирующие головные уборы и раскраску лица: а — Минова, префектура Гумма; б — Йосими, префектура Сайтама; в — Минамитатибана, префектура Гумма; г — Таками, префектура Фукусима; д — Тацукава, префектура Тотиги; е — префектура Гумма; ж — префектура Ибараки; з — место обнаружения неизвестно; и — Окава, префектура Гумма; к — Тега, префектура Тиба; л — Акицу, префектура Ибараки; м — Мисато, префектура Гумма

ных, как правило, обозначены всего лишь отверстиями (фото 100, 101). Использование сочетания резкого контраста и плавных переходов от света к тени усиливает ощущение дремлющей в фигурке жизни. Самые узнаваемые изображения — это изображения лошадей, за ними в порядке убывания идут куры, олени, кабаны, собаки, обезьяны и кролики

(фигурки двух последних встречаются довольно редко). Если бы эти фигурки делали во времена Яёй, то чаще всего это были бы изображения животных, обладающих пищевой ценностью; однако если сравнить количество найденных фигурок этих животных с другими, то результат явно указывает на то, что они занимают второстепенное положение. Мы уже упоминали, что лошадь была необходима знати для поддержания своего социального статуса, а наличие изображений домашней птицы можно объяснить, только связав их с легендой о богине Солнца. Согласно преданию, возмущенная безобразным поведением брата, богиня удалилась в пещеру, и весь

мир погрузился во мрак. Ее удалось выманить оттуда только благодаря трем вещам: танцу, крику петуха и ее собственному отражению в зеркале. Петух стал символом смутной надежды для мертвых — по примеру воскрешения для людей богини Солнца, — и, как замечает С. Гото, его крик, вероятно, был одним из основных обрядов во время погребальных церемоний.

В заключение хочу сказать несколько слов о каменных фигурках, либо специально предназначенных для гробниц, либо пришедших из добуддистских времен в эпоху буддизма. Такие изделия были обнаружены более чем в дюжине захоронений на острове Кюсю (в префектурах Фукуока, Кумамото и Оита), а самые известные находятся в захоронении Секидзинъяма («Гора каменных людей»). Среди этих фигурок есть изображения лошадей, дошедшие до наших дней в основном во фрагментарном виде, — так, у сохранившихся лучше других экземпляров утрачены ноги. Среди типичных предметов из камня — колчаны; если смотреть на них спереди, то сверху хорошо видна вставка в виде головы человека. Кроме этого, встречаются схематичные изображения человеческих фигур в доспехах с головой абстрактной формы. Средняя высота этих изображений — 91,5 сантиметра, в сечении они прямоугольные или цилиндрические.

В Кансае многие каменные скульптуры были перевезены из района храмов Асука к гробницам, а в отдельных случаях — в музеи. Вдоль передней части небольшого захоронения, расположенного около огромного могильного кургана императора Каймэя, установили после двух переездов четыре каменные скульптуры странного вида — две мужские и две женские (фото 107, 108). Они настолько похожи на

обезьян, что получили прозвище *сарусеки* (камни-обезьяны). Скульптуры женщин традиционно считаются изображениями божеств, покровительствующих рождению детей, и, хотя в данном случае они могут относиться к эпохе раннего буддизма, я включил их в обзор потому, что, с моей точки зрения, в них нашли отражение взгляды коренных жителей Японских островов, существовавшие до прихода буддизма. Конечно, грубоватость и приземленность манеры, в которой выполнены эти человекообразные существа, явно указывает на отсутствие в этом регионе сколько-нибудь значительного опыта работы по камню. С другой стороны, изящные и даже довольно изысканные изделия каменотесов с острова Кюсю свидетельствуют о наличии определенных достижений в области скульптуры, что опять же может быть объяснено близостью региона к уже существовавшему центру искусственных мастеров.

ХРАМЫ

Ранний синтоизм представлял собой комплекс неясных верований в многочисленных духов природы, особенно в обитавших в тенистых рощах, на горных вершинах, около воды, у камней необычного вида и фактически в любом уголке живописного пейзажа. Не стоит говорить, что воззрения людей и соответствующие им обряды претерпели определенные изменения, причем независимо от того, насколько важное значение они приобрели впоследствии: так, чувство страха, доминировавшее на протяжении всего периода неолита, в эпоху Яёй сменилось более спокойным и оптимистическим настроением, а символика, до этого времени бывшая у каждого своей, в условиях

постепенного налаживания более тесных взаимоотношений между членами общины становилась общей для всей группы. Кprotoисторическому периоду все боги без исключения считались добрыми, они помогали императору и его подданным; в благодарность за милость им стали приносить жертвы и дары; кроме того, людям нравилось, что они выбирали себе такие зеленые и необычные места обитания. Религиозные обряды включали омовение и очищение с целью защиты от скверны, поэтому все манипуляции с «нечистыми» покойниками и погребальные ритуалы находились в ведении жрецов, предсказателей и других представителей этого рода занятий.

К этому времени в пантеоне богов прочно заняли место богиня Солнца и бог Луны. Культ богини Солнца Аматэрасу, возможно, возник в protoисторический период в семье императора, постепенно его приняли приближенные, а затем и все верные императору царства железного века. Это привело к неизбежному результату — к фактическому аннулированию договоренности между богами Идзумо и Ямато, согласно которой все вопросы религии, а со временем и вопросы политики, были отданы на откуп первым. Конечно, можно посчитать компенсацией то, что жителям Идзумо был поручен уход за могильными курганами — таким образом, религия все же осталась в их ведении. В любом случае политическую ценность знамени богини Солнца осознали очень рано, однако последней каплей — тем фактором, который привел к выделению синтоизма как самостоятельной религии, стала конкуренция со стороны буддизма. Он уже обладал к тому моменту развитой системой религиозных взглядов, которые угрожали поглотить примитивные и принимаемые не всем обществом концепции анимизма.

У японцев существовал обширный и лишенный четкой иерархии сонм богов, которые к тому же почти не были связаны между собой. Какие-либо философские построения можно было создавать, только изучив природу и значение каждого божества. Не вызывает сомнений то, что божествам не хватало ярких отличительных черт и поэтому было очень сложно писать их портреты, — даже после того, как буддисты в течение многих столетий создавали изображения своих святых, синтоисты делали это все еще крайне редко. Это указывает на то, что синтоистских богов, являвшихся по своей сути духами природы, было невозможно персонифицировать, придать им человеческий облик. Название религии — «синто», что в переводе означает «путь богов», — появилось всего лишь через несколько лет после зарождения буддизма, причем, вероятно, под влиянием китайского даосизма.

Такие ранние символы синтоизма, как меч, магатама и зеркало, уходят корнями в доисторическую эпоху. Другие — храмы и обряды — тоже имеют очень древнюю историю, скорее всего, значительно более давнюю, чем название самой религии. Так, прообразом *тории* — священных ворот у входа в каждый храм (а часто бывает более одних ворот) — была жердочка, на которой сидел петух, когда пел свою песню, призывая богиню Солнца выйти из пещеры; привязанная к тории веревка из соломы не позволила богине Солнца вернуться в пещеру; эротический танец, благодаря которому она выглянула наружу, по-прежнему исполняется. Ради сохранения первоначальной чистоты религии и ее оригинального (илиprotoисторического) характера с некоторыми своими более поздними «приобретениями» синтоизм расстался самым решительным образом.

Нет оснований полагать, что до того, как буддизм выдвинул идею о создании специального жилища для божества, храмы вообще не строились. По образцу жилых домов возводили напоминающие ящики сооружения, куда либо помещали символ либо оставляли сооружение пустым, считая его местом обитания божества. Поскольку у божества были многочисленные коллеги, каждое из которых отвечало за свою сферу деятельности, соответственно увеличивалось и количество таких сооружений в храмах или на территории храмовых комплексов. Так, величественный храм Идзумо традиционно считается примером места обитания богов, созданного по подобию жилища человека, ведь этот храм посвящен Окуни-нуси-но-Микото, «отцу» рыболовства, медицины и шелководства, который удалился на отдых в это принадлежащее ему место и где для него был построен дворец (фото 104). Таким образом, самый ранний тип храмов — это традиционное жилище высшего сословия, возвышающееся над землей на платформе. С точки зрения планировки здания этот находящийся на северном побережье Тюгоку в префектуре Симана храм является самым старым из всех. В «Нихон Сёки» храм описывается как большое здание, однако, даже несмотря на то что после ряда перестроек первоначальная площадь строения уменьшилась, оно по-прежнему имеет весьма впечатляющие размеры. Территория храмового комплекса достаточно вместительна — это вызвано необходимостью, поскольку она предназначена для собраний богов. Такие собрания с участием всех богов проходят каждый год в течение октября, а богов в синтоизме, согласно ранним переписям, насчитывалось восемь миллионов. Данное мероприятие проводится в соответствии с кон-

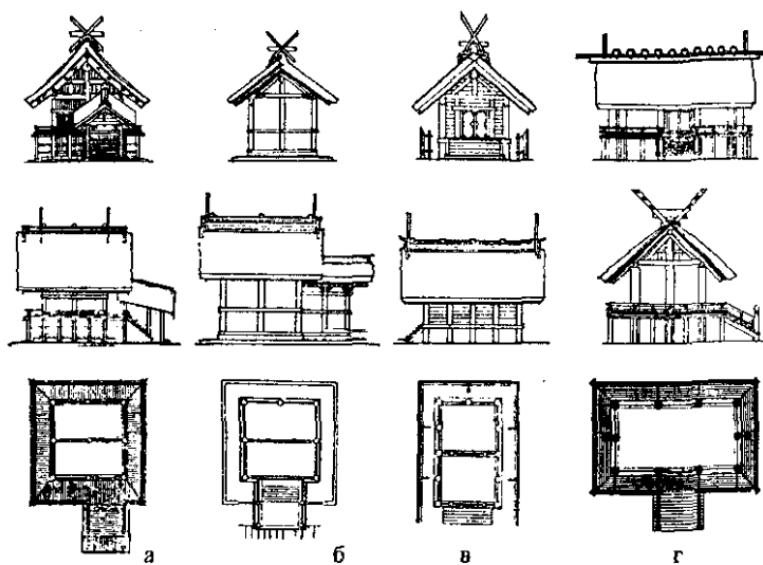

Рис. 65. Схемы внутреннего устройства храмов древних типов, которые возводят и в настоящее время: а — Идзумо, префектура Симане; б — Отори, префектура Осака; в — Сумиёси, префектура Осака; г — Исе, префектура Миэ

цепцией обновления и возрождения, одним из выражений которой является строительство новых зданий храмов по образцу старых в комплексе Исе, осуществляемое каждые двадцать лет. Несмотря на то что храм Идзумо приобрел некоторые типично китайские черты (балконы и прямоугольный дворик вокруг здания) и к тому же строители отказались от прежнего примитивного устройства крыши, его внутренняя архитектура не изменилась: в середине помещения установлен центральный столб, а вход находится сбоку от центра в торце сооружения (рис. 65, а). Такая организация помещения означает, что за перегородкой божество — хозяин храма так же надежно защищен от посторонних взоров, как, наверное, были защищены в своих

поднятых на столбах жилища и люди эпохи Яёй. Из-за особого способа размещения опорных столбов, которые поддерживают коньковый брус, вход в здание смещен относительно центра; о таком расположении столбов мы можем судить по рисунку на бронзовом колокольчике эпохи Яёй и по конструкции храмов Исэ. Однако кprotoисторическому периоду от таких опор отказались. Следовательно, можно сделать вывод о том, что храм Идзумо сделан в соответствии с архитектурными приемами, существовавшими в эпоху Яёй.

Расположенные в нескольких километрах к югу от Осаки храмы Отари и Сумиёси построены уже без центрального опорного столба (рис. 65, б, в). В них дверной проем находится в середине одной из торцевых стен, а центральный столб отсутствует. В отличие от предназначенного для собраний богов храма Идзумо Сумиёси имеет нормальные по меркам человека размеры (фото 105). Он покрашен в красный и белый цвета, что отнюдь не говорит о наличии серьезного стремления сохранить первоначальный облик здания, чего в других храмах смогли добиться, используя при перестройке дерево с неободранной корой и покрывая крышу кипарисовой корой (вместо применявшейся в древности соломы). Собственно говоря, Сумиёси — это не один храм, а целых четыре: три здания стоят в ряд, а четвертое располагается сбоку, как будто бы команда ими. В отличие от других храмов, где окружающие их заборы находятся на достаточно большом расстоянии от храма, здесь заборы стоят настолько близко к каждому зданию, что паломник или простой посетитель вполне может дотянуться до его стены. Три храма посвящены троим покровителям мореплавания — потомкам Идзанаки и Идзанами, а чет-

вертый — еще одному божеству. В результате того, что люди отвоевали у моря более трех километров земли, Сумиёси уже давно не находится на побережье, однако похоже, что этот факт никоим образом не способствовал возникновению веры в то, что обитающие в нем боги являются также и покровителями тех, кто «увлекается» рисовой водкой. История появления этого храма теряется в туманной глубине веков. Хотя, согласно одному преданию, он был основан императрицей Дзинго, на самом деле он датируется примерно VIII веком. Вероятно, он неоднократно претерпевал перестройки (которые полагается проводить каждые двадцать лет), причем последняя из них была произведена около 1221 года нашей эры; а тот вид, который в настоящее время имеет храм, он приобрел после большой реконструкции 1862 года.

В отличие от всех других типов ранних храмов храм Отори сооружен не на возвышающейся над землей платформе. Это наименее известный из четырех храмов, однако едва ли именно по этой причине. Один из источников утверждает, что храм был основан в годы правления императора Суинина. Самое непосредственное отношение к этому храму имел семейный клан Фудзивара: его члены были потомками обитавшего в храме божества по имени Аманокоянэ-но-Микото — декламатора стихов, прославившегося тем, что он повесил на дерево зеркало, с помощью которого удалось выманить из пещеры богиню Солнца Аматэрасу. Помимо отсутствия платформы, у этого храма нет балкона, кроме того, в плане здание почти квадратное. Чисто технически этот тип храма является предшественником Сумиёси.

Самым почитаемым из всех является храмовый комплекс Исэ в Удзи-Ямада на востоке полуостро-

ва Кии, в котором хранится зеркало богини Солнца (рис. 65, 2). Комплекс состоит из двух почти одинаковых храмов, внутреннего и внешнего, расположенных один от другого на расстоянии почти в 6,5 километра. Они всегда были слишком почитаемы для того, чтобы что-то менять в их устройстве, и вплоть до самого последнего времени нельзя было даже публиковать их рисунки и фотографии.

Внутренний храм был построен энергичным императором Суинином как священное жилище Аматэрасу-но-Омиками. Внешний храм, расположенный неподалеку от железнодорожной станции, возведен в честь Тоюке-но-Омиками, богини земледелия и шелководства. Считается, что когда-то храм находился в Киото и что в данное место он был перенесен императором Юриаки в 478 году нашей эры. Теоретически эти окруженные потрясающе красивыми японскими кедрами храмы каждые двадцать лет должны строиться заново на примыкающих к ним площадках. Это не всегда было возможно, в том числе и из-за войн; тем не менее, в 1954 году была осуществлена 59-я с момента введения этой практики в VII веке перестройка. В отделке всего здания были сохранены тона древесины кипариса, лишь кончики украшений на крыше позолочены. Все сооружение построено без использования гвоздей или сложных креплений. Парадоксально, что с точки зрения строительной конструкции эти храмы очень примитивны, однако в организационном смысле это самый передовой из всех существующих на данный день типов добуддистских храмов.

Каждый из двух храмов фактически представляют собой группу зданий, окруженных с четырех сторон деревянным забором. Эти здания обращены на юг, при этом их входы расположены в длинной

стене. Будто приближаясь к Запретному, находящемуся во внутреннем городе, — там, где в северном конце стоит дворец (в определенном смысле это напоминает Наниву — древнюю Осаку), — входящий на территорию храма в южном конце двора паломник минует экран духов и входит только в первые тории. Оттуда он может видеть святейшее из святейших, покоящееся на возвышении почти в центре самого сокровенного прямоугольника. Поскольку эти прямоугольники расположены по отношению один к другому таким образом, что между заборами, не позволяющими паломникам подойти вплотную к храмам, имеется довольно большое свободное пространство (о задней стене храма речь не идет), то получается, что основное здание храма фактически находится в северном конце комплекса.

В комплексах обоих храмов сооружения меньшего размера, построенные по образцу главного храма, находятся справа и слева от последнего и в случае внешнего храма — ближе к его передней части, а в случае внутреннего храма — ближе к его задней части. В то время как не слишком ревностный последователь синтоизма может расстроиться из-за того, что проходить за расположенный за вторым забором священный алтарь не разрешено, уменьшенные копии этих сооружений стоят без всяких заборчиков и их можно рассмотреть во всех подробностях (фото 106).

Случайный посетитель может и не знать о других парадоксах, благодаря наличию которых на протяжении всех тех веков, когда границы страны оставались открытыми, а японцы живо интересовались всеми появляющимися на континенте новинками, Исе дает точное представление о характерных осо-

бенностях Японии. Хотя по своей сути храмы Исэ можно назвать очень японскими, все же в них ощущается и заметное влияние континента (а в каких-то аспектах оно даже оказывается сильнее). Несмотря на это, они прекрасно вписываются в окружающую местность. Это умение японцев приводить заимствования в соответствии с устоявшейся местной практикой оттачивалось на протяжении пяти столетий — то есть всего добуддистского периода; Исэ представляет собой концентрированное выражение этого умения и вершину мастерства.

**ИМПЕРАТОРЫ, ПРАВИВШИЕ
ДО ПРИХОДА БУДДИЗМА В ЯПОНИЮ**

Имя	Годы правления (согласно традиции)	Возраст по «Кодзике»	Возраст по «Нихон Сёки»	Продолжительность правления по «Кодзике» и «Нихон Сёки»	Примерные уточненные даты
ДЗИММУ	660—585 гг. до н. э.	137	127	—	I век до н. э. I век н. э.
СУИДЗЕЙ	581—549	45	80	—	I век н. э.
АННЕЙ	548—511	49	57	—	I век н. э.
ИТОКУ	510—477	45	77	—	I век н. э.
КОСЁ	475—393	93	113	—	I век н. э.
КОАН	392—291	123	—	«H.C.» — 102	II век н. э.
КОРЕИ	290—215	106	—	«H.C.» — 76	II век н. э.
КОКЕН	214—158	57	—	«H.C.» — 57	II век н. э.
КЛЯКА	157—98	63	—	«H.C.» — 60	III век н. э.
СУДЗИН	97—30	168	120	—	219—249
СУНИН	29 г. до н. э.— 70 г. н. э.	153	140	—	249—280
КЕЙКО	71—130	137	106	—	280—316
СЕЙМУ	131—190	95	107	—	316—343
ЮАЙ	191—200	52	52	—	343—346
ДЗИНГО (императрица)	201—269	100	100	—	—
И ОДЗИН	270—310	130	110	—	346—395
НИНТОКУ	313—399	83	—	«H.C.» — 87	395—427
РИТЮ	400—405	64	70	—	427—432
ХАНДЗЕЙ	406—411	60	—	«H.C.» — 6	433—438
ИНГИО	412—453	78	—	«H.C.» — 42	438—453
АНКО	454—456	56	—	«H.C.» — 3	—
ЮРИАКИ	457—479	124	—	«H.C.» — 23	—
СЕЙНЕЙ	480—484	—	—	«H.C.» — 5	—
КЕНЗО	485—487	38	—	«H.C.» — 3	—
НИНКЕН	488—498	—	—	«H.C.» — 11	—
МУРЕЦУ	499—506	—	—	«H.C.» — 8; «K.» — 8	—
КЕЙТАЙ	507—531	43	82	—	—
АНКАН	543—535	—	70	—	—
СЕНКУВА	536—539	—	73	—	—
КИММЕЙ	540—571	—	—	«H.C.» — 32	—

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
<i>Глава 1. Палеолит и мезолит</i>	17
<i>Глава 2. Неолит</i>	26
Археологические памятники	29
Пища	48
Орудия труда и керамика	55
Обычаи и символы	75
Человек неолита	100
<i>Глава 3. Век бронзы и железа</i>	106
Рисоводство и сельские общины	113
Погребальные обычаи	126
Изделия из бронзы	135
Керамика	152
Обычаи и религиозные обряды	162
<i>Глава 4. Протоисторический период</i>	165
Общины	173
Железо	182
Могильные курганы	185
Содержимое могильных курганов	209
Скульптура могильных курганов	253
Храмы	265
Императоры, правившие до прихода буддизма в Японию	275
Подписи к фотографиям	276

Киддер Дж.Э.
ЯПОНИЯ ДО БУДДИЗМА
Острова, заселенные богами

Ответственный редактор *Л. И. Глебовская*

Художественный редактор *И. А. Озеров*

Технический редактор *Н. В. Травкина*

Корректор *И.А. Филатова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 08.05.2003.
Формат 84x108¹/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.
Уч.-изд. л. 12,25 + З альбома = 14,79.

Тираж 7 000 экз. Заказ № 1017.

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
ном. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

ООО Издательство «Внешторгпресс»
103051, Москва, ул. Трубная, 24, корп. 3

Отпечатано в ФГУИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.